1 Т. 3. 7

С. Т. Голубевъ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ

Кіевской Духовной Академіи.

(Отвѣтъ профессора Голубева профессору Титову и бесѣды его съ разными лицами по вопросамъ ученымъ, учебнымъ и житейскимъ).

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1907.

По временамъ, въ тѣхъ или иныхъ изданіяхъ, я помѣщаю сравнительно небольшія статьи подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ: „Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви“. Статьи эти имѣютъ задачею сообщать новыя свѣдѣнія изъ области исторіи западно-русской церкви (восполнять существующіе въ литературѣ пробѣлы) и исправлять вкравшіяся въ сію область ошибочныя мнѣнія, неточности и т. п. Послѣдняя моя статья подъ означеннымъ заглавіемъ, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за прошлый годъ, имѣла главною своею задачею сдѣлать документальную и критическую оцѣнку многочисленнымъ библіографическимъ открытіямъ проф. Титова, которыя, по моему мнѣнію, оказываются открытіями *мнимыми*, происшедшими,—какъ я говорилъ,—съ одной стороны, *отъ полной неосвѣдомленности* почтеннаго профессора съ предметомъ, о которомъ онъ возъимѣлъ желаніе трактовать, а съ другой—вслѣдствіе отсутствія у него *критическаго отношенія* къ затронутому вопросу, отсутствія *даже намека на это*. На ряду съ этою главною задачею я коснулся и другихъ вопросовъ, бо́льшею частью, такъ или иначе связанныхъ съ библіографическими открытіями проф. Титова (напр., вопроса о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ и друг.).

Упомянутая моя статья, какъ основанная на документальныхъ данныхъ, критически провѣренныхъ и тщательно продуманныхъ, притомъ не только *устанавливающая вполнѣ вѣрный взглядъ на мнимыя открытія проф. Титова*, *но попутно исправляющая вкравшіяся въ нашу библіографію и другія ошибочныя мнѣнія*,—безъ сомнѣнія, представляетъ ту или

иную научную цѣнность. Не автору судить о размѣрахъ этой цѣнности, но онъ смѣло можетъ сказать, какъ бы ни мала была лепта, вложенная его статьею въ научную сокровищницу, она есть лепта *настоящая*, а *не фальшивая*, и библіографы *не могутъ отказать ей въ учетѣ*.

Такъ мыслитъ о своей статьѣ пишущій сіи строки проф. Голубевъ.

Совершенно иначе отзывается о ней проф. Титовъ.

Онъ считаетъ ее *чисто сказочнымъ произведеніемъ*, обнаруживающимъ *грубое историческое невѣжество автора*, *грубое извращеніе имъ историческихъ данныхъ*, *намѣренную и завѣдомую фальсификацію ихъ*,—произведеніемъ, переполненнымъ *буффонадными фразами*, *грубою и безцеремонною лживостью*, *гнусными и недостойными честнаго человѣка инсинуаціями*, *пошлыми выходками* (между прочимъ, противъ Кіево-Печерской Лавры),—произведеніемъ, представляющимъ собою *quasi—ученый пасквиль* и т. д., и т. д., отъ начала до конца. Статья моя, по мнѣнію профессора Титова, „должна всякаго безпристрастнаго читателя убѣждать въ томъ, что авторъ ея или совсѣмъ не имѣетъ здраваго разума, или если имѣлъ его прежде, то потерялъ въ послѣднее время, и во всякомъ случаѣ во время написанія имъ сказки про бѣлаго бычка *его размышляющая сила почему-то бездѣйствовала*“.

Жестоки слова сіи!

Но проф. Голубевъ, очевидно, до такой степени огрубѣлъ въ грѣхахъ своего историческаго невѣжества, что его не пробираютъ душеспасительныя словеса достопочтеннѣйшаго отца протоіерея Ѳ. И. Титова и онъ „съ грубымъ высокомѣріемъ ученаго монополиста“ и „съ хлестаковскимъ апломбомъ“ (беру выраженія изъ статьи о. Титова) обращается къ нему съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ:

1) Въ Кіевской Духовной Академіи учреждается стипендія на $^0/_0$ съ капитала въ 6000 рублей.

2) Деньги для образованія сей стипендіи вносятся или проф. Голубевымъ или проф. Титовымъ посредствомъ ежемѣсячныхъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, начиная съ 1908 г., вычетовъ

изъ жалованья того или другого по приговору *ученой комиссіи*.

3) Коммиссія эта имѣетъ дать положительный или отрицательный отвѣтъ по нижеслѣдующимъ проф. Голубева утвержденіямъ:

а) Статья его, проф. Голубева, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1906 годъ, подъ заглавіемъ: „Объяснительные параграфы по исторіи западнорусской церкви“, представляетъ *дѣйствительную, а не фальшивую цѣнность*, ибо устанавливаетъ *вполнѣ вѣрный взглядъ на мнимыя* открытія проф. Титова и попутно *исправляетъ и другія вкравшіяся въ нашу библіографію ошибочныя мнѣнія*.

б) Направленная противъ сихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ статья проф. Титова, помѣщенная въ іюньской книжкѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за текущій годъ, есть статья *въ научномъ отношеніи ничтожнѣйшая*, свидѣтельствующая о *незрѣлости критической мысли автора*.

Кто же будутъ нашими судьями?

Профессоръ Титовъ въ своей статьѣ заявляетъ, что я обнаруживаю въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ *чрезвычайно надменный презрительный тонъ по отношенію къ такимъ несомнѣннымъ ученымъ авторитетамъ*, каковы академикъ А. И. Соболевскій и г. Родосскій.

Что-же? Вотъ уже и есть два человѣка, ученый авторитетъ которыхъ я вполнѣ признаю. Предлагаю и третьяго въ лицѣ И. А. Бычкова, библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, какъ ученаго, извѣстнаго своими библіографическими трудами и пребывающаго у кладезя нашей старопечати.

Отдаю всѣ преимущества проф. Титову. Я правъ только *при единогласіи* въ мою пользу, т. е., если два лица будутъ *за меня* и только *одно* противъ меня,—капиталъ для стипендіи вношу я.

Предлагаю сіе вниманію проф. Титова съ просьбою дать тотъ или иной отвѣтъ въ редакцію „Кіевлянина“ для напечатанія въ сей газетѣ. Если проф. Титовъ не удостоитъ меня отвѣтомъ,

то и это будетъ уже имѣть значеніе, понятное безъ всякихъ объясненій.

Но пока судъ да дѣло, я, по побужденіямъ, которыя читателямъ будутъ ясны по прочтеніи моей статьи, считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько разъясненій по поводу упомянутаго, выходящаго изъ ряда обычныхъ, произведенія проф. Титова, направленнаго противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ". Я постараюсь быть понятнымъ и для не спеціалистовъ. (Буду имѣть въ виду преимущественно публику широкую; для спеціалистовъ моя статья въ комментаріяхъ не нуждается).

I.

Приступаю къ выясненію моихъ разногласій съ проф. Титовымъ.

Начну съ простѣйшаго и это простѣйшеее иллюстрирую примѣромъ.

Профессоръ Голубевъ напечаталъ своего Петра Могилу въ такомъ-то году, *въ Кіевѣ, въ типографіи Корчакъ-Новицкаго.*

Профессоръ Поповъ напечаталъ своего Блаженнаго Діадоха, въ такомъ-то году, *въ Кіевѣ*, въ типографіи *Горбунова.*

Профессоръ Петровъ напечаталъ Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи, въ такомъ-то году, *въ Кіевѣ*, въ типографіи *Чоколова* и т. д. и т. д.

Всѣ эти книги заносятся библіотекарями въ каталоги съ указаніемъ, что онѣ въ такіе-то годы вышли въ свѣтъ *въ Кіевѣ*, но безъ означенія *въ какой именно типографіи* печаталась та или иная книга.

Теперь предположимъ, что спустя много лѣтъ кто-либо мало знакомый съ библіографіею занялся бы восполненіемъ списка книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Кіево-Печерской Лавры, и на основаніи упомянутыхъ библіотечныхъ каталоговъ всѣ книги, значащіяся въ нихъ вышедшими *въ Кіевѣ*, отнесъ къ числу Кіево-Печерскихъ изданій!! Что люди, знакомые съ библіографіею, сказали-бы?—Они сказали-бы: Милостивый Государь! Что это такое вы натворили? Зачѣмъ это вы Петра Могилу Голубева, Діадоха Попова и т. д. занесли въ списокъ книгъ, вышедшихъ изъ Лавр-

ской типографіи?—Малоопытный библіографъ заявилъ-бы: да вѣдь вотъ въ каталогахъ они значатся вышедшими въ Кіевѣ, а выраженіе *въ Кіевѣ* „я понимаю“ въ смыслѣ Кіево-Печерской типографіи.—Знакомые съ дѣломъ разъяснили-бы малоопытному библіографу, что въ данное время въ Кіевѣ была не одна типографія, а нѣсколько ихъ, и что его пониманіе неправильное, а для вящаго вразумленія показали-бы и самыя книги: смотрите-де, вотъ Петръ Могила Голубева, изданный типографіею Корчакъ-Новицкаго, вотъ Діадохъ Попова, изданный типографіею Горбунова, и т. д. Если-бы малоопытный библіографъ былъ человѣкъ разсудительный, онъ принялъ-бы эти разъясненія къ свѣдѣнію и книги, по невѣдѣнію занесенныя имъ въ списокъ Лаврскихъ изданій, изъ него вычеркнулъ. Но если-бы малоопытный библіографъ былъ вмѣстѣ и маларазсудительнымъ и притомъ дѣтиною упорства непобѣдимаго, то онъ, несмотря на очевидность, сталъ-бы изворачиваться, а пожалуй и ругаться. Сталъ-бы, напр., говорить, почему-де книга о Петрѣ Могилѣ Голубева не могла быть одновременно напечатана и у Корчакъ-Новицкаго и въ Лаврской типографіи, развѣ типографіи не могли конкурировать между собою, и т. д. и т. д.,—словомъ, чѣмъ дольше сталъ-бы изворачиваться, тѣмъ болѣе погрязалъ-бы въ лужѣ.

Все изложенное въ приведенномъ примѣрѣ съ точностью фотографическою и случилось съ проф. Титовымъ, причемъ почтенный профессоръ принялъ на себя роль библіографа маларазсудительнаго и, несмотря на очевидность, непобѣдимо упорствующаго.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Наиболѣе подробный каталогъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ книгъ, вышедшихъ изъ Львовской братской типографіи съ конца XVI стол. по 1722 годъ, помѣщенъ въ сочиненіи г. Крыловскаго: „Львовское ставропигіальное братство“ (Кіевъ, 1904 г.). Профессоръ Титовъ, на основаніи бывшихъ у него описей старопечатныхъ книгъ, восполняетъ этотъ списокъ многими изданіями, но такъ какъ восполняетъ по рецепту, которому слѣдовалъ указанный въ приведенномъ примѣрѣ малоопытный библіографъ, то и результаты получились однородные: всѣ библіографическія открытія проф. Титова оказались *открытіями мнимыми*.

Печальная исторія библіографическихъ изысканій проф. Титова такова.

Въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры находятся описи старопечатныхъ книгъ, хранившихся въ давнее время въ монастыряхъ и церквахъ, подвѣдомыхъ Лаврѣ. Онѣ составлены въ 1744 году. Въ нихъ обозначены *названія* книгъ, *мѣсто* и *время* ихъ изданія,—но обозначены кратко: *названіе* книги—однимъ, двумя словами (Евангеліе, Апостолъ, Тріодь Цвѣтная и т. д.), безъ тѣхъ длинностъ, какими преизобилуютъ заглавные листы старопечатныхъ книгъ; *мѣсто изданія*—обозначеніемъ города, безъ указанія на ту или иную типографію (*„печати Львовской“*, *„печати Виленской“* и т. д.)[1]); *время изданія*—указаніемъ на годы, безъ указанія мѣсяцевъ и дней выхода книги. Въ эти описи занесено довольно много книгъ, вышедшихъ во Львовѣ, безъ обозначенія въ какой типографіи напечатана та или другая книга, а съ общимъ краткимъ указаніемъ, что онѣ суть „печати Львовской“. Вотъ тѣ изъ сихъ книгъ, которыя не значатся въ каталогѣ г. Крыловскаго, проф. Титовъ,—очевидно пребывая (какъ я писалъ) въ увѣренности, что во Львовѣ существовала *одна только* славяно-русская типографія—братская,—и внесъ въ означенный каталогъ. Отсюда произошли слѣдующія ошибки: во1-хъ, занесены въ каталогъ книги *Львовской печати*, вышедшія въ свѣтъ не изъ братской, а изъ другихъ существовавшихъ въ то время во Львовѣ типографій—*Михаила Слѣзки*, львовскаго епископа *Арсенія Желиборскаго* и *Каѳедральной церкви*; во 2-хъ, перенесены въ каталогъ ошибки описей, нерѣдко въ нихъ встрѣчающіяся при обозначеніи датъ, вслѣдствіе чего занесены въ него такія книги, которыя не только никогда не выходили изъ братской, но и изъ другихъ львовскихъ типографій.

Все это я, проф. Голубевъ, въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ *показалъ* и *доказалъ*, и за все это я, проф. Голубевъ, обвиняюсь въ грубомъ историческомъ невѣжествѣ и отсутствіи у меня размышляющей силы.

---

[1]) Исключеніе дѣлается только для книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Кіево-Печерской Лавры; онѣ отмѣчаются: „печати Кіево-Печерской“.

Посмотримъ, такъ-ли обстоитъ дѣло.

Проф. Титовъ говоритъ, что я не имѣлъ права усумниться въ его знаніи о существованіи во Львовѣ нѣсколькихъ типографій одновременно.

Хорошо. Но въ такомъ случаѣ научная вина проф. Титова *усугубляется*, и онъ изъ легкаго огня попадаетъ въ самый пламень.

Прежде я констатировалъ по данному вопросу незнаніе проф. Титовымъ *факта*, теперь логически необходимо констатировать *незрѣлость его научныхъ пріемовъ*.

Проф. Титовъ заявляетъ, что выраженіе „*печати Львовской*“ онъ какъ прежде (до написанія моей статьи), такъ и теперь (послѣ ея написанія) *понималъ и понимаетъ* („я понималъ и понимаю“) *въ смыслѣ Львовской братской типографіи*, не взирая на то, каковы-бы книги эти ни были, *даже если онѣ имѣются въ настоящее время въ наличности и на нихъ явственно обозначено, что онѣ вышли изъ другихъ типографій*, ибо— продолжаетъ развивать свою мысль проф. Титовъ—почему онѣ „не могли быть“ напечатаны *одновременно* и въ братской типографіи: кто мнѣ докажетъ противное? Я пока не вижу никакихъ основаній отказываться отъ своего мнѣнія по данному вопросу и потому слова проф. Голубева (о книгахъ вышедшихъ изъ типографій Слёзки, Желиборскаго и Каѳедральной): „всѣ эти изданія не суть изданія Львовской братской типографіи“,—остаются буффонадною фразою“ (sic!).

Достопочтеннѣйшій профессоръ, помилосердуйте! Вѣдь вы пользуетесь такимъ пріемомъ, который не имѣетъ *никакого научнаго значенія* и не терпимъ даже въ школьническихъ упражненіяхъ. Вѣдь, слѣдуя вашему пріему, я могу понимать выраженіе описей „*печати Львовской*“ въ смыслѣ типографіи Слёзки, другой— въ смыслѣ типографіи Желиборскаго и т. д. и т. д. Все зависитъ отъ личнаго, ни на чемъ неоснованнаго усмотрѣнія. Вѣдь, слѣдуя этому пріему, можно понабрать не незначительный ворохъ доселѣ невѣдомыхъ міру изданій. Но какая отъ этого польза для науки? Рѣшительно никакой. Это мыльные пузыри. Дунулъ на нихъ—и слѣдъ простылъ.

Вы говорите, почему нельзя *предположить* и проч.?

Разумѣется, наука безъ предположеній обойтись не можетъ. Но есть предположенія *умныя*, которыя если и не осуществляются, то все-таки приносятъ пользу для науки и иногда чрезвычайно большую, будя и направляя мысль къ рѣшенію тѣхъ или иныхъ задачъ и попутно освѣщая тѣ или иные вопросы. Нѣкоторыя изъ такихъ предположеній, благодаря новой, оригинальной постановкѣ вопросовъ,—несоизмѣримо важнѣе самыхъ фактовъ. Все это хорошо извѣстно. Но есть предположенія *и неумныя*, и также извѣстно, какъ они именуются.

Вы говорите: доказательствъ, доказательствъ! Докажите, что книги, вышедшія въ свѣтъ въ извѣстные годы изъ типографій Слёзки, Желиборскаго и т. д., не выходили въ тѣ же годы изъ типографіи Львовскаго братства...

Помилосердуйте, профессоръ Титовъ! Какія вамъ нужны доказательства? Самый фактъ—*отсутствіе* подобныхъ книгъ желаемаго вами изданія и отсутствіе *всякихъ основаній* для предположенія, чтобы онѣ братской типографіею были изданы,—есть уже само по себѣ доказательство.

Вы говорите: Какъ нѣтъ никакихъ основаній для подобнаго предположенія? Я, проф. Титовъ, ихъ указываю. Я заявляю: въ разсматриваемой мною описи (возьмемъ для примѣра одну книгу) Ключъ Разумѣнія 1665 г., Іоанникія Галятовскаго, показанъ книгою *печати Львовской*. Я знаю, что онъ вышелъ изъ львовской типографіи *М. Слёзки*, но я, проф. Титовъ, понималъ и понимаю выраженіе *„печати Львовской“* въ смыслѣ типографіи братской и думаю, что Ключъ Разумѣнія Галятовскаго изданъ былъ одновременно обѣими типографіями. Ну-ка докажите, что я не правъ?

Воистину, начинается сказка про бѣлаго бычка. Пойдемъ однако на встрѣчу странной фантазіи проф. Титова и будемъ приводить доказательства *отъ разума*.

Такъ какъ я пишу преимущественно для публики широкой, то опять начну рѣчь, иллюстрируя ее примѣромъ.

Проф. Голубевъ написалъ объемистое сочиненіе о Петрѣ Могилѣ.

Іоанникій Галятовскій въ свое время тоже написалъ объемистое сочиненіе, озаглавивъ его: *Ключъ Разумѣнія.*

Оба сочиненія изданы.

Профессоръ Голубевъ .могъ издать свое сочиненіе или на средства, находившіяся въ его распоряженіи, сдѣлавъ соотвѣтствующій заказъ въ типографіи самъ; или продать рукопись для изданія ея книгопродавцу.

Профессоръ Голубевъ издалъ свою книгу самъ на средства, любезно предоставленныя ему университетомъ св. Владиміра,—издалъ въ количествѣ 800 экземпляровъ въ типографіи Корчакъ-Новицкаго.—Могъ-ли онъ свою книгу выпустить одновременно въ двухъ изданіяхъ, изъ двухъ различныхъ типографій—изъ одной 400 экземпляровъ и изъ другой 400? Нѣтъ. Почему? Да потому, что для этого нужно было бы безцѣльно нести двойные расходы и профессора Голубева, поступившаго такъ, слѣдовало бы признать человѣкомъ ненаходившимся въ полномъ умѣ и твердой памяти.

Не могла появиться книга проф. Голубева одновременно въ двухъ изданіяхъ и въ томъ случаѣ, если бы она продана была книгопродавцу. Послѣдній, безъ сомнѣнія, гарантировалъ бы себя отъ возможности такого сюрприза. „Подпишите, профессоръ, контрактецъ“,—такъ говоритъ обыкновенно нашъ достопочтеннѣйшій Н. Я. Оглоблинъ (извѣстный кіевскій книгопродавецъ).

Теперь перенесемся мыслію во Львовъ XVII столѣтія. Если Галятовскій издавалъ свою книгу самъ на личныя или предоставленныя ему средства, то почему мы должны считать его менѣе здравомыслящимъ, чѣмъ проф. Голубева? Если же онъ продалъ ее М. Слёзкѣ—типографу *и вмѣстѣ съ тѣмъ книгопродавцу*,—то почему мы должны считать послѣдняго какимъ то рѣдкостнымъ исключеніемъ?

Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ, что книга Галятовскаго, вышедшая, какъ значится на заглавномъ ея листѣ, въ 1665 году изъ типографіи Слёзки, не могла быть въ томъ же году напечатана Львовскимъ братствомъ въ его типографіи.

Разумѣется, область предположеній безгранична: проф. Титовъ можетъ въ слѣдующихъ своихъ статьяхъ предложить для

обсужденія вопросъ: не было ли въ разсматриваемое время въ городѣ Львовѣ достаточнаго числа *идіотовъ?*—Но я позволю себѣ уклониться отъ рѣшенія этого вопроса, ибо роль Чичикова при бесѣдѣ его съ Коробочкою слишкомъ утомительна и далеко не такъ пріятна, какъ роль Хлестакова, которую приписываетъ мнѣ проф. Титовъ.

Проф. Титовъ скажетъ: Ключъ Разумѣнія сочиненіе, *собственность автора.* Но Апостолъ, Требникъ, Служебникъ? Развѣ ихъ не свободно было издавать каждому и развѣ здѣсь не возможна была конкуренція?—

Я не буду здѣсь говорить о томъ, что и *свобода* при изданіи богослужебныхъ книгъ въ разсматриваемое время была *ограничена* и конкуренція, вслѣдствіе этого, была поставлена *въ должныя границы*, нарушеніе которыхъ каралось,—я позволю себѣ только спросить проф. Титова: неужели онъ, въ теченіе полугода подготовляясь къ отвѣту на мою статью и теперь, безъ сомнѣнія, достаточно знакомый съ *фактами*, не въ состояніи былъ ихъ *осмыслить?*

Переходимъ къ фактамъ.

Апостолы 1639 и 1654, извѣстные какъ вышедшіе *изъ типографіи Слѣзки*, проф. Титовъ, на основаніи своеобразнаго пониманія имъ выраженія описей *„печати Львовской“*, включаетъ въ число изданій *Львовскаго братства* (была де конкуренція и т. д.).

Я позволю себѣ спросить почтеннаго профессора: извѣстенъ-ли ему Апостолъ, изданный Львовскимъ братствомъ въ 1666 году?

Разумѣется извѣстенъ (предположеніе съ моей стороны невѣдѣнія послѣ полугодовой работы проф. Титова было бы уже самою непростительною дерзостью). А если извѣстенъ, то, разумѣется, ему извѣстно и то, что книга эта, какъ явственно значится на ея заглавномъ листѣ, братскою типографіею „второе типомъ издана“. А если такъ, то я позволю себѣ спросить проф. Титова: можно-ли въ зашитый карманъ положить платокъ? Можно-ли войти въ запертую дверь?—Вы догадываетесь, профессоръ, что я хочу сказать? Если нѣтъ, то подумайте.

Требникъ 1645 года, вышедшій изъ типографіи львовскаго епископа *Арсенія Желиборскаго*, и Служебникъ, изданный Слёзкою въ 1646 году, тоже не могли быть одновременно печатаемы и Львовскимъ братствомъ. Разумѣется, проф. Титовъ знаетъ или долженъ бы знать, что когда въ началѣ 1645 года митрополитъ Петръ Могила былъ извѣщенъ, что во Львовѣ епископъ Желиборскій намѣревается печатать въ своей типографіи *Требникъ*, а М. Слёзка въ своей *Служебникъ*,—то послалъ имъ письма съ требованіемъ, чтобы означенныя изданія были пріостановлены, угрожая Слёзкѣ даже отлученіемъ отъ церкви, бу́де онъ не подчинится его, митрополита, приказанію. Тогда же Могила написалъ письмо *Львовскому братству*, чтобы оно, если Слёзка не откажется отъ своего намѣренія, не имѣло съ нимъ никакого общенія. Въ данномъ случаѣ Петръ Могила имѣлъ въ виду преимущественно интересы Кіево-Печерской Лавры, въ книжныхъ складахъ которой находилось значительное количество Служебниковъ; предвидѣлось въ недалекомъ будущемъ изданіе и его знаменитаго Требника. И Желиборскій, и Слёзка не подчинились требованію митрополита. На этой почвѣ обострились (и до сего не очень гладкія) отношенія между Могилою и Желиборскимъ. Отголоски этого крупнаго разногласія между митрополитомъ и Львовскимъ епископомъ можно усматривать въ предисловіяхъ къ изданнымъ имъ въ это время Требникамъ. Что же касается до Слёзки, то митрополитъ отлучилъ его отъ церкви.

Теперь спрашиваю: при такомъ положеніи дѣлъ, могло-ли Львовское братство даже помыслить объ изданіи Требника и Служебника?

Разумѣется, нѣтъ.

Издавая эти книги братство, безъ сомнѣнія, подверглось бы карѣ со стороны митрополита. Въ частности, издавая Требникъ, оно стало бы во враждебныя отношенія и къ мѣстному епископу Желиборскому (создало бы ему конкуренцію, притомъ безцѣльную, безъ сомнѣнія, въ убытокъ себѣ). Нечего и говорить объ убыткахъ, которые понесло-бы братство, вступивъ въ конкуренцію со Слёзкою, который былъ не только типографомъ, но и очень

оборотливымъ *книгопродавцемъ* (разъѣзжалъ повсюду по ярмаркамъ и т. п.).

Невозможное есть невозможное.

Полагаемъ, что приведенныя доказательства не достаточно убѣдительны для непобѣдимо упорствующаго профессора Титова и онъ будетъ желать, чтобы его книжныя открытія заносимы были въ библіографическіе труды слѣдующимъ образомъ:

1) „Ключъ Разумѣнія“, 1665 г.; изданъ—какъ значится на заглавномъ его листѣ—*во Львовѣ, въ типографіи М. Слёзки*; впрочемъ въ „Описяхъ“ значится, что Ключъ Разумѣнія *Львовской печати*, а проф. Титовъ понимаетъ выраженіе *Львовской печати* въ смыслѣ *львовской братской типографіи*; слѣдовательно, въ означенномъ году было два изданія сей книги.

2) „Требникъ“ 1645 г.; изданъ—какъ значится на заглавномъ его листѣ—*во Львовѣ*, въ типографіи епископа Арсенія Желиборскаго; впрочемъ въ „Описяхъ“ значится, что Требникъ 1645 *Львовской печати*, а проф. Титовъ понимаетъ выраженіе *Львовской печати*, въ смыслѣ *львовской братской типографіи*; слѣдовательно, въ означенномъ году было два изданія сей книги.

Но смѣю увѣрить васъ, почтеннѣйшій профессоръ, что желаніямъ вашимъ не суждено осуществиться, и я позволю себѣ,—не только потому, что на это даетъ мнѣ полное право тонъ и характеръ вашей статьи, но *главнымъ образомъ* на основаніи *всего вышеизложеннаго*,—позволю себѣ прибить къ вашимъ открытіямъ о двойныхъ львовскихъ изданіяхъ и вашимъ объясненіямъ по поводу ихъ нижеслѣдующій ярлычекъ:

Все сіе есть Титовская галиматья!

И если вы, проф. Титовъ, все таки эту свою галиматью будете защищать, то—безъ сомнѣнія—пріобрѣтете широкую извѣстность всероссійскаго библіографа-*unic'a*, ибо высказанные вами взгляды и мнѣнія по поводу вашихъ библіографическихъ открытій *навсегда останутся единоличными вашими* взглядами и мнѣніями.

Глаголю истину непреложную!

II.

Недоразумѣнія, созданныя проф. Титовымъ по отношенію къ книгамъ хорошо извѣстнымъ, разсѣеваются сразу: книги, напечатанныя во Львовѣ не братскою, а другими типографіями, и только ошибочно пріуроченныя проф. Титовымъ къ типографіи братской, легко могутъ быть разсортированы лицемъ, знакомымъ съ библіографіею, по принадлежащимъ имъ мѣстамъ, т. е. по типографіямъ, гдѣ онѣ напечатаны; легко могутъ быть разсортированы подобно тому, какъ добрая хозяйка, во „единую кучу“ сваленную провизію, быстро и легко распредѣляетъ по соотвѣтствующимъ мѣстамъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ тѣми книгами, вышедшими, по мнѣнію проф. Титова изъ Львовской братской типографіи, *о которыхъ въ библіографіи свѣдѣній не имѣется.*

Трудность заключается въ слѣдующемъ. Наши свѣдѣнія о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ еще далеко не полны. Возможны все новыя и новыя приращенія означенныхъ книгъ. Поэтому естественно напрашивается вопросъ: между книгами, указанными проф. Титовымъ, какъ вышедшими изъ Львовской братской типографіи, не находятся-ли и такія, которыя хотя библіографамъ неизвѣстны (неизвѣстны даже какъ вышедшія во Львовѣ изъ другихъ типографій), однако на самомъ дѣлѣ существовали (или существуютъ), и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя восполненія, дѣлаемыя проф. Титовымъ къ списку книгъ, составленному г. Крыловскимъ, могутъ оказаться восполненіями не мнимыми, а дѣйствительными?

Отвѣтить на поставленный вопросъ уже далеко не такъ легко. Для этого—какъ я говорилъ—необходима критика *вооруженная всѣми, имѣющими отношеніе къ сему вопросу, данными* (опредѣленіе *значимости* бывшихъ у проф. Титова описей, *хорошее знакомство* съ библіографіею, *письменными памятниками*, относящимися къ ней, и т. д.)

Этою работою, „насколько она мнѣ была посильна“, я и занялся въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“.

Результатомъ этой работы былъ тотъ выводъ, что и остальныя всѣ библіографическія открытія проф. Титова *суть открытія мнимыя.*

Разумѣется, проф. Титовъ съ этимъ не соглашается. Онъ говоритъ, что я „огородъ горожу“, что, очевидно, на старости лѣтъ я растерялъ и тотъ разумъ, который имѣлъ прежде, и что во всякомъ случаѣ *для всякаго безпристрастнаго* читателя статьи профессора Титова должно быть ясно, что когда проф. Голубевъ писалъ свои „Объяснительные параграфы“ размышляющая *сила его бездѣйствовала.*

Понятное дѣло, что я не могу вводить почтенную публику въ кругъ своихъ библіографическихъ изысканій.

Статья моя писана *для спеціалистовъ.* Для другихъ лицъ, по мѣстамъ, она есть нѣчто побивающее всякій рекордъ скуки, въ виду чего, я, какъ бы извиняясь предъ читателями нашего академическаго журнала, не разъ тѣ или иныя разъясненія сопровождаю замѣчаніями: *пишу для записныхъ библіографовъ.*

Однако я все таки позволю себѣ познакомить благосклонныхъ читателей съ процессомъ моей работы, для того, чтобы они могли видѣть: профессоръ Голубевъ, на старости лѣтъ, всѣ-ли растерялъ свои мозги или у него нѣкая частица ихъ еще сохранилась.

Побесѣдуемъ объ *Анѳологіонѣ.*

Профессоръ Титовъ, на основаніи не разъ упоминаемыхъ нами описей, привноситъ въ каталогъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Львовскаго братства новое, доселѣ неизвѣстное изданіе—*Анѳологіонъ 1691 г.*

Издана-ли была эта книга въ означенномъ году?

Профессоръ Голубевъ обращается къ письменнымъ памятникамъ, гдѣ можно бы встрѣтить тѣ или иныя данныя для уясненія этого вопроса и находитъ, что *7 апрѣля 1692* года произведена была ревизія всѣхъ книгъ, находившихся въ складѣ Львовскаго братства, причемъ оказалось въ наличности: *Тріодей Цвѣтныхъ* 851 экз., *Получасословцовъ*—750 и т. д.; а *Анѳологіоновъ* всего только *два экземпляра.* И вотъ проф. Голубевъ сообразилъ (для чего мозговъ, разумѣется, требовалось не много) что

такая большая и очень дорогая книга, притомъ обыкновенно печатавшаяся въ большомъ количествѣ экземпляровъ, никоимъ образомъ не могла быть *распродана въ теченіе одного года*, и потому въ 1691 году *издана не была*, и слѣдовъ объ изданіи братствомъ этой книги въ Архивѣ Львовскаго братства искать было бы трудомъ тщетнымъ. То же обстоятельство, что Анѳологіоны въ братскомъ складѣ совсѣмъ были на исходѣ Израилевѣ, должно было побудить братство къ наискорѣйшему изданію этой книги. Дѣйствительно, 9 августа (по новому стилю) того же 1692 года братство заключило условіе съ типографомъ Симеономъ Ставницкимъ о напечатаніи 1500 экземпляровъ Анѳологіоновъ. Печатаніе началось тотчасъ же послѣ этого (3 августа по старому стилю) и окончено было къ 15 марту *1694 года*. Это и есть дѣйствительное изданіе Анѳологіона, находящееся во многихъ библіотекахъ.

Посмотримъ теперь на опись, которою пользовался проф. Титовъ.

Нужно замѣтить и подчеркнуть, что эта опись, составленная въ Свѣнскомъ Ново-Печерскомъ монастырѣ, выдается изъ ряда другихъ *наибо́льшею исправностью* (въ другихъ описяхъ встрѣчаются такія указанія на годы выхода въ свѣтъ книгъ, въ какіе даже книгопечатанія-то не было, не только въ Россіи, но и вообще гдѣ-бы то ни было. *Прошу замѣчаніе это запомнить*: пригодится при дальнѣйшихъ рѣчахъ). Особенность этой описи, по сравненію съ другими, состоитъ въ томъ, что въ ней обозначаются двойныя даты: *отъ сотворенія міра* и отъ *Рождества Христова*, и притомъ, какъ и въ самыхъ книгахъ, *числовыми славянскими буквами*,—что́, въ совокупности взятое, съ одной стороны, придаетъ бо́льшую значимость указаніямъ сей описи, а съ другой—даетъ возможность легко замѣтить вкравшіяся въ опись ошибки (при несоотвѣтствіи датъ между собою).

Теперь посмотримъ, какія даты имѣетъ *Анѳологіонъ* дѣйствительно Львовскимъ братствомъ изданный, т. е. Анѳологіонъ *1694 года*, и затѣмъ укажемъ какія даты сообщаетъ намъ опись объ Анѳологіонѣ, по мнѣнію проф. Титова, яко бы вышедшемъ въ 1691 году. Въ печати для бо́льшей ясности приведемъ разсматриваемыя даты въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

Дата отъ сотворенія міра *дѣйствительно* вышедшаго въ свѣтъ Анѳологіона:

*ѕ҃ѱв (*7202*).*

Дата отъ сотворенія міра (въ описи) Анѳологіона, относимаго проф. Титовымъ къ 1691 году:

*ѕ҃ѱв (*7202*).*

Дата отъ Рождества Христова дѣйствительно вышедшаго въ свѣтъ Анѳологіона:

*а҃хчд (*1694*).*

Дата отъ Рождества Христова (въ описи) Анѳологіона, относимаго проф. Титовымъ къ 1691 году:

*а҃хчѳ (*1691*).*

Такъ какъ даты отъ сотворенія міра и Рождества Христова въ описи между собою не сходятся, то *совершенно ясно*, что въ нее вкралась ошибка, „а въ *какое именно лѣтосчисленіе*—писалъ я—вкралась ошибка, объ этомъ, при существованіи Анѳологіона, вышедшаго въ свѣтъ въ 1694 году,—догадаться не трудно“.

Но проф. Титовъ, очевидно, подъ вліяніемъ столь естественнаго волненія, охватывающаго ученыхъ при тѣхъ или иныхъ открытіяхъ, не замѣтилъ означенной несообразности въ датахъ,—отсюда и произошло то, что онъ, восполняя каталогъ львовскихъ братскихъ изданій, внесъ въ него Анѳологіонъ, яко бы вышедшій въ свѣтъ въ 1691 году.

Правъ ли проф. Титовъ, утверждая сіе, или правъ проф. Голубевъ, отрицая,—рѣшеніе этого вопроса предоставляю на судъ благосклонныхъ читателей. Надѣюсь, что оно ихъ не затруднитъ.

III.

Профессоръ Титовъ прежде чѣмъ дать генеральное сраженіе профессору Голубеву считаетъ нужнымъ предупредить своихъ читателей, что проф. Голубевъ, такъ высоко мнящій о себѣ, въ сущности библіографъ очень не важный: пользуется трудомъ Ка-

ратаева, который отнюдь нельзя считать полнымъ, и библіографическими сочиненіями Зубрицкаго и Вишневскаго. Но эти сочиненія уже устарѣли, а между тѣмъ проф. Голубевъ „*безусловно* и, повидимому, *рѣшительно безъ всякой критики* имъ вѣритъ, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ“ (курсивъ о. Титова).

Собственно этотъ отзывъ проф. Титова о моемъ отношеніи къ трудамъ поименованныхъ писателей, *какъ никакими доказательствами не подкрѣпленный*, я могъ-бы пройти молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что какимъ оружіемъ, т. е. какими научными средствами располагаютъ вступающія въ борьбу стороны, и *какъ онѣ ими пользуются*,—это воочію видно будетъ изъ хода самой борьбы.

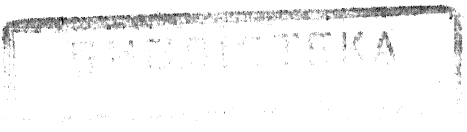
Тѣмъ не менѣе проф. Голубевъ, имѣя въ виду боевую прокламацію проф. Титова, тоже рѣшается произнести предъ сраженіемъ небольшое вступительное слово, и именно имѣющее въ виду прокламацію профессора Титова.

Слово сіе есть слѣдующее.

Какимъ это образомъ проф. Голубевъ ухитряется поправлять Каратаева на основаніи самого же Каратаева?—Каратаевъ говоритъ, что Тріодь Цвѣтная издана была въ 1642 году Слѣзкою *два раза*, а проф. Голубевъ утверждаетъ, что *однажды*. Возможно-ли такое категорическое утвержденіе безъ соотвѣтствующаго детальнаго изученія? Далѣе, возможны-ли тѣ скучнѣйшія примѣчанія проф. Голубева, имѣвшія въ виду *записныхъ* библіографовъ, гдѣ идутъ рѣчи о наборѣ, корректурныхъ ошибкахъ и т. п., безъ кропотливыхъ сличеній тѣхъ книгъ, о которыхъ идетъ рѣчь?

Премудрый Соломонъ, разрѣши ты эту загадку!

Загадка, если стоять на точкѣ зрѣнія проф. Титова о библіографическихъ работахъ проф. Голубева, неразрѣшима. Она вполнѣ уясняется на почвѣ фактовъ реальныхъ. Факты же эти таковы: всѣ упоминаемыя въ статьѣ проф. Голубева церковнославянскія книги (разумѣется, на самомъ дѣлѣ существующія, а не открытыя проф. Титовымъ) неоднократно, иныя по десяти разъ и болѣе, перебывали въ его рукахъ, и онъ просмотрѣлъ ихъ внимательно. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно быть



даже библіографомъ, а слѣдуетъ лишь заглянуть въ „Объяснительные параграфы“ проф. Голубева и съ нѣкоторымъ вниманіемъ ихъ просмотрѣть.

Правда, проф. Голубевъ частенько цитуетъ Каратаева, но въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ такъ, какъ и должно ему поступать. Каратаевъ былъ библіографъ мало ученый, но старательный, со страстію увлекавшійся старопечатными книгами. Достоинство его работы („Описаніе славяно-русскихъ книгъ“ и проч.) состоитъ преимущественно въ томъ, что въ ней почти всегда *полностію* приведены заглавія старопечатныхъ книгъ и съ наибольшею, чѣмъ въ другихъ подобныхъ трудахъ, исправностію. Вотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда проф. Голубевъ, говоря о какой-нибудь книгѣ, *совершенно не имѣетъ нужды* приводить ее длиннѣйшее заглавіе, онъ и отсылаетъ читателей къ Каратаеву. Напримѣръ, онъ пишетъ: „*Апостолъ*, изд. во Львовѣ, въ 1639 году, въ типографіи М. Слѣзки (полное заглавіе см. у Каратаева № 493)“; „*Требникъ*, изд. во Львовѣ, въ 1645 г., въ типографіи Желиборскаго (полное заглавіе см. у Каратаева № 590)“ и т. д.

Теперь нѣсколько словъ о Зубрицкомъ и Вишневскомъ или, точнѣе, объ одномъ Зубрицкомъ, такъ какъ ему въ трактуемыхъ мѣстахъ Вишневскій всецѣло слѣдуетъ.

Имѣя въ виду преимущественно публику широкую и для нагляднѣйшаго уясненія вопроса о моемъ якобы не критическомъ отношеніи къ Зубрицкому, я позволю себѣ прибѣгнуть къ формѣ катехизической.

Вопросъ. Что утверждаетъ проф. Титовъ объ отношеніи проф. Голубева къ Зубрицкому?

Отвѣтъ. Онъ утверждаетъ, что проф. Голубевъ „вѣритъ Зубрицкому (а вслѣдствіе этого и Вишневскому) *безусловно* и, повидимому, *рѣшительно безъ всякой критики*, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ“.

Вопросъ. Въ какомъ разумѣ должны быть понимаемы сіи слова: „по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ“?

Отвѣтъ. Въ томъ разумѣ, что въ статьѣ проф. Голубева находятся несомнѣнные случаи безусловной, безъ критики принимаемой вѣры Зубрицкому.

Вопросъ. Сколько сихъ случаевъ вы можете указать?

Отвѣтъ. Таковый случай есть единый и какъ-бы единственный.

Вопросъ. Не укажете-ли точно сей случай?

Отвѣтъ. Онъ заключается въ нижеслѣдующемъ: проф. Голубевъ, перечисливъ типографіи преемственно или одновременно существовавшія въ городѣ Львовѣ въ концѣ XVI и XVII стол., дѣлаетъ при семъ ссылку на Зубрицкаго.

Вопросъ. Въ чемъ дословно сія ссылка заключается?

Отвѣтъ. Она дословно гласитъ слѣдующее: „Свѣдѣнія объ означенныхъ типографіяхъ находятся въ сочиненіи Д. Зубрицкаго: Historyczne badania o drukarniach Rusko-słowiańskich w Galicyi. Lwow, 1836. (Въ настоящее время свѣдѣнія эти значительно могутъ быть пополнены, между прочимъ, и на основаніи труда г. Крыловскаго)“.

Вопросъ. Въ какой силѣ сдѣлано въ скобахъ прибавленіе, что свѣдѣнія у Зубрицкаго о львовскихъ типографіяхъ могутъ быть пополнены?

Отвѣтъ. Въ той силѣ, что хотя львовскіе типографіи у Зубрицкаго всѣ перечислены правильно (почему ссылка на него и сдѣлана), и свѣдѣнія о нихъ сообщаются, но о каждой изъ нихъ въ отдѣльности свѣдѣнія сіи могутъ быть восполнены на основаніи новыхъ данныхъ, между прочимъ, находящихся и въ трудѣ г. Крыловскаго, о которомъ выше велась рѣчь.

Вопросъ. Не повиненъ-ли проф. Голубевъ въ таковой безусловной, безъ критики, вѣрѣ и по отношенію къ другимъ писателямъ, трудами которыхъ онъ пользуется?

Отвѣтъ. Повиненъ, притомъ въ нѣсколькихъ случаяхъ.

Вопросъ. Перечислите сіи случаи.

Отвѣтъ. Сюда относятся всѣ ссылки проф. Голубева на „Описаніе славяно-русскихъ книгъ“ Каратаева.

Вопросъ. Въ чемъ заключается научная вина проф. Голубева?

Отвѣтъ. Сіе превышаетъ разумѣніе человѣческое.

За симъ я позволю себѣ обратиться къ проф. Титову съ слѣдующимъ вопросомъ: Вы, почтенный профессоръ, „въ какомъ

разумѣ и въ какой силѣ“ понимаете пользованіе проф. Голубева трудами Зубрицкаго и слѣдовавшаго за нимъ Вишневскаго?— Если отвѣтъ на этотъ вопросъ васъ затрудняетъ, я приду къ вамъ на помощь.

Дѣйствительно, труды Зубрицкаго и Вишневскаго суть труды по мѣстамъ устарѣвшіе; но такъ какъ нѣкоторыя вкравшіяся въ нихъ ошибки и доселѣ продолжаютъ смущать изслѣдователей, то—гдѣ это по ходу моей библіографической работы требовалось— я разъясняю (исправляю) такія ошибки. А для сего что нужно? *Критика, критика и критика.*

Для вящаго уразумѣнія я сказанное иллюстрирую вамъ, проф. Титовъ, посредствомъ примѣра, т. е. разъясню въ формѣ общедоступной то, что иными словами излагается въ моихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ по сейчасъ затронутому вопросу.

Просматриваетъ проф. Голубевъ составленный А. С. Крыловскимъ каталогъ братскихъ львовскихъ изданій, видитъ занесенный туда подъ 1600 годомъ Анѳологіонъ и, обращаясь къ автору, говоритъ: „Любезнѣйшій Амвросій Семеновичъ! Что это такое вы натворили: зачѣмъ внесли въ свой каталогъ Анѳологіонъ 1600 года?“—„Да какъ-же, Степанъ Тимоѳеевичъ,—отвѣчаетъ г. Крыловскій,—вѣдь у Зубрицкаго“... „Зубрицкій, Зубрицкій!— восклицаетъ проф. Голубевъ. Мало-ли что у Зубрицкаго! *Не всякому духу вѣруйте, но испытуйте.* Зубрицкому-то простительно было ошибиться, а вамъ—нѣтъ. Что Зубрицкаго ввело въ заблужденіе? Онъ не видѣлъ, нигдѣ не могъ найти *перваго изданія* Анѳологіона, а имѣлъ подъ руками Анѳологіонъ 1638 года, на которомъ было обозначено, что онъ „совершенне *второе издадеся*“. Вотъ онъ и сталъ дѣлать догадки, когда было первое изданіе сей книги. А вѣдь вы *первое-то* изданіе имѣете подъ руками (Анѳологіонъ 1632 г.)... Зачѣмъ же выискиваете какое-то *предпервое* изданіе?—А если вы хотите знать, что ввело Зубрицкаго въ заблужденіе: заставило *предположительно* (Зубрицкій говоритъ *около* 1600 года“, а не въ смыслѣ утвердительномъ, какъ вы) далеко отодвинуть *первое* изданіе Анѳологіона, то я вамъ объясню. Зубрицкій невѣрно понялъ одно мѣсто въ братскихъ протоколахъ: онъ выраженіе *старое* изданіе понималъ въ смыслѣ

очень давняго, т. е. далеко отстоявшаго отъ изданія *новаго*, въ данномъ смыслѣ отъ извѣстнаго ему изданія *второго*, а между тѣмъ означенное выраженіе (какъ это видно изъ тѣхъ же братскихъ протоколовъ) нужно понимать въ смыслѣ *прежняго*, предшествовавшаго, и т. д

Это, проф. Титовъ, первый случай, когда я привлекаю Зубрицкаго; второй случай есть слѣдующій.

Сказавъ въ текстѣ статьи, что Евангеліе издано было Львовскимъ братствомъ *впервые* только въ *1636 году*,—я къ этому мѣсту дѣлаю довольно длинное примѣчаніе, начинающееся такъ: „Подчеркивая слово *впервые*, мы не забываемъ, что писано было по данному вопросу Зубрицкимъ и Вишневскимъ. Послѣдній, согласно съ первымъ, говоритъ, что церковныхъ книгъ, вышедшихъ изъ Львовской братской типографіи въ концѣ XVI и самомъ началѣ XVII стол., не сохранилось ни одной, однако *хорошо извѣстно*, что начиная съ 1586 года изъ братской типографіи такихъ книгъ вышло много, и между прочимъ *Евангеліе напрестольное, Василій Великій*, *Маргаритъ* и т. д.“. Я указываю *единственный источникъ*, на которомъ упомянутые библіографы основываютъ свое мнѣніе. (Этотъ источникъ напечатанъ Зубрицкимъ въ польскомъ переводѣ, а мною по подлиннику въ изслѣдованіи о Петрѣ Могилѣ), и заявляю, что этотъ единственный источникъ *никоимъ образомъ доказательствомъ мнѣній Зубрицкаго и Вишневскаго служитъ не можетъ*. А затѣмъ, далѣе, указываю, когда и гдѣ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ книгъ были напечатаны.

Въ третьемъ случаѣ „привлеченія“ Зубрицкаго (а такихъ случаевъ,—кромѣ указанной въ началѣ ссылки на него, для моей цѣли вполнѣ довлѣющей,—и есть *три*) *подчеркивается*, что утвержденіе его, якобы *Ирмологій 1700 года* печатался нѣсколько лѣтъ, весьма сомнительно, и приводятся оправдывающіе сіе сомнѣніе факты.

Такъ какъ я всячески старался быть удобопонятнымъ то, надѣюсь, едва-ли кто изъ моихъ читателей не оцѣнитъ утвержденій проф. Титова, будто проф. Голубевъ писалъ свою статью „вооружившись нѣкоторыми описаніями старопечатныхъ книгъ и пре-

имущественно слѣдуя общеизвѣстному „Описанію“ ихъ И. Каратаева“, а также при пользованіи такими устарѣвшими трудами, каковы труды Зубрицкаго и Вишневскаго, вѣрилъ имъ, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ, *безусловно и*, повидимому, *рѣшительно безъ всякой критики*“.

IV.

Проф. Титовъ вступаетъ въ сраженіе генеральное.

Проф. Голубевъ повиненъ защитить себя отъ многочисленныхъ обвиненій, перечислять которыя нѣтъ надобности, такъ какъ они указаны въ началѣ статьи.

Но передъ этою защитою да позволено будетъ мнѣ, проф. Голубеву, сказать еще нѣсколько словъ своимъ читателямъ.

Повторяю я пишу *преимущественно* (хотя и не исключительно) для широкой публики. Поэтому не могу излагать свои мысли съ тою краткостію и сжатостію, какъ это сдѣлано въ моей ученой статьѣ („Объяснительныхъ параграфахъ“). Цѣль моя— выяснить дѣло, по мѣстамъ крайне спеціальное, до наглядности всеобщей,—отсюда, разумѣется, является необходимость ширить рѣчи до предѣловъ, требуемыхъ намѣченною задачею. Я въ жизни никогда не писалъ для широкой публики. Пишу въ первый разъ. Не знаю, какъ и справлюсь съ этою задачею. Доселѣ, повидимому, справлялся довольно удовлетворительно. Теперь о манерѣ писанія. Разумѣется, я не позволилъ-бы себѣ, какъ никогда и не позволялъ при ученыхъ разногласіяхъ, выступать изъ границъ обычной вѣжливости. Но вы не забывайте, господа, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Я имѣю дѣло съ человѣкомъ, который осыпалъ меня, притомъ совершенно незаслуженно, такими ругательствами, что для дальнѣйшихъ его рѣчей въ этомъ направленіи потребовалось бы обращеніе къ словарю Даля въ новѣйшемъ его изданіи съ извѣстными добавленіями.

Это первое.

А затѣмъ я долженъ заявить слѣдующее. Когда мнѣ приходилось вступать въ литературную бесѣду съ лицами, печатно высказавшими несогласія съ тѣми или иными моими воз-

зрѣніями или указывавшими на ошибки и промахи, допущенные мною въ своихъ трудахъ,—я всегда держался того правила, чтобы не оставлять ни одного изъ сдѣланныхъ мнѣ замѣчаній, какъ-бы оно на мой взглядъ ни было ничтожно, безъ надлежащаго разъясненія. Поступалъ я такъ во избѣжаніе упрека что-де намѣренно (по человѣческой слабости) уклоняюсь отъ дѣлаемыхъ мнѣ возраженій: *разжевываю* (какъ говорилъ авторъ знаменитаго Апокрисиса) *только мягкіе куски, а кости, которыми можно подавиться, оставляю.*

Такъ я поступалъ прежде, такъ поступлю и теперь. Разумѣется, я не буду касаться выступовъ проф. Титова, къ дѣлу совершенно никакого отношенія не имѣющихъ, наприм., что у меня тогда-то съ тѣмъ-то была полемика, что такой-то профессоръ въ рецензіи на мое изслѣдованіе о Петрѣ Могилѣ сказалъ то-то, и т. п. Уклоняться въ сторону для всего этого было-бы очень не умно и для дѣла, о которомъ у насъ рѣчь, совершенно безполезно.

И такъ начинается сраженіе.

Первый выстрѣлъ со стороны проф. Титова или, по его выраженію, моя πρῶτον ψεῦδος заключается въ слѣдующемъ.

Проф. Титовъ первѣе всего „констатируетъ тотъ фактъ, что проф. Голубевъ совершенно не выдерживаетъ своего понимания термина *Львовской печати*, путается въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ и допускаетъ совершенно фантастическія сказочныя соображенія и доказательства въ пользу своего мнѣнія". Выраженіе *Львовской печати* онъ понимаетъ „то въ смыслѣ указанія на типографіи, существовавшія *во Львовѣ вообще*", то въ смыслѣ „*одной Львовской братской типографіи*", т. е. другими словами—таковой выводъ дѣлаетъ проф. Титовъ – становится *на ту же самую точку зрѣнія, которую принималъ и я*, и которую онъ критикуетъ, какъ результатъ моей полной неосвѣдомленности, отсутствія критики и т. п." „А если такъ, говоритъ проф. Титовъ въ другомъ мѣстѣ,— то проф. Голубевъ не имѣлъ и права строить своихъ предположеній. Чтобы строить подобныя предположенія онъ предварительно долженъ былъ признать, что выраженіе *Львовской печати* въ отношеніи къ

Евангеліямъ *1600, 1606 и 1609 гг.* должно обязательно обозначать: *Львовской братской типографіи.* Но тогда о чемъ же онъ (проф. Голубевъ) и споритъ? И зачѣмъ огородъ городитъ и сказку сочиняетъ"?

Что на сіе сказать?

Сначала обращаюсь къ своимъ читателямъ, а потомъ уже побесѣдую съ проф. Титовымъ.

Видите-ли, господа, въ чемъ дѣло. Проф. Титовъ въ теченіе полугода, готовясь дать проф. Голубеву генеральное сраженіе, мобилизировалъ довольно значительную армію, но упорядочить ее не смогъ, ибо полководецъ онъ плохой. Шума его армія, какъ снабженная іерихонскими трубами, дѣлаетъ много, а толку отсюда не выходитъ никакого. Другими словами: проф. Титовъ въ теченіе указаннаго времени познакомился съ нѣкоторыми библіографическими трудами, имѣющими отношеніе къ затронутому вопросу, и свѣдѣній пріобрѣлъ довольно достаточно; но свѣдѣнія-то эти не могутъ въ надлежащемъ порядкѣ размѣститься въ его головѣ, *никакъ не можетъ онъ ихъ осмыслить.*

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить *и красными чернилами подчеркнуть*, что проф. Титовъ вовсе не имѣетъ въ виду *освѣтить* поднятые вопросы, но всячески ихъ *затемнитъ*. Свѣта онъ страшно боится и сторонится отъ него всемѣрно. Правда, онъ приводитъ изреченіе митрополита Платона, что *истина и безпристрастіе есть любезное свойство историка.* Но кто не знаетъ, господа, что у насъ въ настоящее время дѣлается подъ знаменемъ креста и именемъ Христа?! Статья проф. Голубева,— какъ онъ заявилъ,—основана на фактахъ, критически провѣренныхъ и продуманныхъ, и написана съ осторожностію не неопытнаго ученаго. Проф. Титовъ совершенно безсиленъ нанести ей какой-либо даже наималѣйшій ущербъ. Кажется, въ душѣ онъ это и сознаетъ. Но цѣль его одна—напустить тумана. Кто-де это будетъ разбираться въ библіографическихъ тонкостяхъ?... Имѣя въ виду такую цѣль, онъ и средства употребляетъ соотвѣтствующія, а при этомъ возможны ли серьезныя рѣчи о какихъ-либо научныхъ пріемахъ?! Пыль бы только пустить, воду замутить.

Я не высокаго мнѣнія о зрѣлости научной мысли проф. Титова, но все-таки не могу допустить, чтобы послѣ сдѣланныхъ мною въ „Объяснительныхъ параграфахъ“ разъясненій онъ могъ серьезно говорить, что „пока *не видитъ основаній* отказываться отъ своего пониманія словъ описей *Львовской печати* въ смыслѣ *Львовской братской типографіи*“. Очевидно, онъ запамятовалъ извѣстное изреченіе: est cujusvis hominis errare, nullius vero nisi insipientis perserverare in errore. Комиченъ промахъ, допущенный проф. Титовымъ (комичны его библіографическія открытія), но вѣдь защищать этотъ промахъ во много разъ еще комичнѣе.

Теперь обращаемся къ оцѣнкѣ замѣчательнаго *по замыслу*, но весьма курьёзнаго *по исполненію и послѣдствіямъ* пріема, пущеннаго въ ходъ проф. Титовымъ для уловленія проф. Голубева „въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ“.

Да, я—профессоръ Титовъ—(повѣствуетъ сей профессоръ) дѣйствительно „понималъ и понимаю“ выраженіе описей—„Львовской печати“ въ смыслѣ Львовской братской типографіи, но вѣдь и проф. Голубевъ начиная съ 507 стр. **повидимому, склоненъ думать** *тоже самое по отношенію къ Евангеліямъ 1600, 1606 и 1609 гг.*, словомъ, онъ становится на мою точку, которую самъ критиковалъ, а слѣдовательно, зачѣмъ огородъ городить и сказку сочинять и т. д.

Сначала прошу, господа, обратить вниманіе на подчеркнутыя выше слова проф. Титова, что я, проф. Голубевъ, *повидимому, склоненъ думать* и проч.

Въ какомъ разумѣ и въ какой силѣ должны быть слова сіи понимаемы?

Они должны быть понимаемы въ томъ разумѣ и той силѣ, что у проф. Голубева не находится того, что, по мнѣнію проф. Титова, должно бы находиться; потому что проф. Голубевъ не имѣлъ случая и повода высказать свое мнѣніе о томъ, къ какой бы типографіи онъ причислилъ указываемыя описями Евангелія *Львовской печати 1600, 1606 и 1609 гг.*,—по той простой причинѣ, что сіи Евангелія, какъ обстоятельно выяснено въ его „Объяснительныхъ параграфахъ“, онъ считаетъ вовсе (изъ какой бы то ни было типографіи) въ свѣтъ не выходившими.

Но не въ этомъ прекомичнѣйшій курьёзъ.

Выраженія: „*повидимому, склоненъ думать*“, а раньше: „*въ иныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ*“, суть *извѣстные* пріемы *извѣстныхъ* лицъ, и названіе симъ пріемамъ тоже *извѣстно*. Я хочу обратить вниманіе почтеннѣйшей публики на то, что и самый пріемъ-то выполненъ проф. Титовымъ не съ тою артистическою чистотою, которая могла бы вызвать невольное восклицаніе: „все это положимъ такъ, но за то *голова-то какая*“!

Прибѣгая къ означенному пріему и принуждая меня, проф. Голубева, признать („онъ предварительно долженъ былъ признать“), что выраженіе описей—„*Львовской* печати“ въ отношеніи къ Евангеліямъ 1600, 1606 и 1609 гг. должно обязательно обозначать *Львовской братской* печати, а сіе все (сіе возмущеніе воды) учиняя въ намѣреніи уловить меня „въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ“ и т. д.,—проф. Титовъ *не сообразилъ* (а пора-бы!), что проф. Голубева нѣтъ никакой надобности принуждать ко всему этому: *ибо онъ всегда такъ думалъ и думаетъ*, а посему указанныя Евангелія, если-бы они были напечатаны, а равно и другія дѣйствительно изданныя *во Львовѣ* въ означенное время славяно-русскія книги (книги *Львовской* печати) онъ, ничтоже сумнясь, отнесъ бы къ Львовской *братской* типографіи. А почему, сіе уяснитъ намъ нижеслѣдующая бесѣда съ проф. Титовымъ.

Профессоръ Титовъ! Вамъ нечего было искусственно навязывать мнѣ то, о чемъ я въ своей статьѣ не имѣлъ повода высказать своего мнѣнія. Но вы правы. Дѣйствительно, въ однихъ случаяхъ я понимаю выраженіе описей „*Львовской печати*“ вообще, въ примѣненіи къ разнымъ типографіямъ, а въ другихъ—ограничительно, въ примѣненіи къ одной только *братской*,—и поступая такъ, поступаю совершенно правильно: *стою на почвѣ реальныхъ фактовъ*.

Понимаете?!... Нѣтъ!!

Профессоръ Титовъ! Когда вы, основываясь на выраженіи описей—„*Львовской печати*“, свалили львовскія изданія 1639—1700 г. г. во единую кучу, т. е., всѣ ихъ приписавъ *братской* типографіи, я говорилъ вамъ, что вы поступили неправильно, и объяснилъ *почему*. Но по отношенію къ львовскимъ церковно-

славянскимъ изданіямъ 1600, 1606 и 1609 г. г. упомянутое выраженіе описей единственно можетъ быть понимаемо въ смыслѣ „Львовской *братской* типографіи“.

Догадываетесь?!... Нѣтъ!

Профессоръ Титовъ! Въ третій разъ къ вамъ обращаюсь, сообразите: сколько было во Львовѣ славяно-русскихъ типографій въ 1639—1700 годахъ? —Вѣдь нѣсколько: Братская, М. Слёзки, А. Желиборскаго, и т. д. Вѣдь, да?—А сколько ихъ было въ первыя десятилѣтія XVII вѣка?

Одна Братская; единая и какъ бы единственная!

И сего-то, почтеннѣйшій профессоръ, вы не сообразили, пуская въ ходъ упомянутые свои пріемы; а еще имѣете дерзость печатно заявлять, что проф. Голубевъ въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ разыгрываетъ роль растерявшаго остатки разума старика!

Вы-то, почтеннѣйшій профессоръ, какую въ данномъ случаѣ разыгрываете роль?.. Не догадываетесь?—Я вамъ подскажу: прочитайте *Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ*. И эту роль вы разыгрываете уже *не единожды*, *а дважды*, и такимъ образомъ знаменитый рекордъ можетъ считаться вами побитымъ,—съ чѣмъ почтительнѣйше и имѣетъ честь поздравить васъ профессоръ Степанъ Тимоѳеевичъ Голубевъ.

V.

Проф. Титовъ заявляетъ, что проф. Голубевъ пользуется „чисто сказочными пріемами критики“ и, благодаря подобнымъ пріемамъ, у него *невозможное* въ одномъ случаѣ, оказывается *совершенно возможнымъ* въ другомъ“. „Само собою разумѣется—продолжаетъ проф. Титовъ,—что съ подобными пріемами критики проф. Голубевъ можетъ доказывать рѣшительно все, что ему угодно. Но только какая же цѣнность этого и такъ *доказаннаго?*“

Въ чемъ дѣло?

Проф. Титовъ имѣетъ въ виду два (ниже указываемыя) мѣста въ моей статьѣ и, сопоставляя ихъ, усматриваетъ въ нихъ существенное противорѣчіе.

Первое изъ сихъ мѣстъ дословно гласитъ слѣдующее:

„Относительно Евангелія яко-бы изданнаго Львовскимъ братствомъ *въ 1676 году*, имѣемъ сказать слѣдующее:

Братское Евангеліе *1670 года* было послѣднимъ съ обозначеніемъ, какимъ по счету изданіемъ оно выходило въ свѣтъ *(третицею издадеся);* послѣдующія братскія изданія означенной книги, начиная *съ 1690 года*, выходили въ свѣтъ уже безъ такихъ обозначеній. Поэтому (принимая во вниманіе что не всегда же случались ошибки въ рукописныхъ описяхъ книгъ) можно бы (разсуждая a priori) допустить *съ нѣкоторою степенью вѣроятности* существованіе братскаго Евангелія и *изданія 1676 года*. Но нѣкоторыя положительныя данныя не дозволяютъ сдѣлать этого. Вышедшее въ 1670 году, въ количествѣ 1503 экземпляровъ, братское Евангеліе, вслѣдствіе ли дорогой цѣны, назначенной за него (20 злотыхъ съ экземпляра; цѣна предшествовавшихъ изданій—14—15½ злот.), или по другимъ обстоятельствамъ (меньшая потребность вслѣдствіе обзаведенія церквей этою книгою), расходилось *очень туго*. Въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени изданія Евангелія, его продано было не много болѣе сотни экземпляровъ, *и къ 15 мая 1674 года*, какъ это видно изъ производившейся въ означенное время ревизіи книгъ, находившихся въ братскихъ складахъ, число нераспроданныхъ экземпляровъ сего Евангелія простиралось *до 1351* (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. XI, 277). Является вопросъ: имѣя огромный запасъ Евангелія, изданнаго *въ 1670 году*, превышающій численностью всѣ другія братскія изданія, въ отдѣльности взятыя (ibid. стр. 276—277),—можно ли допустить, чтобы Братство предприняло *тогда же* новое изданіе означенной книги“?

„Но отчего же,—разсуждаетъ по поводу приведеннаго мѣста проф. Титовъ,—и не допустить этого? Развѣ типографія всегда руководствовалась исключительно только наличностью имѣвшихся въ складахъ книгъ? Если бы проф. Голубевъ *хотъ сколько нибудь внимательно прочиталъ протоколы Львовскаго братства и его отчеты по типографіи*, то онъ не сталъ бы задавать подобныхъ *странныхъ* вопросовъ. Если-бы, напр., книгъ имѣлось достаточно, а между тѣмъ нужно было печатать для того,

чтобы типографскіе станки и рабочіе не стояли безъ дѣла, „абы друкарня не ваковала“, тогда что нужно было дѣлать?“ —

На сіе отвѣчаю:

Хотя проф. Голубевъ давно знакомъ съ протоколами Львовскаго братства, еще задолго до ихъ напечатанія, и нужныя для него выдержки изъ нихъ частенько дѣлалъ въ своихъ печатныхъ трудахъ, но ему не доводилось встрѣчать того, о чемъ повѣствуетъ проф. Титовъ. Проф. Голубевымъ просмотрѣны были означенные протоколы и послѣ ихъ напечатанія (по его иниціативѣ они и были изданы), но онъ тоже ничего, подтверждающаго мнѣніе проф. Титова не нашелъ. Разумѣется, проф. Голубевъ могъ и ошибиться, такъ какъ въ старости „южъ и на очи ослабѣлъ“. У далеко не стараго проф. Титова болѣе зоркое зрѣніе: имъ, какъ онъ говоритъ, усмотрѣны въ братскихъ протоколахъ, подтверждающіе его заявленіе, факты. Можно надѣяться, что онъ и явитъ ихъ ученому міру. Приведеніе въ извѣстность такихъ фактовъ чрезвычайно важно для поставленнаго нами выше вопроса, отъ рѣшенія котораго мы уклонились,—именно: не было ли въ г. Львовѣ въ XVII столѣтіи достаточнаго числа *идіотовъ*, которые—какъ, напр., въ данномъ случаѣ,—затруднялись бы рѣшить такую головоломную задачу: что имъ, „абы друкарня не ваковала“, издавать—тѣ ли книги, которыхъ въ складахъ было много, или тѣ, которыхъ немного, даже совсѣмъ немного?—

Разумѣется, проф. Титову по затронутому вопросу не было надобности приводить *усмотрѣнные имъ* факты. Для его цѣли, т. е., для подтвержденія того, какихъ нелѣпыхъ пріемовъ критики держится проф. Голубевъ, достаточно было въ параллель къ разсужденіямъ проф. Голубева объ Евангеліи 1676 года привести выдержку изъ его трактаціи объ Евангеліи 1704 года,— что проф. Титовъ и дѣлаетъ, приводя изъ означенной трактаціи нижеслѣдующее мѣсто:

Проф. Голубевъ заявляетъ, что Львовское братство „въ 1703 году приступило къ изданію Евангелія, *имѣя довольно значительный запасъ сей книги прежняго изданія (при ревизіи братскихъ книгъ 18 іюля 1704 года въ книжныхъ складахъ находилось 1300 экземпляровъ Евангелія)*“. (Такъ

приводится это мѣсто въ статьѣ проф. Титова, съ нижеслѣдующимъ добавленіемъ: *курсивъ нашъ* т. е. его, проф. Титова).

Читающіе сіе скажутъ: „а вѣдь дѣло то, повидимому, не ладно“.

Это, господа, только *повидимому*. Все сейчасъ разъяснится.

Произошло неожиданное событіе, чрезвычайное происшествіе!!

Въ квартирѣ проф. Титова расплодилось много мышей. Квартира, видите-ли, казенная, житье привольное. А вы знаете, какія это зловредныя животныя. То нагадятъ, то что-либо изгрызутъ. Никакъ отъ нихъ не убережешься. И все дѣлаютъ подъ покровомъ мрака. Любятъ они грызть и книги, въ особенности если онѣ побывали въ засаленныхъ рукахъ. Вотъ, когда проф. Титовъ читалъ мои „Объяснительные параграфы“ его попросили кушать чай, и онъ, выходя, потушилъ лампу. И что же? Въ это время какой-то маленькій, но шкодливый мышенокъ забрался на столъ къ проф. Титову да и выгрызъ крошечное мѣстечко въ моей статьѣ,—и выгрызъ-то, бестія, что ни на есть важнѣйшее для уразумѣнія дѣла по настоящему вопросу. Ну, вотъ все равно еслибъ въ ассигнаціи выгрызъ на одной сторонѣ весь нумеръ. Скажите, пожалуйста, какую цѣнность будетъ представлять такая ассигнація?—Рѣшительно никакой. Можно только пойти въ казначейство да, если согласятся, обмѣнять ее на новую съ цѣлыми на обѣихъ сторонахъ нумерами.

Профессору Голубеву нѣтъ надобности ходить въ казначейство, чтобы возстановить выгрызенное шкодливымъ мышенкомъ мѣстечко. Онъ беретъ въ руки перо и, замѣнивъ точку *запятою, съ которой началось грызеніе*, пишетъ: „по условію Ставницкимъ отпечатано было *1200* экземпляровъ сей книги (т. е. Евангелія); Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. XII, 299“.—

Разумѣется, моимъ читателямъ интересно знать, какое значеніе имѣетъ для вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, выгрызенное шкодливымъ мышенкомъ мѣстечко.

Сіе удобнѣе изобразить въ формѣ катехизической.

Вопросъ. Какую цѣль преслѣдуетъ проф. Титовъ сопоставляя вышеприведенныя мѣста изъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ проф. Голубева?

Отвѣтъ. Онъ желаетъ явить ученому міру, что пріемы критики проф. Голубева суть пріемы сказочные: что посредствомъ сихъ пріемовъ „у него *невозможное* въ одномъ случаѣ, оказывается *совершенно возможнымъ* въ другомъ“.

Вопросъ. Что проф. Голубевъ считаетъ *невозможнымъ* въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ?

Отвѣтъ. Онъ считаетъ *невозможнымъ*, чтобы Львовское братство, имѣя въ 1674 году въ своихъ складахъ свыше *1300 экземпляровъ (1351)* Евангелія, притомъ туго расходившихся, приступило къ новому изданію сей книги.

Вопросъ. Что проф. Голубевъ считаетъ *возможнымъ* въ другомъ случаѣ?

Отвѣтъ. Онъ считаетъ *возможнымъ*, что Львовское братство въ 1703 году приступило къ изданію Евангелія, имѣя въ своихъ складахъ *сей книги около 100 экземпляровъ.*

Вопросъ. Какое въ сихъ случаяхъ проф. Титовъ усматриваетъ противорѣчіе?

Отвѣтъ. Онъ, основываясь на тѣхъ же „Объяснительныхъ параграфахъ“ проф. Голубева, полагаетъ, что и въ 1703 году братство, приступая къ изданію Евангелія, имѣло въ запасѣ сей книги *1300 экземпляровъ*, т. е. увеличиваетъ сей запасъ *въ тринадцать разъ.*

Вопросъ. На какомъ мѣстѣ „Объяснительныхъ параграфовъ“ проф. Титовъ основываетъ таковое, столь существенно расходящееся съ дѣйствительностію мнѣніе?

Отвѣтъ. Онъ основываетъ оное на томъ, приводимомъ имъ, мѣстѣ означенныхъ „Параграфовъ“, гдѣ говорится, что „при ревизіи братскихъ книгъ 18 іюля 1704 года въ братскихъ складахъ находилось *1300 экземпляровъ Евангелія*“.

Вопросъ. Дѣйствительно-ли здѣсь разумѣются экземпляры только прежняго или прежнихъ изданій Евангелія?

Отвѣтъ. Никоимъ образомъ разумѣть такъ не слѣдуетъ: ибо здѣсь *въ совокупности* обозначены, какъ экземпляры *прежняго* такъ и *новаго* изданій Евангелія.

Вопросъ. Изъ чего сіе явствуетъ?

Отвѣтъ. Сіе явствуетъ изъ выгрызеннаго шкодливымъ мышенкомъ мѣстечка.

Вопросъ. Какую силу и значеніе имѣетъ сіе мѣстечко?

Отвѣтъ. Оно имѣетъ ту силу и значеніе, что въ ономъ *указывается количество новыхъ экземпляровъ Евангелія.*

Вопросъ. Почему сіе знать важно?

Отвѣтъ. Важно сіе знать по нижеслѣдующему:

2 апрѣля 1703 года Львовскимъ братствомъ заключено было съ типографомъ В. Ставницкимъ условіе о новомъ изданіи Евангелія *въ количествѣ 1200 экземпляровъ*, какое условіе въ концѣ того же или началѣ слѣдующаго 1704 года и было выполнено. Напечатанныя книги снесены въ складъ. Вскорѣ при ревизіи сего склада всѣхъ Евангелій въ немъ оказалось *1300 экземпляровъ*. А такъ какъ недавно ихъ принесено было сюда только 1200, то, очевидно, для опредѣленія числа экземпляровъ прежнихъ изданій слѣдуетъ изъ 1300 вычесть 1200.

Вопросъ. Почему сіе вычитаніе не сдѣлано было самимъ проф. Голубевымъ?

Отвѣтъ. Потому что онъ не зналъ о существованіи мышей въ квартирѣ проф. Титова.

Вопросъ. За сіе научное хищеніе, учиненное въ статьѣ проф. Голубева мышами, находящимися въ квартирѣ проф. Титова, какому наказанію дозволяется профессору Голубеву подвергнуть хищниковъ?

Отвѣтъ. Ему дозволяется пріобрѣсть „средствіе“ отъ вредныхъ паразитовъ и отослать оное проф. Титову.

Такое средствіе проф. Голубевъ „съ свойственнымъ ему злоязычіемъ“ и имѣетъ честь почтительнѣйше преподнести вамъ, проф. Титовъ, съ соотвѣтствующимъ случаю надписаніемъ, о содержаніи котораго догадаться не трудно.

VI.

Не вдаваясь въ подробности, проф. Титовъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на тѣ страницы моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“, гдѣ я констатирую тотъ фактъ (по крайней

мѣрѣ, для меня *фактъ*), что Львовское братство въ концѣ 1703 или началѣ 1704 года выпустило въ свѣтъ Евангеліе *съ сознательно невѣрною датою (1690 года) и сознательнымъ анахронизмомъ въ предисловіи.* Проф. Титовъ, очевидно, считаетъ трактацію по данному вопросу образцомъ глупости проф. Голубева; онъ совѣтуетъ своимъ читателямъ, *желающимъ познакомиться съ пріемами своеобразной критики проф. Голубева* въ его библіографическомъ трудѣ, *„вчитаться, внимательно вчитаться въ его рѣчи“;* вѣдь такая гипотеза, которую предлагаетъ проф. Голубевъ, *„возможна только въ сказкѣ про бѣлаго бычка“*. Словомъ, проф. Голубевъ въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ нагородилъ такой чепухи, что и говорить то о ней не хочется, а если кому угодно провѣрить его, проф. Титова, мнѣніе, то онъ указываетъ на страницы статьи проф. Голубева такія-то и особенно такую-то.

Изъ этого отзыва проф. Титова объ указанной трактаціи проф. Голубева въ его „Объяснительныхъ параграфахъ“, да вообще изъ его отзыва о всѣхъ сихъ Параграфахъ, отъ начала до конца, явствуетъ, что читатели имѣютъ дѣло съ двумя кіевскими профессорами—съ профессоромъ Голубевымъ, *большимъ дуракомъ*, и съ профессоромъ Титовымъ, *большимъ умникомъ*. А изъ жизни обыденной вы, господа, знаете, что съ дуракомъ каши не сваришь: ты говори ему: *черно*, а онъ все—*бѣло*; ты ему *брито*, а онъ все—*стрижено*. А если уже поведется бесѣда между учеными людьми: однимъ дуракомъ, да еще большимъ, а другимъ—умникомъ тоже большимъ,—то тутъ хоть ложись да помирай!

Обо всемъ этомъ можете судить и по данному случаю. Вѣдь ясно, точно и опредѣленно большой умникъ говоритъ профессору Голубеву: *черно, черно, черно!* А тотъ, какъ большой дуракъ, все твердитъ: *бѣло, бѣло, бѣло!* Одинъ кричитъ: *чепуха, чепуха, чепуха*!—а другой еще громче: *вкладъ въ науку, вкладъ въ науку, вкладъ въ науку!—Дуракъ, дуракъ, дуракъ!—Умница, умница, умница!*

Эту небольшую прелюдію я нашелъ нужнымъ предпослать дальнѣйшимъ своимъ рѣчамъ съ тою цѣлію, чтобы почтеннѣйшая

публика не слишкомъ уже была поражена нижеслѣдующимъ моимъ заявленіемъ.

Опорочиваемая въ научномъ отношеніи моя трактація объ Евангеліи 1703—1704 г. и составляетъ центральную часть моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“. Это—гвоздь статьи: та, хотя-бы и маленькая, но *дѣйствительная*, *настоящая лепта*, сею статьею влагаемая въ нашу славяно-русскую библіографію. Трактація небольшая, но она стоила мнѣ труда немалаго, не столько по констатированію нѣкоторыхъ фактовъ, сколько по процессу ихъ освѣщенія. Результатомъ работы я былъ и остаюсь очень доволенъ.—Лежать бы этой трактаціи подъ спудомъ многіе годы! Ну, скажите на милость, кому это придетъ охота читать пренаскучнѣйшую спеціальную работу проф. Голубева? Вѣдь онъ писалъ ее для *немногихъ*. Положимъ, мнимыя открытія проф. Титова нѣсколько расширили кругъ ея читателей; но, по всей вѣроятности, вниманіе этихъ случайныхъ читателей преимущественно и сосредоточивалось на означенныхъ открытіяхъ. Но профессору Титову благоугодно было въ доказательство того, что проф. Голубевъ на старости лѣтъ растерялъ уже и послѣдніе мозги указать на означенную трактацію, какъ на примѣръ наиболѣе сіе подтверждающій. Что же? Выходи трактація на свѣтъ Божій! Проф. Голубевъ представитъ тебя почтеннѣйшей публикѣ. Да ты, милая, не робѣй и не стѣсняйся. Профессору Голубеву никогда еще не приходилось краснѣть за свои ученолитературные труды. Надѣюсь, что и ты, малюсенькое дѣтко, не посрамишь его.

Дѣло въ нижеслѣдующемъ.

Существуетъ довольно большое количество львовскихъ Евангелій 1690 года, заглавные, *лицевые* листы которыхъ во всѣхъ экземплярахъ *совершенно тождественны*. На этихъ заглавныхъ листахъ значится, что книга издана Львовскимъ братствомъ *28 ноября 1690 года*. Но кромѣ лицевой стороны заглавнаго листа одни экземпляры, отъ начала до конца, имѣютъ отличіе отъ другихъ. Отсюда явствуетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ изданіемъ Евангелія, а съ двумя. Это уже отмѣчено было г. Родосскимъ въ его „Описаніи старопечатныхъ книгъ“, находя-

щихся въ Петербургской дух. Академіи. Но только онъ—какъ я писалъ въ своей статьѣ—сдѣлалъ изъ своихъ наблюденій *неудачные* (*ошибочные*) *выводы*. Онъ призналъ, что оба изданія вышли въ 1690 году изъ разныхъ типографій: одно изъ типографіи Братской, а другое—изъ иной, по всей вѣроятности, типографіи М. Слёзки. Проф. Титовъ, имѣя въ виду, между прочимъ, такое мое мнѣніе о „выводѣ“ г. Родосскаго, докладываетъ почтеннѣйшей публикѣ, что проф. Голубевъ позволяетъ себѣ „надменный, презрительный тонъ по отношенію къ такимъ несомнѣннымъ ученымъ авторитетамъ, каковы“... и проч. Въ чемъ дѣло? Да развѣ выводы г. Родосскаго дѣйствительно не крайне неудачны? Какимъ это образомъ типографія, якобы устроенная въ подрывъ Братской, пользуется шрифтомъ, виньетками и т. д., принадлежащими Братству? Какимъ это образомъ Слёзка (котораго, кстати, тогда не было и въ живыхъ) или кто другой, выпуская въ свѣтъ книгу, не отмѣчаетъ въ ней, что она вышла изъ типографіи Слёзки и т. д? Что выводы г. Родосскаго неудачны, *совсѣмъ неудачны*,—это яснѣе яснаго... Можетъ быть, слѣдовало-бы выразиться какъ-нибудь *помягче?* Ну, это зависитъ отъ манеры писанія. Покойный И. И. Малышевскій, мой любимѣйшій наставникъ, которому я наиболѣе всѣхъ обязанъ основами своего научнаго развитія, былъ человѣкъ наиделикатнѣйшій, мягкій, уступчивый,—ну, словомъ, мухи не обидитъ. Усвоивъ отъ него многое, я не могъ усвоить отъ него,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь,—его манеры писанія. Иллюстрирую сказанное примѣромъ. Предъ нами изслѣдованіе, гдѣ читаемъ: „*вѣроятно* одно было тогда-то, а другое *вѣроятно* тогда-то“ и т. п. Оба эти предположенія наличностію имѣющихся въ печати данныхъ, не оправдываются. И вотъ проф. Голубевъ написалъ бы: „сіи предположенія суть предположенія неосновательныя, ибо автору остались неизвѣстны такія-то, напечатанныя тамъ-то, данныя, гдѣ говорится“... и проч. Такова моя манера. У Ивана Игнатьевича манера была другая. Скажетъ *тоже самое*, но иными словами; преподнесетъ *то же блюдо*, но подъ другимъ соусомъ. Для образца приведемъ небольшую выдержку изъ его напечатанной рецензіи объ указанныхъ „вѣ-

роятно“: „Здѣсь два раза употребленное *вѣроятно* показываетъ *опытность* изслѣдователя, говорящаго только о вѣроятности тамъ, гдѣ не имѣется въ виду данныхъ для болѣе рѣшительнаго вывода. И дѣйствительно, предположенію изслѣдователя противустоитъ одно документальное свидѣтельство, *случайно ускользнувшее* отъ его вниманія“... и т. д.

И вотъ идетъ бесѣда между бывшимъ любимымъ наставникомъ и его любимымъ ученикомъ (Иванъ Игнатьевичъ частенько говорилъ мнѣ: вы *моя гордость*, вы *моя гордость*). И говоритъ дерзостный ученикъ своему благостному учителю: „Смотрю я на васъ, Иванъ Игнатьевичъ, и думаю, какая же вы, извините за грубое выраженіе, *тряпка*“. Кладетъ учитель руку на плечо своему ученику и просвѣщаетъ его: „Степанъ Тимоѳеевичъ! *смолоду былъ и я такой же какъ и вы*, да жизнь кое-чему многому научила. Повѣрьте, научитъ и васъ она“. Но, кажется, предсказанію хотя и прозорливаго учителя не суждено исполниться. Очевидно, горбатаго можетъ исправить одна только могила.

Возвращаюсь на „преднее“: къ прерванной рѣчи объ Евангеліяхъ.

Такъ какъ было уже выяснено, что всѣ Львовскія Евангелія 1690 года хотя имѣютъ *одну и ту же дату* и вообще совершенно одинаковый *лицевой заглавный листъ*, а между тѣмъ представляютъ два *разныя* изданія,—то я рѣшилъ *въ деталяхъ* указать различіе между обоими изданіями. Съ этою цѣлію я очень внимательно просмотрѣлъ то и другое изданія и отмѣтилъ отличія между ними и *по заставкамъ*, и по *картинкамъ*, и *по корректурнымъ ошибкамъ*, и *по набору* и т. д.,—точно указавъ, гдѣ то или иное отличіе нужно искать, т. е. дѣлая ссылки на тѣ или иные листы разсматриваемыхъ изданій. Все сіе я сдѣлалъ для того, чтобы будущему библіографу не было надобности производить этой кропотливой работы, и онъ, въ потребныхъ случаяхъ, могъ бы руководиться моими указаніями.

Такое внимательное изученіе нѣсколькихъ несходныхъ между собою экземпляровъ Евангелія привело меня къ слѣдующему несомнѣнному выводу: одно изданіе Евангелія дѣйствительно вышло

въ свѣтъ *въ 1690 году* (дата, слѣдовательно, на немъ вѣрная), и другое—*позже* (дата не вѣрная).

Почему *позже*?

А вотъ почему. На оборотѣ заглавнаго листа этого позднѣйшаго Евангелія значится, что печаталъ его типографъ *Василій Ставницкій*; а этотъ типографъ поступилъ на службу къ братству только въ 1697-мъ году, хотя принималъ нѣкоторое участіе въ братскихъ типографскихъ работахъ подъ руководствомъ своего отца (который напечаталъ Евангеліе 1690 года съ неложною датою) и ранѣе.

Это первое.

А затѣмъ я усмотрѣлъ, что на гравюрѣ, которая помѣщена на оборотѣ заглавнаго листа означеннаго (позднѣйшаго) Евангелія, находится указаніе на годъ, когда она была окончена,—именно, на ней явственно славянскими числовыми буквами обозначенъ *годъ 1697-й*. Отсюда слѣдовалъ прямой выводъ, что разсматриваемое Евангеліе не могло быть напечатано *раньше* 1697 года.

То обстоятельство, что оно не могло быть напечатано *раньше 1697 года*, отнюдь не исключаетъ возможности предполагать (т. е. сему дата гравюры *не можетъ* препятствовать), что оно напечатано *позже* сего года и *даже гораздо позже*.

Почему?

Да потому, что, по напечатаніи книги и разборѣ шрифта, гравюры *долго сохранялись*, и ими пользовались не только при печатаніи одной и той же книги при слѣдующихъ изданіяхъ, но и при печатаніи другихъ книгъ.—Иллюстрирую сказанное примѣромъ: у васъ въ рукахъ рубль 1905 года. Что сей годъ значитъ?—Значитъ, что сей рубль вышелъ въ свѣтъ въ 1905 году и вы имъ не могли пользоваться *ранѣе* сего года; но вы имъ пользуетесь *въ 1907 году*, будутъ имъ пользоваться и въ слѣдующіе годы.

Очень ясно; а между тѣмъ и до настоящаго времени нѣкоторые даже довольно опытные библіографы какъ бы игнорируютъ указанный фактъ, отчего и происходятъ библіографическія недоразумѣнія. Такъ, напр., постоянно вносится въ библіо-

графическіе труды указаніе Петрушевича объ Евангеліи, изданномъ во Львовѣ *около 1683 года*. Что значитъ „*около*“?—Значитъ, что Петрушевичъ имѣлъ подъ руками Евангеліе *безъ заглавнаго листа* и выставилъ дату *приблизительную*, по признакамъ, находящимся въ текстѣ книги.—Что значитъ выставленный *1683-й годъ?* Безъ сомнѣнія, что Петрушевичъ имѣетъ въ виду гравюру, изображающую Евангелиста Іоанна съ надписью на ней: *Евстафій Завад. 1683*,—гравюру, помѣщенную въ Львовскихъ братскихъ Евангеліяхъ 1690, 1703—1704 и 1722 гг.—Отсюда выводъ: У Петрушевича былъ въ рукахъ дефектный экземпляръ Львовскаго братскаго Евангелія какого-либо изъ сейчасъ указанныхъ изданій. Дайте въ руки библіографу, находящемуся въ курсѣ дѣла (очень опытному), этотъ дефектный экземпляръ, и онъ тотчасъ скажетъ вамъ какое это изданіе—1690-го или же слѣдующихъ 1703—1704 и 1722 гг.

И такъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что дата гравюры на разсматриваемомъ нами Евангеліи, *не дозволяя* относить его изданіе ко времени *ранѣе* 1697 года, нисколько, *сама по себѣ*, не препятствуетъ отодвигать его *далѣе сего года*.

Теперь посмотримъ, нѣтъ-ли какихъ другихъ данныхъ въ означенномъ Евангеліи, которыя имѣютъ отношеніе къ трактуемому нами вопросу.

Такія данныя есть, и они заключаются въ слѣдующемъ.

Обычно и даже обязательно въ издаваемыхъ Львовскимъ братствомъ Евангеліяхъ помѣщалась (въ началѣ) молитва, въ которой, между прочимъ, возсылалось прошеніе къ Господу о здравіи короля. Въ молитвѣ при разсматриваемомъ Евангеліи читается: „спаси Господи владущаго нами короля Іоанна“. Сей же король Іоаннъ (Янъ III Собѣскій), вступившій на престолъ въ 1674 году, скончался 30 іюня (по новому стилю 10 іюля) *1696 года*.

Отсюда слѣдуетъ, что если-бы Евангеліе издано было и *въ 1697 году* (дата гравюры, помѣщенной въ немъ), то и тогда мы имѣли бы дѣло съ сознательно допущеннымъ братствомъ анахронизмомъ, объяснить который было бы въ высшей степени затруднительно. Мы и не будемъ объяснять, потому что въ этомъ надобности нѣтъ, а пойдемъ далѣе.

А дальнѣйшее заключается въ слѣдующемъ: издательская дѣятельность Львовскаго братства за нужные намъ годы, благодаря сохранившимся записямъ, показываетъ, что ни въ 1697 ни въ послѣдующихъ годахъ до 1703 года Львовское братство къ изданію Евангелія не приступало; оно приступило къ нему только въ апрѣлѣ 1703 года, заключивъ условіе *съ тѣмъ самымъ типографомъ, подпись котораго мы видимъ на разсматриваемомъ нами Евангеліи.* Условіе это типографомъ было выполнено. Евангеліе отпечатано въ количествѣ 1200 экземпляровъ; между тѣмъ, несмотря на обиліе экземпляровъ Львовскихъ братскихъ Евангелій *всѣхъ изданій, даже старѣйшихъ*, экземпляровъ только этого Евангелія (предположивъ, что дата на немъ выставлена вѣрно) мы не видимъ *ни одного.*

Что сіе означаетъ?

Сіе означаетъ, что разсматриваемое нами Евангеліе съ сознательно невѣрною датою и сознательнымъ анахронизмомъ въ молитвѣ, допущенными Львовскимъ братствомъ, есть Евангеліе, изданное Братствомъ въ концѣ 1703 или началѣ 1704 гг.

Обращаемся къ выясненію вопроса: почему Братствомъ сознательно были допущены означенные анахронизмы?

Мы полагаемъ, что на рѣшеніе Братства поступить такъ повліяли бурныя политическія событія того времени. Извѣстно, что въ это время происходила ожесточенная борьба за польскую корону между королями польскимъ Августомъ II и шведскимъ Карломъ XII (послѣдній желалъ предоставить означенную корону брату умершаго короля Яна III *Якову Собѣскому*). Главные польскіе города Варшава и Краковъ были заняты войсками короля. Тоже угрожало и г. Львову. Приступая къ изданію Евангелія, гдѣ обязательно должно быть моленіе за здравіе короля, Братство не могло не задуматься надъ вопросомъ: какъ ему поступить въ виду такихъ обстоятельствъ? Король не сегодня—завтра могъ лишиться престола, уступивъ его своему врагу. А рядомъ были самые ярые враги Братства католики. Сейчасъ доносъ. Что дѣлать? Приходилось лавировать между Сциллою и Харибдою. Вотъ эти-то соображенія, по нашему мнѣнію, и побудили Братство учинить нѣкое лукавство при изданіи въ 1703 году Евангелія.

Къ сказанному считаю не лишнимъ присовокупить и слѣдующее.

Въ каталогѣ братскихъ Львовскихъ изданій, составленномъ г. Крыловскимъ, счетъ листовъ разсматриваемаго Евангелія показанъ (1+3+3+5+412). Послѣ того, какъ я пришелъ къ указанному выводу я поинтересовался узнать отъ г. Крыловскаго, на какомъ основаніи онъ выставилъ означенный счетъ. Хотя г. Крыловскій библіографъ-то и неважный, но онъ труженикъ добросовѣстный, а въ дѣлахъ книжныхъ—воплощенная аккуратность. На мой вопросъ, по справкѣ со своею книгою (бесѣда велась въ нашей Академической библіотекѣ), г. Крыловскій заявилъ, что онъ означенное Евангеліе *съ датою 1704 года* видѣлъ, *„въ рукахъ имѣлъ“*. Я возразилъ, что Евангелія съ означенною датою *онъ не видѣлъ и видѣть не могъ*. Обидѣлся человѣкъ. Я, говоритъ, никогда себѣ не позволю и проч.—„А въ какой библіотекѣ это Евангеліе?“—спрашиваю. „Сейчасъ сказать не могу“,—отвѣчаетъ,—„но у меня *каждая*, просмотрѣнная мною книга Львовской братской типографіи записана съ указаніемъ, гдѣ она находится. Сейчасъ справлюсь и принесу свою записную книгу“. Уходитъ. Чрезъ полчаса возвращается. И что же?—Да что: затылокъ чешетъ. „И какъ,—говоритъ,—я могъ“ и проч.—Такъ-ли было дѣло, наилюбезнѣйшій Амвросій Семеновичъ?... А за то, что я васъ назвалъ библіографомъ неважнымъ, не обижайтеся, такъ какъ это сущая правда, что и выяснится при одной изъ дальнѣйшихъ моихъ бесѣдъ съ вами

Подведемъ итогъ всему нами сказанному.

Принимая во вниманіе, что разсматриваемое нами Евангеліе имѣетъ на оборотѣ заглавнаго листа гравюру *съ ясно обозначенною датою—1697 годъ, ранѣе котораго, слѣдовательно, оно не могло быть издано*;

принимая во вниманіе, что въ сохранившихся записяхъ о типографской дѣятельности Львовскаго братства за 1697 и послѣдующіе годы вплоть до 1703 года *нѣтъ никакихъ слѣдовъ объ изданіи за это время Братствомъ Евангелія*;

принимая во вниманіе, что означенныя записи свидѣтельствуютъ о заключеніи Братствомъ въ апрѣлѣ 1703 года условія

съ типографомъ Василіемъ Ставницкимъ, *имя котораго значится на оборотѣ заглавнаго листа разсматриваемаго Евангелія*;

принимая во вниманіе, что симъ Ставницкимъ Евангеліе напечатано было въ количествѣ *1200 экземпляровъ*, а между тѣмъ въ настоящее время *мы не знаемъ ни одного экземпляра Евангелія съ датою 1704 (или 1703) года*. Евангелій же другихъ изданій, начиная съ перваго братскаго (1636 г.) сохранилось достаточное количество, *даже очень достаточное*;

принимая, наконецъ, во вниманіе, что самый фактъ сознательно допущеннаго Братствомъ анахронизма, сдѣланнаго, безъ сомнѣнія, для молитвы за короля, находитъ довлѣющее объясненіе въ политическихъ событіяхъ того времени, когда неизвѣстно было кто изъ борющихся за польскую корону лицъ одержитъ верхъ;

принимая во вниманіе все сіе, въ совокупности взятое, мы приходимъ къ выводу, что разсматриваемое нами Евангеліе, изданное якобы (судя по датѣ) въ 1690 году, на самомъ дѣлѣ издано было или *въ концѣ 1703 или началѣ 1704 года* [1]).

И выводъ этотъ я считаю столь *твердымъ*, что если бы даже, паче чаянія, нашелся экземпляръ братскаго Евангелія съ датою 1703 или 1704 г., то и тогда онъ не былъ бы поколебленъ. Тогда только пришлось бы объяснять, почему это Братство, издавая Евангеліе съ невѣрною датою, въ тоже время одинъ или нѣсколько экземпляровъ напечатало и съ вѣрною? А для того, чтобы воочію убѣдиться что найденный (употребляемъ это выраженіе въ смыслѣ маловѣроятнаго предположенія) экземпляръ Евангелія съ датою 1703 или 1704 г. есть тоже самое Евангеліе, о которомъ мы такъ долго говорили, слѣдуетъ сличить сіе найденное Евангеліе съ тѣмъ Львовскимъ Евангеліемъ, которое условно въ нашихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ обозначено буквою Б. (Евангеліе съ ложною датою). Увѣренъ, что сходство будетъ полное, разумѣется, кромѣ заглавнаго листа и предъ-евангельскихъ статей.

---

[1]) Почему я выражаюсь *осторожно* (*въ концѣ* 1703 или *началѣ* 1704 г.),—это объяснено въ моей статьѣ.

Просмотрѣвъ, послѣ сейчасъ написаннаго, свою трактацію объ Евангеліи 1703—1704 г., какъ она изложена въ моихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“, я кое чѣмъ (нѣкоторыми деталями) остался и недоволенъ. Я писалъ: *„полагаемъ съ вѣроятностію самой высокой степени“*; слѣдовало-бы сказать: *„мы не сомнѣваемся“*, потому что я дѣйствительно не сомнѣваюсь, что Евангеліе съ сознательно выставленною невѣрною датою есть то самое, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчъ. Слово *„вѣроятнѣе“* (гдѣ говорю о побужденіяхъ братства учинить упомянутое лукавство при изданіи въ 1703-мъ году Евангелія) слѣдуетъ замѣнить словами: *„безъ сомнѣнія“*. А коль скоро эту замѣну учинимъ, то предшествующее побочное соображеніе (*отчасти* братство могло руководствоваться и т. д.; это пишу для *вздумчивыхъ* читателей моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“) и совсѣмъ окажется плоховатымъ. Да и теперь, безъ означенной замѣны, этимъ *отчасти* я страшно недоволенъ. Считаю его пятнышкомъ на моемъ дѣткѣ. Я его соскоблю когда пришлется Академіею Наукъ для корректуры моя рецензія на книгу г. Крыловскаго, гдѣ объ этомъ идетъ рѣчь.

Кажется я свое „дѣтко“, выставивъ на пьедесталъ, освѣтилъ со всѣхъ сторонъ; не скрылъ даже и малюсенькаго пятнышка.

Теперь, послѣ всего вышеизложеннаго, позволю себѣ обратиться къ почтеннѣйшей публикѣ съ вопросомъ:

Справедлива-ли сдѣланная проф. Титовымъ оцѣнка моей трактаціи объ Евангеліи, изданномъ Львовскимъ братствомъ въ концѣ 1703 или началѣ 1704 г. (оцѣнка моего „дѣтка“), или же онъ долженъ быть причисленъ *къ тѣмъ цѣнителямъ, надлежащая характеристика которыхъ сдѣлана въ двухъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ басняхъ знаменитаго Крылова?*

А затѣмъ обращаюсь къ проф. Титову съ нижеслѣдующею рѣчью:

Вы, проф. Титовъ, пишете: профессоръ де Голубевъ строитъ „гипотезу о томъ, что Львовское братство въ 1703 или 1704 году выпустило Евангеліе съ сознательно невѣрною датою и притомъ еще съ сознательнымъ анахронизмомъ въ предисловіи,—

т. е. другими словами допустило *мошенничество,*—такая гипотеза возможна только „*въ сказкѣ про бѣлаго бычка*“ и т. д.

Вы подчеркиваете слово *мошенничество*. Во-первыхъ, означенное дѣяніе Братства я такъ не называю. Это вашъ выводъ изъ моихъ словъ. Но согласимся, что онъ правиленъ. Вѣдь фактъ на лицо, если даже допустимъ, что означенное дѣяніе учинено было и не въ 1703 году, а ранѣе. Такъ что же? Каждая вещь имѣетъ свое наименованіе; всякое дѣяніе—то или иное клеймо.

Но суть дѣла не въ этомъ. Какъ вы можете „своя помышленія лукавая“ прикрывать авторитетомъ г. Родосскаго? Нельзя прикрыться плащемъ, который на вашихъ же глазахъ распадается въ прахъ. Г-ну Родосскому одни данныя вовсе не могли быть извѣстными, другія ускользнули отъ его вниманія, отсюда онъ и сдѣлалъ ошибочный выводъ, отъ котораго, безъ сомнѣнія, отказался или откажется, прочитавъ мои „Объяснительные параграфы“. Но *передъ вашими глазами*, проф. Титовъ, находились сіи „Параграфы“ и вы видѣли сообщенныя въ нихъ *новыя данныя*. Значеніе однихъ изъ этихъ данныхъ вы могли отрицать, могли считать мое освѣщеніе вопроса своеобразнымъ, сказочнымъ и т. п. (это зависитъ отъ степени вашего пониманія и историческаго чутья). Но того видимаго и осязательнаго факта, что Евангеліе *съ датою 1690 года* имѣетъ на оборотѣ заглавнаго листа гравюру *1697 года* и заздравную молитву о королѣ Іоаннѣ, *скончавшемся въ 1696 году*, вы отрицать не могли и не можете, а отсюда не могли и не можете отрицать, что Евангеліе, о которомъ идетъ рѣчь, заключаетъ и невѣрную дату и анахронизмъ въ молитвѣ за короля. И хотя я очень не высокаго мнѣнія о вашемъ „критицизмѣ“, не отношу васъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые „выдумываютъ *порохъ*“, тѣмъ не менѣе не могу считать васъ способнымъ, по выраженію Щедрина (?), „утираться и *стекломъ*“. Въ самомъ дѣлѣ не неразумное же вы дитя, которое, держа въ рукахъ рубль 1907 года, говоритъ, что онъ былъ въ рукахъ его маменьки еще до его рожденія! А выводъ изъ сказаннаго предоставляю сдѣлать вамъ самимъ; за клеймомъ же для сего вашего дѣянія далеко и ходить не нужно.

VII.

Приступаю къ одному изъ наиболѣе тяжкихъ обвиненій, предъявленныхъ мнѣ проф. Титовымъ,—называю его наиболѣе тяжкимъ потому, что имъ приписывается мнѣ *нравственная нечистоплотность:* я обвиняюсь въ томъ, что „позволилъ себѣ *пошлую выходку* по адресу Лавры".

Священно-архимандритъ Кіево-Печерской Лавры нашъ Владыка—митрополитъ есть мой непосредственный начальникъ; относится онъ ко мнѣ ласково, любовно, благожелательно. Намѣстникъ Лавры о. архимандритъ Антоній любитъ меня сердечно, принимаетъ радушно. Въ одно изъ не такъ давнихъ посѣщеній моихъ къ нему съ своимъ другомъ профессоромъ Т. Д. Флоринскимъ онъ благословилъ насъ цѣнными иконами, преподавъ наставленіе, чтобы, трудясь на поприщѣ научномъ, мы не забывали того животворнаго источника, откуда происходятъ человѣческія дарованія. Уже въ виду этого (не говоря объ основной причинѣ) я, проф. Голубевъ, дѣйствительно могъ бы быть причисленъ къ разряду тѣхъ людей, къ которымъ благоугодно отцу протоіерею Титову меня отнести, бу́де обвиненіе его было бы хоть отчасти справедливымъ.

Но понятное дѣло, что мои читатели, достаточно уже ознакомившіеся съ личностію отца протоіерея Титова, ждутъ отъ меня не оправданій, а разъясненій.

Даю сіи разъясненія, по необходимости начиная рѣчь издалека.

Въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ" я констатировалъ, что *Евангеліе* изцано Львовскимъ братствомъ *впервые въ 1636 году*, поэтому Евангелія 1600, 1606 и 1609 г.г., которыя проф. Титовъ, на основаніи описей, считаетъ вышедшими *въ свѣтъ* изъ братской типографіи въ означенные годы, сего *свѣта* не видѣли. Что въ „Описи" въ данномъ случаѣ вкрались ошибки, это—разумѣется—несомнѣнно. Но такъ какъ подобныя ошибки въ „Описяхъ" наичаще встрѣчаются по отношенію къ *Львовскимъ* Евангеліямъ, то я заинтересовался вопроссмъ, какое именно изъ сихъ Евангелій скорѣе всего могло вводить составителей

„Описей“ въ заблужденіе, и рѣшилъ его такъ: „*это—Евангеліе, изданное Львовскимъ братствомъ въ 1670-мъ году*“.

Какія основанія и соображенія привели меня къ такому заключенію?

Нижеслѣдующія:

На означенномъ Евангеліи дата отъ Рождества Христова (1670 г.) напечатана очень *мелкимъ шрифтомъ* и притомъ *съ дефектомъ*. Дефектъ сей заключается въ томъ, что послѣдняя славянская буква о, имѣвшая обозначить число *70*, въ иныхъ экземплярахъ представляетъ изъ себя ничто иное какъ *обычную точку*. Составителю „Описи“ естественно было полагать, что находившееся предъ его глазами Евангеліе издано было *въ 1600 году*, такъ какъ явственно читаемыя славянскія цифровыя буквы (҂а҃χ.) означаютъ именно этотъ годъ. Въ другихъ экземплярахъ упомянутаго Евангелія славянское о (съ которымъ, видимо, при печатаніи случилось какое-то несчастіе) представляетъ изъ себя *малюсенькія двѣ—три черточки*. Очевидно, сіи черточки изображаютъ собою какую-то неясно напечатанную букву,—*но какую?* Однимъ могло казаться, что зѣло (означающее цифру *6*). другимъ—что ѳиту *(9)*. Отсюда и могло произойти,—какъ я писалъ,—что одни составители „Описей“ относили означенное Евангеліе къ 1600 году, другіе (стараясь разобрать неясно напечатанное славянское о) къ 1606 и 1609 годамъ“. (Разумѣется, возможны были и иныя однородныя ошибки, но мы ихъ пока не знаемъ).

Такъ какъ кромѣ разсматриваемаго Евангелія, *всѣ другія Львовскія братскія изданія сей книги* имѣютъ даты на нихъ *явственно напечатанныя*, то у меня и сложилась упомянутая увѣренность,—т. е., что именно это Евангеліе, *Евангеліе 1670 года*, дата котораго отъ Рождества Христова по неясности возбуждаетъ недоумѣнія, скорѣе всего и могло вводить составителей „Описей“ въ означенныя заблужденія.

Все это ясно.

Но является нѣкая заковыка, и заковыка сія заключается въ слѣдующемъ.

Разсматриваемое Евангеліе (какъ и весьма многія церковно-славянскія книги того времени) имѣетъ двойную дату: не только отъ Рождества Христова, но и отъ сотворенія міра. Вотъ сія-то послѣдняя дата, отъ сотворенія міра, напечатана въ Евангеліи 1670 года *явственно*. Отсюда слѣдуетъ что?—Слѣдуетъ то, дабы возстановить (правильно прочитать) неясную дату отъ Рождества Христова должно изъ 7178, т. е. *даты разсматриваемаго Евангелія отъ сотворенія міра*, вычесть *число 5558*, т. е. число лѣтъ отъ сотворенія міра *до Рождества Христова*. Полученная разность—1670—и будетъ датою отъ Рождества Христова, неясно на Евангеліи напечатанною.

Пріемъ, повидимому, нехитростный. Но не забудемъ, что и люди-то, составлявшіе въ 1744 году „Описи“, были нехитростные: священники, можетъ быть, писцы при монастыряхъ и т. п. Ими могло быть совершенно опущено изъ вида указанное обстоятельство. А такъ какъ читатели моей статьи, безъ сомнѣнія, замѣтили, что я люблю прибѣгать для выясненія дѣла къ примѣрамъ и подобіямъ, то и въ данномъ случаѣ въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ я указалъ на проф. Титова. Передъ его глазами была самымъ четкимъ почеркомъ написанная „Опись“, гдѣ—какъ мы видѣли—значилось: „Анѳологіонъ, изданъ въ лѣто отъ сотворенія міра *7202*, отъ Рождества Христова *1691*“. Ясно, что даты не сходятся, и мы имѣемъ дѣло съ ошибкою; между тѣмъ, *даже профессоръ, притомъ профессоръ, занимающійся церковно-славянскою библіографіею*, т. е. не то что малограмотный писецъ и безхитростный іерей,—не замѣчаетъ однако очевидной несообразности. Сосредоточивъ все вниманіе на датѣ отъ Рождества Христова, онъ уже не обращаетъ никакого вниманія на дату отъ сотворенія міра. Положимъ—какъ мы выше говорили—проф. Титова могло охватить волненіе столь естественное при ученыхъ открытіяхъ. Но вѣдь волненіе волненіемъ, а дѣло-то дѣломъ. Поволнуйся немножко, походи, побѣгай,—какъ это и со мной случается нерѣдко,—а потомъ вникни въ дѣло, осмакуй его со всѣхъ сторонъ, а главное пошевели мозгами: пусти въ ходъ драгоцѣннѣйшій даръ Божій—разумъ. Не сдѣлалъ этого: жди бѣды. Открытіе можетъ оказаться мыльнымъ пузыремъ. Дунулъ на него—и останется одна вонючая капля.

Вотъ послѣ таковыхъ соображеній „заковыка“ перестала меня смущать, и я окончательно укрѣпился въ мысли, что составителей „Описей“ вводило въ заблужденіе именно Евангеліе 1670 года, т. е. неясно напечатанная дата выхода его въ свѣтъ, и именно дата отъ Р. Христова.

Затѣмъ явилось у меня желаніе провѣрить свое предположеніе фактически и чрезъ то придать ему значеніе и силу какъ бы реальнаго факта. Что для этого нужно было сдѣлать?—Да нужно было просмотрѣть теперешніе рукописные каталоги старыхъ книгъ (каковые каталоги въ сущности суть тѣ же Описи, о которыхъ мы не разъ говорили): составителей сихъ-то каталоговъ не вводило-ли означенное Евангеліе въ тоже заблужденіе своею датою отъ Р. Христова, въ какое вводило оно составителей давнихъ „Описей“? А провѣрить это, разумѣется, можно было не иначе, какъ отправившись въ какую либо изъ кіевскихъ библіотекъ, и именно такую, гдѣ въ достаточномъ количествѣ находятся старопечатныя церковно-славянскія книги, которымъ составлены каталоги.

Вотъ мы и добрались, наконецъ, до Лавры и якобы моей *пошлой выходки* противъ нея.

Въ чемъ же сія *пошлая выходка* заключается?

Заключается она въ слѣдующемъ.

Пришедши съ указанною цѣлію въ Лаврскую библіотеку и обозрѣвая ея выставочный отдѣлъ, я скоро нашелъ наглядное подтвержденіе своего предположенія, которое такимъ образомъ получало уже значеніе и силу факта реальнаго. На верхней полкѣ одного изъ шкафовъ, предназначенныхъ для храненія наиболѣе замѣчательныхъ изданій, я усмотрѣлъ между разными, крупнымъ шрифтомъ на бѣлой бумагѣ напечатанными надписями, и такую: *Евангеліе, изданное Львовскимъ братствомъ въ 1606 году*,—каковое Евангеліе по разсмотрѣніи оказалось Евангеліемъ, изданнымъ,—какъ я и предполагалъ,—*въ 1670 году*.

И вотъ вся сія трактація (для уясненія вопроса о томъ, какое изъ Львовскихъ Евангелій могло вводить составителей „Описей“ въ вышеуказанныя ошибки) и излагается мною, разумѣется, другими словами, въ моихъ „Объяснительныхъ пара-

графахъ". Именно, въ нихъ, начиная съ „заковыки", дословно говорится слѣдующее:

„Правда, въ означенномъ Евангеліи дата отъ сотворенія міра напечатана явственно; но мы уже видѣли, что въ церковной описи, у занесеннаго въ нее „Трефолоя" (Анѳологіона), при ошибочно выставленной датѣ отъ Рождества Христова (ѯ҃а҃ѵ҃ч҃а҃), явственно означена и вѣрная дата—отъ сотворенія міра (ѯ҃з҃ѵ҃в҃); между тѣмъ даже *профессоръ занимающійся церковно-славянскою библіографіею*, не обращаетъ на эту дату никакого вниманія и, основываясь только на явно ошибочной датѣ отъ Рождества Христова, вноситъ въ каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ Львовской братской типографіи, яко-бы новое, доселѣ неизвѣстное изданіе Анѳологіона. —Приведемъ другой примѣръ, еще болѣе наглядный, притомъ непосредственно относящійся къ трактуемому нами вопросу и уясняющій его окончательно. Въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры, въ такъ называемомъ выставочномъ отдѣлѣ ея, и въ настоящее время красуется Евангеліе разсматриваемаго нами изданія *(1670 года)* съ такою печатною надъ занимаемымъ имъ мѣстомъ надписью: *Евангеліе, изданное Львовскимъ братствомъ въ 1606 году* (sic!)".

И это *все?*—И это *все.*

И въ этомъ заключается *пошлая выходка* противъ Лавры?—

И въ этомъ, *по утвержденію профессора Титова*, заключается моя *пошлая выходка* противъ Лавры.

А теперь позвольте побесѣдовать съ вами, проф. Титовъ.

Что въ данномъ случаѣ вы разумѣете подъ моею *пошлою выходкою?*

Можетъ быть то, что что я предалъ гласности ошибку, допущенную отцемъ лаврскимъ библіотекаремъ или *кѣмъ другимъ*, принимавшимъ участіе въ устройствѣ выставочнаго отдѣла въ Лаврской библіотекѣ? Но что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что лица, устроявшія въ библіотекѣ означенный отдѣлъ, были недостаточно опытны въ церковно-славянской библіографіи. Свѣдущимъ лицемъ указана ошибка, и отецъ библіотекарь поставитъ Евангеліе 1670 года на соотвѣтствующее его датѣ мѣсто. Вѣдь я говорю обо всемъ этомъ не въ смыслѣ *укоризны*: я

глашаю фактъ, *блистательно потдверждающій мое предположеніе.* А становясь на эту, единственно правильную точку зрѣнія, я позволю себѣ заявить вамъ, проф. Титовъ, что я вынесъ бы на свѣтъ Божій такой, нужный для моей цѣли фактъ не только изъ Лаврской библіотеки, но даже изъ *святая святыхъ.* Напримѣръ, если-бы изъ лаврской описи узналъ, что на какомъ либо изъ престоловъ святой обители находится Евангеліе 1600 или 1606, 1609 годовъ, то пошелъ бы къ Высокопреосвященному Флавіану и сказалъ ему: „Владыко! Изъ описей лаврскихъ я узналъ, что на такомъ-то престолѣ находится Евангеліе съ такою-то датою. Я увѣренъ, что дата указана ошибочно. Для моей ученой работы нужно видѣть Евангеліе“.— И что же?—Безъ сомнѣнія, Владыка, сдѣлалъ-бы распоряженіе, чтобы о. екклесіархъ показалъ мнѣ Евангеліе.—Почему?—Да потому что на бѣломъ свѣтѣ не можетъ найтись ни одного *благоразумнаго* человѣка, который бы въ этой моей просьбѣ усмотрѣлъ *пошлую выходку* противъ Лавры.

Можетъ быть, слово *красуется* слѣдовало бы замѣнить другимъ словомъ: *находится*, потому что въ первомъ звучитъ какъ бы нѣкая иронія?—И этой замѣны учинить не могу.— Почему?—Да потому, что слово *красуется, вполнѣ соотвѣтствуя дѣйствительности, сугубо усиливаетъ силу и значеніе моего предположенія.* Разсматриваемое Евангеліе 1670 года давно занесено въ лаврскій каталогъ книгъ *подъ 1606 годомъ*; слѣдовательно, ошибка допущена была составителемъ каталога. Это разъ. Затѣмъ когда устроялся выставочный отдѣлъ и выбирались для него болѣе цѣнныя, хранящіяся въ Лаврской библіотекѣ книги, составляющія, такъ сказать, *красу ея*,—Евангеліе 1670 года, разумѣется, осмотрѣно было *вторично* другимъ лицемъ, а можетъ быть и нѣсколькими, и тѣмъ не менѣе *ошибка въ датѣ не была замѣчена.* Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что означенное Евангеліе, Евангеліе съ неясною датою отъ Р. Христова, Евангеліе, изданное Львовскимъ братствомъ въ 1670 году, и есть то, которое „скорѣе всего могло вводить составителей описей въ указанныя заблужденія“,—*что̀ проф. Голубеву и нужно было доказать.*

Вы, проф. Титовъ, мои разсужденія какъ по данному вопросу, такъ и относительно Евангелія 1703—1704 года считаете *сказочными предположеніями, которыми заниматься можно сколько угодно, были бы только охота и врёмя; но пользы для науки отъ такихъ предположеній и гаданій, разумѣется, не можетъ быть никакой.*

Такимъ суровымъ приговоромъ вы, проф. Титовъ, поставили проф. Голубева въ большое затрудненіе. Онъ не можетъ уяснить, какимъ это образомъ его *„фантастическія, чисто сказочныя предположенія“* въ концѣ концевъ приводятъ къ столь осязательнымъ результатамъ, что становятся какъ-бы реальными фактами?—Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи означенныхъ предположеній приходитъ онъ къ заключенію, что въ концѣ 1703 или началѣ 1704 года изданное Львовскимъ братствомъ Евангеліе вышло въ свѣтъ *съ датою 1690 года* и сознательно допущеннымъ анахронизмомъ въ молитвѣ за короля. Г. Крыловскій, спеціально занимавшійся изученіемъ братскихъ изданій и въ своемъ трудѣ *выставившій счетъ листовъ въ Евангеліи 1704 года*, завѣряетъ проф. Голубева, что онъ, г. Крыловскій, Евангеліе съ этою датою видѣлъ, *въ рукахъ держалъ*,—а тотъ всё твердитъ: *не видѣлъ и не могъ видѣть*. И что-же? Оказывается по провѣркѣ, что профессоръ-то Голубевъ правъ, а спеціалисту приходится только руками разводить, какъ это съ нимъ, человѣкомъ въ высшей степени аккуратнымъ, могъ произойти такой казусъ?!—Приходитъ проф. Голубевъ въ Лаврскую библіотеку и видитъ на выставочномъ шкафу печатную надпись: *„Евангеліе, изданное Львовскимъ братствомъ въ 1606 году“*, и говоритъ: „это, разумѣется, не Евангеліе *1606 года*, а по всей вѣроятности Евангеліе *1670 года*. Дайте-ка его сюда“. И что же? Оказывается, что профессоръ-то Голубевъ правъ...

Какой же это счастливчикъ проф. Голубевъ: стрѣляетъ изъ ружья холостыми зарядами („фантастическими, сказочными предположеніями“) и прямо попадаетъ въ цѣль! А можетъ быть проф. Титовъ и ошибается? Можетъ быть, ружье-то у профессора Голубева заряжено не фантастическими, сказочными предположеніями, *а чѣмъ нибудь инымъ?*

Предоставляя рѣшеніе этого вопроса моимъ читателямъ, я въ данный моментъ попрошу ихъ обратить вниманіе, *серьёзное вниманіе* или, какъ выражается проф. Титовъ, вчитаться, *внимательно вчитаться* въ „рѣчи“ сего профессора о томъ, почему онъ находитъ совершенно непріемлемыми мои, проф. Голубева, „гаданія“ относительно неясной даты отъ Рождества Христова на Евангеліи 1670 года,—даты, вслѣдствіе этого вводившей составителей описей въ упомянутыя заблужденія (дававшей поводъ однимъ изъ сихъ составителей относить означенное Евангеліе къ 1600 году, другимъ—къ 1606 и 1609 годамъ).

Рѣчи же проф. Титова таковы (всюду курсивъ сего профессора):

„Само собою разумѣется, что все это могло быть только въ *сказкѣ*. Въ дѣйствительности же этого не могло *никогда* случиться уже потому, что рядомъ съ неясно напечатанной, по мнѣнію проф. Голубева [1]), датой отъ Рождества Христова стояла дата отъ сотворенія міра, которую и самъ проф. Голубевъ признаетъ напечатанной явственно“... „Дѣло въ томъ,—продолжаетъ развивать свою мысль проф. Титовъ,—что церковное обозначеніе датъ на старопечатныхъ книгахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ было настолько обычнымъ явленіемъ, что скорѣе проф. Голубевъ *можетъ перепутать свои собственныя мысли и сужденія и напечатать два совершенно различныхъ мнѣнія*, примѣръ чего мы увидимъ сейчасъ ниже (примѣчаніе проф. Голубева: имѣется въ виду моя трактація, въ которой шкодливый мышенокъ—какъ мы видѣли—выгрызъ чрезвычайно важное мѣстечко), чѣмъ составители описей, священники XVII вѣка, могли перепутать хронологическія даты въ старопечатныхъ книгахъ“ (sic!!!).

Профессоръ Титовъ! Профессоръ Титовъ! О, профессоръ Титовъ!

Опомнитесь! Что вы говорите?! Вѣдь ваши слова—полное неуваженіе къ читателямъ. Ну, положимъ, профессоръ Голубевъ

---

[1]) „*По мнѣнію профессора Голубева*“. Это *не мнѣніе* проф. Голубева, просмотрѣвшаго болѣе 20-ти экземпляровъ означеннаго Евангелія, а не могущій быть оспариваемымъ *фактъ*.

на старости лѣтъ совсѣмъ потерялъ разумъ. Но зачѣмъ вы и читателей-то своихъ считаете какъ-бы стадомъ глупыхъ барановъ?! Вѣдь они уже знаютъ, что въ описяхъ ошибки встрѣчаются нерѣдко, притомъ ошибки *наикуръёзнѣйшія*: указываются книги, изданныя тою или иною типографіею, когда и самыхъ-то типографій въ Россіи еще не существовало, когда даже и книгопечатаніе-то не было еще изобрѣтено (указывается, напр., книга, якобы вышедшая въ свѣтъ въ 169 году!!).

Знаете проф. Титовъ, есть русская пословица, гласящая, что *во всемъ* нужно знать мѣру. А вѣдь вы въ своемъ словоизверженіи переступили уже *всякую мѣру* и, переступивъ ее, мчитесь, очертя голову, ничего не видя, ничего не слыша, ничему не внимая. А это весьма не свойственно ни званію профессорскому, ни сану протоіерейскому.

VIII.

Переходимъ къ тому отдѣлу статьи проф. Титова, который начинается слѣдующею тирадою:

„Есть мѣткая малороссійская пословица, гласящая: „на городи бузина, а въ Киіві дядько“. Она какъ нельзя лучше примѣнима къ новѣйшему произведенію профессора Голубева подъ заглавіемъ: „Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви“. Задавшись цѣлію написать quasi-ученый пасквиль на меня, профессоръ Голубевъ началъ собирать все, что, по его мнѣнію, подходитъ къ этой неблагодарной и незавидной задачѣ: и бузину и дядьку“.

Въ чемъ дѣло?

Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ къ тексту ихъ мною сдѣлано примѣчаніе, начинающееся словами: „Такъ какъ въ настоящей статьѣ идутъ рѣчи *о книгахъ*, то позволю себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе, имѣющее въ виду разъяснить еще одно недоразумѣніе, созданное профессоромъ Титовымъ, характера тоже *книжнаго*“.

Недоразумѣніе-же проф. Титова заключается въ слѣдующемъ.

У г-на Серебренникова въ его студенческой напечатанной работѣ („Кіевская Академія съ половины XVIII вѣка“ и проч.) говорится, что общая Академическая библіотека къ 1780 году вмѣщала въ себѣ до 12000 книгъ и что она сгорѣла *въ 1784—1785 гг.*

Профессоръ Титовъ нашелъ въ Архивѣ Св. Синода (подъ № 416 за 1780 г.) дѣло, изъ котораго видно, что гибель Академической библіотеки отъ пожара произошла *29 февраля 1780 года, когда въ братскомъ монастырѣ „невѣдомо съ чего занялась горѣть на трапезной св. Бориса и Глѣба церкви средняя глава, отъ чего и другія два верха, а притомъ находившаяся при той же церкви на горѣ, подъ верхними сводами, Академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоящая изъ восьми тысячъ шести сотъ тридцати двухъ книгъ, также и начальническія келіи совсѣмъ погорѣли“.*

Отсюда проф. Титовымъ дѣлаются слѣдующія три вывода:

„1) Академическая библіотека сгорѣла не въ 1784 или 1785 годахъ, какъ ошибочно полагаетъ г. Серебренниковъ, *а 29 февраля 1780 года.*

2) Къ этому времени Академическая библіотека состояла не изъ 12000 книгъ, какъ думаетъ тотъ-же г. Серебренниковъ, а изъ 8632 книгъ.

3) *Академическая библіотека сгорѣла 29 февраля 1780 года вся*“ (курсивъ проф. Титова).

Все сіе изложено проф. Титовымъ въ нарочито написанной имъ замѣткѣ или, какъ выражается самъ авторъ, поправляя меня, „статьѣ“, озаглавленной: „*Поправка и дополненіе къ исторіи Кіевской Духовной Академіи*“ (см. Труды Кіев. Дух. Акад. 1898 г., № 7).

Вотъ по поводу означенныхъ выводовъ я и нашелъ нужнымъ въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ написать слѣдующее:

„Что касается перваго вывода проф. Титова, то, разумѣется, онъ вполнѣ справедливъ; не составляетъ онъ только *новинки*, ибо свѣдѣнія о пожарѣ 1780 года, когда погибла Академическая библіотека (на основаніи *того же* Синодальнаго дѣла, а потому

и тѣми же словами документа,—см. подчеркнутое въ документѣ) давно уже сообщены въ нашемъ трудѣ—Исторіи Кіевской духовной Академіи (см. выпускъ I, Кіевъ, 1886 г., стр. 28),—трудѣ тоже [1]), хотя и неоффиціально, рецензированномъ профессоромъ Титовымъ.

„Что же касается остальныхъ двухъ выводовъ, то они не оправдываются наличностію извѣстныхъ фактовъ.

„Академическое начальство, *спустя девять дней послѣ пожара*, извѣщало кіевскаго митрополита (а онъ затѣмъ Святѣйшій Синодъ) не о количествѣ книгъ Академической библіотеки, находившихся въ ней до пожара, но о количествѣ книгъ сей библіотеки *погибшихъ во время пожара*. Ибо—*что подчеркиваемъ*—пожаръ 29 февраля 1780 года хотя истребилъ *бо́льшую часть* Академической библіотеки, но все-таки далеко *не всю*“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія я сослался, во 1-хъ, на то, что въ нашей Академической библіотекѣ и до настоящаго времени находятся книги, бывшія въ ней до пожара 1780 года (при чемъ указалъ, что о книгахъ, поступившихъ въ библіотеку отъ митрополита Петра Могилы и теперь въ ней находящихся, говорится въ моемъ рефератѣ: „О составѣ библіотеки митрополита Петра Могилы“, напечатанномъ въ Трудахъ III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ) и, во 2-хъ, на чрезвычайно важное свидѣтельство современника, бывшаго (въ 1785—1789 годахъ) ученика Кіевской Академіи И. Ѳ. Тимковскаго.

Но прежде чѣмъ говорить о значеніи приведенныхъ мною данныхъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, я считаю нужнымъ сдѣлать два разъясненія.

1) Во первыхъ, я долженъ принести покаяніе въ допущенной мною ошибкѣ. Желая подчеркнуть знакомство съ моею Исторіею Кіевской Духовной Академіи проф. Титова, я сказалъ, что она имъ *рецензирована*. На самомъ же дѣлѣ профессоромъ Титовымъ составлена рецензія на мое сочиненіе

[1]) Выше въ „Объяснительныхъ параграфахъ“ мною замѣчено, что одно изъ невѣрныхъ утвержденій проф. Титова (о Тріоди Постной, якобы изданной Кіево-печерской типографіей въ 1646 году) не могло быть допущено при внимательномъ чтеніи рецензируемаго имъ, по порученію Совѣта нашей Академіи, II-го тома моего Петра Могилы.

„Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка“. Но такъ какъ проф. Титовъ признаетъ свое знакомство и съ моею Исторіею Академіи, то сущность дѣла отъ этой ошибки нисколько не мѣняется. Мнѣ хотѣлось, какъ я сказалъ, подчеркнуть именно означенное знакомство. Но во всякомъ случаѣ выраженіе въ моей статьѣ: „сообщены (свѣдѣнія о пожарѣ 1780 г.)... въ нашемъ трудѣ, рецензированномъ проф. Титовымъ“,—должно быть замѣнено слѣдующимъ: „сообщены..... въ нашемъ трудѣ, безъ сомнѣнія, проф. Титову извѣстномъ“. Понятное дѣло, на ходъ трактаціи, означенная замѣна нималѣйшаго вліянія не имѣетъ.

2) По поводу „бузины въ огородѣ“ и „дядьки въ Кіевѣ“ позволю себѣ сказать слѣдующее.

Главною цѣлію моей статьи было установить правильный взглядъ на мнимыя библіографическія открытія проф. Титова, что отнюдь не исключало возможности касаться и другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ этими открытіями, о чемъ и было заявлено въ началѣ статьи. Постоянно трактуя *о книгахъ*, я попутно, въ подстрочномъ примѣчаніи, и разъясняю еще одно изъ недоразумѣній проф. Титова тоже характера *книжнаго*.

Какая цѣль моего экскурса какъ бы въ сторону?

Цѣль такая. Проф. Титовъ пишетъ нарочитую „статью“—*Поправка и дополненіе къ исторіи Кіевской духовной Академіи*. Статья эта заключаетъ *одинъ* цѣнный фактъ,—именно, что Академическая библіотека сгорѣла *29 февраля 1780 года*. Но въ наукѣ фактъ этотъ извѣстенъ уже давно, и повтореніе его не привноситъ въ нее рѣшительно ничего новаго (въ смыслѣ новизны значеніе его *нулевое*). Между тѣмъ изъ этого извѣстнаго факта проф. Титовъ дѣлаетъ выводъ (библіотека сгорѣла *вся*), не оправдываемый наличностію обнародованныхъ данныхъ. Слѣдовательно, статья его имѣетъ въ наукѣ не положительное, а отрицательное значеніе. Это я и имѣлъ въ виду отмѣтить.

Можно сіе самое выразить и въ иной болѣе наглядной и, такъ сказать, образной формѣ.

Профессоръ Голубевъ совершаетъ прогулку по садамъ Россійской библіографіи. На аллеѣ, окруженной вѣковыми деревьями—львовскими изданіями—онъ видитъ кучи мусора, наваленныя здѣсь

тщаніемъ малоопытнаго библіографа и старательно удаляетъ ихъ. Окончивъ сей трудъ, онъ усматриваетъ кучку мусора, положенную тѣмъ же библіографомъ и на аллеѣ, ведущей въ его родную Almam Matrem. Онъ беретъ въ руки метлу и сію кучку смахиваетъ...

Понятно теперь Вамъ, проф. Титовъ, отношеніе „бузины“ къ „дядькѣ“?

Возвращаемся къ вопросу: *вся-ли* сгорѣла въ 1780 году Академическая библіотека, какъ утверждаетъ проф. Титовъ, или далеко *не вся*, какъ заявляю я.

Я говорю, что въ нашей Академической библіотекѣ и *въ настоящее время* имѣется нѣкоторое количество книгъ *съ ясными признаками* нахожденія ихъ въ библіотекѣ *до пожара 1780 года*. Онѣ не приведены только въ извѣстность. Спеціально этимъ никто не занимался. Въ 1874 году я, тотчасъ по окончаніи курса въ Академіи, роясь въ библіотекѣ, искалъ исключительно тѣ книги, которыя имѣли собственноручныя надписи митрополита Петра Могилы. Нашлись, хотя не въ большомъ количествѣ, даже и такія книги. Онѣ указаны въ моемъ упомянутомъ рефератѣ. Проф. Титовъ заявляетъ: „Никто, разумѣется, не думаетъ отрицать, что въ настоящее время въ нашей Академической библіотекѣ имѣются книги, принадлежавшія Петру Могилѣ и находившіяся въ его библіотекѣ; но эти книги могли быть переданы въ нашу библіотеку не самимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, а другими лицами, къ которымъ онѣ какимъ либо образомъ перешли послѣ смерти митрополита Петра Могилы и могли поступить въ нашу библіотеку и послѣ пожара 1780 года“.—На сіе я позволю себѣ замѣтить: такъ какъ хорошо извѣстно, что *вся* библіотека Петра Могилы, по завѣщанію, передана была въ его коллегію, т. е. нашу Академію, то уповательно, что упомянутыя книги составляютъ ничто иное какъ остатки сей библіотеки.—Проф. Титовъ заявляетъ, что я въ своемъ рефератѣ перечисляю нѣсколько книгъ, „находившихся въ библіотекѣ митрополита Петра Могилы *и переданныхъ потомъ другими лицами* въ разныя библіотеки, напр., въ библіотеку Кіево-Печерской Лавры и библіотеку при Главномъ архивѣ Министерства иностран-

ныхъ дѣлъ въ Москвѣ“... „Неужели—восклицаетъ отецъ Титовъ—профессоръ Голубевъ станетъ доказывать, что и въ библіотекѣ при Главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ могилинскія книги поступили непосредственно отъ самаго Петра Могилы до 1647 года?“

Нѣтъ, проф. Голубевъ такъ не думаетъ; а онъ полагаетъ *(и на это имѣетъ основаніе)*, что книги изъ старой Академической библіотеки, а въ томъ числѣ и *Могилинской*, могли улетучиваться путями разнообразными: не говоря уже о такъ называемомъ зачитываніи, были попытки извлекать ихъ отсюда, какъ и изъ другихъ кіевскихъ, въ особенности „не гораздо запертыхъ“ библіотекъ, путемъ обмѣна на книги новыя или просто посредствомъ выпрашиванія въ видѣ вознагражденія за тѣ или иныя услуги; ибо любители старины, въ частности любители старопечатныхъ книгъ, были *и въ то время* (т. е. до пожара 1780 года). Изъ такихъ завзятыхъ любителей намъ извѣстенъ *Григорій Андреевичъ Полѣтика*, бывшій довольно долгое время (1748—1764 г. г.) Синодальнымъ переводчикомъ. Онъ, оказывая разнообразныя услуги кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому (чрезъ него митрополитъ выписывалъ заграничныя—нѣмецкія и французскія—Вѣдомости и разныя книги), неоднократно просилъ его „о большой милости: *снабдѣвать* его, Полѣтику, всякаго званія старыми книгами, печатанными не токмо въ нашихъ Россійскихъ, но и заграничныхъ типографіяхъ“,—причемъ Полѣтика иногда указывалъ, полученіе какихъ книгъ ему было бы особенно пріятно. „Особливо—читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ митрополиту (отъ 24 марта 1758 г.),—особливо прошу нижайше Вашего Преосвященства приказать поискать, не сыщется ль книгъ, печатанныхъ въ типографіи шляхтича Ѳеодора Юрьевича Балабана на Хорохоринѣ, по смерти котораго Печерская Лавра ту типографію купила и у себя книги печатать начала“.

И мы знаемъ, что къ этимъ просьбамъ Полѣтики митрополитъ Арсеній Могилянскій относился *внимательно*.

Изъ тѣхъ же писемъ Полѣтики открывается, что, благодаря своеобразнымъ взглядамъ тогдашняго начальства на книжное академическое достояніе, изъ Академической библіотеки, и даже

Могилинской, могли исчезать (если вѣрно наше предположеніе,— о чемъ ниже) даже *такія драгоцѣнности*, каково „*оригинальное* Православное Исповѣданіе Петра Могилы“ (рукопись). Въ упомянутомъ письмѣ Полѣтики къ Арсенію Могилянскому, между прочимъ, читаемъ:

„Объ *оригинальномъ* преосвященнаго Петра Могилы Исповѣданіи, которое отецъ архимандритъ братскій Преосвященному Московскому Тимофею *подарилъ было*, и о которомъ Ваше Преосвященство приказали мнѣ, справившись увѣдомить, я осмѣлился Преосвященнаго московскаго спросить, *гдѣ оно дѣвалось?* Онъ изволилъ отвѣчать: я де надѣюсь, что при раздачѣ моихъ книгъ въ болѣзни отдалъ оное въ Братскую или въ Софѣйскую библіотеку; однако для лучшей достовѣрности велѣлъ справиться по реестру, въ которомъ я нашелъ, что та книжка ни въ одно ни въ другое мѣсто не отдана, а отдана питомцамъ Его Преосвященства, которыхъ всѣхъ, уповаю, отецъ архимандритъ братскій знаетъ“.—Далѣе идутъ рѣчи о необходимости розыскать это *оригинальное* Исповѣданіе Петра Могилы и отослать его для сохранности въ Святѣйшій Синодъ.

Разумѣется, не невозможно, что здѣсь подъ оригинальнымъ Исповѣданіемъ Петра Могилы разумѣется краткій катихизисъ Петра Могилы („Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры, изд. 1645 г. на польскомъ и русскомъ языкахъ)“. Но этотъ катихизисъ даже *теперь* не составляетъ большой библіографической рѣдкости и едва ли изъ-за него возникла бы такая переписка: обнаружена *такая тревога*... Притомъ извѣстно, что *подлинное* Православное Исповѣданіе Петра Могилы (отличное отъ напечатаннаго послѣ его кончины), подписанное митрополитомъ и тогдашними епископами (Пузиною, Гулевичемъ и Коссовымъ), скрѣпленное ихъ печатями, въ концѣ XVII в. въ Кіевѣ „обрѣталось“ („яже сама подлинная сія книжица у насъ обрѣтается“).

А можетъ быть, и *въ настоящее время* гдѣ либо сія, вниманія на себя необращающая „книжица“ (если не въ оригиналѣ, то хотя въ копіи) *обрѣтается?*—

Отцы и братіе! Обратите на сіе вниманіе. Великую услугу пишущему сіи строки, а главное нашей богословской наукѣ ока-

жетъ тотъ, кто только оповѣститъ о мѣстонахожденіи такой „книжицы“.

Но, разумѣется, наличность книгъ въ нашей Академической библіотекѣ съ явными признаками нахожденія ихъ въ ней до пожара 1780 года (притомъ наличность, въ извѣстность не приведенная и, слѣдовательно, при *теперешнихъ данныхъ* незначительная), не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ нашего мнѣнія, что нѣкоторая часть академическихъ книгъ во время пожара была спасена. Почему? Да по той простой причинѣ, что нѣкоторое число сихъ книгъ, безъ сомнѣнія, находилось на рукахъ наставниковъ, а вѣроятно и студентовъ,—каковыя книги и могли бы считаться небольшимъ остаткомъ отъ упомянутой библіотеки.

Наше мнѣніе по данному вопросу основывается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ современника, бывшаго (въ 1785—1789 гг.) воспитанника Кіевской Академіи И. Ѳ. Тимковскаго, записки котораго напечатаны неоднократно (въ *Москвитянинѣ* 1852 г., *Русскомъ Архивѣ* 1874 года, № 6, и *Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева*, 1874 г.).

Тимковскій же въ своихъ запискахъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Библіотека (Кіевской Академіи), въ огромности своей, накопленной отъ времени основателей многими взносами, помѣщалась прежде на монастырской трапезѣ; и отъ трапезы—*важнѣйшею частію* погорѣла. *Остатокъ ея, что спасено, разложенъ былъ по родамъ въ большой церкви монастыря, на широкихъ отъ стѣнъ до столбовъ хорахъ*. Тамъ мы имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать что могли и что позволено. Русскія книги скоро перебраны. Фоліанты Patres были не по мнѣ. Меня занимали—въ сборѣ древніе классики разныхъ изданій, Physica mirabilis, Philosophus in utramque partem, сокровище для диспутацій, Эразмова Encomium Moriae, похвала глупости, и подобныя“ и т. д.

Проф. Титовъ заявляетъ, что свидѣтельство Тимковскаго представляетъ „*небольшую цѣнность*“. Почему? Во-первыхъ, потому, что „проф. Голубевъ весьма неточно называетъ сего

Тимковскаго *современникомъ* событія 1780 года 29 февраля. И. Ѳ. Тимковскій поступилъ въ Академію Кіевскую въ 1785 году, т. е. чрезъ пять лѣтъ *послѣ означеннаго событія*". Во-вторыхъ, самое его свидѣтельство *объ остаткѣ* отъ Академической библіотеки, уцѣлѣвшемъ отъ пожара 29 февраля 1780 года, „*было записано имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ самаго событія*, очевидно, по памяти". „При такихъ условіяхъ И. Ѳ. Тимковскій" могъ принять за остатокъ отъ пожара то, что было собрано въ библіотекѣ *немедленно* послѣ пожара 1780 года"... Во всякомъ случаѣ,—заявляетъ проф. Титовъ,—свидѣтельству Тимковскаго слѣдуетъ предпочесть свидѣтельство очевидца событія 29 февраля 1780 года, т. е. ректора Кіевской Академіи архимандрита Кассіана Лехницкаго, представившаго митрополиту упомянутое донесеніе, гдѣ говорится, что библіотека и начальническія келліи *совсѣмъ погорѣли*.

На сіе позволю замѣтить слѣдующее:

1) Въ одной рецензіи на 1-й томъ моего Петра Могилы мнѣ сдѣлано было замѣчаніе, что я напрасно де утверждаю, будто митрополитъ Петръ Могила родился *21 декабря* (1596 года). Свѣдѣніе де объ этомъ заимствовано мною изъ позднѣйшаго панегирика *1645 года*.

Въ свое время на это замѣчаніе я отвѣчалъ такъ:

„Мы указываемъ на панегирикъ *не позднѣйшій,* а *современный*,—современный, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, что онъ писанъ въ годъ рожденія Петра Могилы, а въ томъ, что *писанъ во время его жизни и былъ ему преподнесенъ*. А вѣдь послѣднее обстоятельство дѣлаетъ цитуемое нами мѣсто (Illo die natus, quo suus obiit Patronus Petrus,—т. е. 21 декабря, день кончины московскаго митрополита св. Петра) столь же достовѣрнымъ, какъ если бы онъ писанъ былъ въ самый годъ и даже день рожденія Петра Могилы". (Для того, чтобы знать *день рожденія* какого-либо лица, нѣтъ надобности присутствовать при его рожденіи; достаточно знать, въ какой день это лице празднуетъ *свое рожденіе*).

Въ такомъ же смыслѣ я считаю *современнымъ* и упомянутое свидѣтельство Тимковскаго. Это значитъ не то, что Тимков-

скій присутствовалъ на пожарѣ 1780 года (время пребыванія его въ Академіи я отмѣчаю), спасалъ изъ библіотеки книги, разставлялъ ихъ на хорахъ въ большой церкви и т. п.; а то, что, поступивъ въ Академію вскорѣ (спустя пять лѣтъ) послѣ пожара, онъ—какъ видно изъ его словъ—*хорошо былъ освѣдомленъ* (и это вполнѣ естественно) *объ означенномъ пожарѣ и его послѣдствіяхъ*. Рѣчи Тимковскаго объ этомъ такъ ясны и опредѣленны, что сомнѣній не возбуждаютъ.

2) Предположеніе проф. Титова, что Тимковскій могъ принять за остатокъ Академической библіотеки книги, послѣ пожара собранныя, принадлежитъ къ числу такихъ предположеній, которыя говорятъ сами за себя и потому, безъ ущерба для дѣла, могутъ быть оставлены безъ разъясненій. Съ утвержденіемъ же проф. Титова, что „*во всякомъ случаѣ* свидѣтельству Тимковскаго должно быть предпочтено свидѣтельство ректора Акаденіи“,— я позволю себѣ не согласиться. Я предпочелъ бы свидѣтельство перваго, какъ ясное и опредѣленное, свидѣтельству второго даже въ томъ случаѣ, если бы и онъ (ректоръ) опредѣленно въ своемъ донесеніи заявлялъ, что изъ сгорѣвшей библіотеки книгъ *вовсе не было спасено*. Почему?—Да потому, что при двухъ противорѣчивыхъ показаніяхъ я, при имѣющихся данныхъ, отнесся бы къ показанію ректора Академіи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и для этого недовѣрія имѣлъ бы нѣкое основаніе. Основаніе это—общечеловѣческая слабость преувеличивать размѣры бѣдствія въ чаяніи получить наибольшее вспомоществованіе. А если бы мнѣ стали говорить: „да какъ вы смѣете? Да какъ вы на отца ректора?“ и т. п. Я бы, не тратя лишнихъ словъ, обратился къ своему рукописному архивчику и извлекъ оттуда наиболѣе подходящіе для уясненія дѣла документики. Такихъ документиковъ наберется достаточно. Самими же подходящими къ данному случаю я считаю два нижеслѣдующіе:

1) Челобитную государю (Петру Великому) архимандрита и братіи Кіево-Печерской Лавры съ просьбою о вспомоществованіи на возобновленіе сгорѣвшей въ 1718 году лаврской церкви (отъ 16 апрѣля 1719 года).

и 2) Донесеніе государю по поводу изысканія средствъ на означенное возобновленіе гетмана Ивана Скоропадскаго (отъ 5 декабря 1720 года).

Оба документа довольно обширны, въ особенности послѣдній. Мы извлекаемъ изъ нихъ только нужныя для нашей цѣли мѣста.

Кіево-печерскій архимандритъ съ братіею доносилъ государю: „Въ прошломъ 1718-мъ году обитель наша Свято-Печерская, зъ Божія допущенія, огнемъ скружнымъ *вся разорена зостала*, что внутрь и внѣ келлій и церкве *отъ мала до велика все выгорѣло:* церковь святая со всѣми утварми и иконнымъ украшеніемъ, съ рызницею и *всею казною денежною*, печатный домъ со всѣми книгами и инструментами типографскими, *библіотека и всемъ все*“ (погорѣло).

Въ февралѣ 1719 года гетманъ Скоропадскій, ходатайствуя предъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ о помощи Лаврѣ, тоже писалъ, что отъ означеннаго пожара „все зданіе монастырское *и що въ немъ было въ пепелъ обратилось*“. Но когда это и многія другія ходатайства о помощи Лаврѣ на возобновленіе монастырскихъ зданій, преимущественно великой церкви, увѣнчались успѣхомъ и воспослѣдовалъ царскій указъ, чтобы желанія Лавры были удовлетворены,—именно, изъ „казны Его Величества изъ Кіевской губерніи“ было выдано 5000 рублей и составлена смѣта, сколько еще потребуется денегъ на возобновленіе обители, „и то число денегъ“ (а ихъ по смѣтѣ оказалось нужно для возобновленія церкви и постройки колокольни *96144 рубля*,—т. е. около *двухъ милліоновъ* по теперешнему счету) предложено было гетману Скоропадскому собрать „з полковниковъ, старшины полковой, сотниковъ, старшины городовой и знатныхъ козаковъ, подъ Бунчукомъ служащихъ, кромѣ рядовыхъ козаковъ и посполства“,—то гетманъ Скоропадскій заговорилъ другимъ языкомъ.

Его иныя рѣчи мы и находимъ въ упомянутомъ обширномъ донесеніи государю. Здѣсь гетманъ, заявляя, что упомянутой громадной суммы собрать съ подвѣдомыхъ ему чиновъ никоимъ образомъ нельзя даже и десятой доли,—не безъ ядовитости прибавляетъ: „развѣ отецъ архимандритъ Печерскій на таковое собою вымишленное иждиведеніе (разумѣется громадность смѣты) къ

обновленію церкве и строенію колоколнѣ *денежного употребитъ имѣнія, которое не погорѣло, якъ отецъ архимандритъ з братіею удавалъ, але в цѣлости од пожару зосталось*, и (о чомъ многіе суть извѣстны) тамъ онаго *пріизлишне*" (далѣе перечисляются доходы Лавры и жертвы ея благотворителей).

Разумѣется, оба эти документа въ нарочитыхъ комментаріяхъ не нуждаются.

Предоставляю проф. Титову заняться изученіемъ законовъ Россійской имперіи съ цѣлію опредѣленія, какому наказанію долженъ быть подвергнутъ проф. Голубевъ за учиненное имъ преступленіе, т. е. приведеніе выдержекъ изъ поименованныхъ документовъ, и какимъ наименованіемъ изъ словаря Даля въ новѣйшемъ его изданіи должна быть заклеймена сія новая его пошлая выходка противъ Лавры.

Я же съ своей стороны позволю себѣ напомнить проф. Титову такое обстоятельство.

Въ теченіе трехъ лѣтъ (1896—1899 гг.) проф. Голубевъ, въ виду стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ и необходимости уплачивать хотя понемногу свои долги, живетъ въ мѣстечкѣ Фастовѣ, гдѣ жизнь гораздо дешевле Кіевской. Пріурочивъ свои академическія и университетскія лекціи къ двумъ днямъ подрядъ, онъ разъ въ недѣлю для ихъ чтенія пріѣзжаетъ въ богоспасаемый градъ Кіевъ. Гостепріимный кровъ предлагается ему нѣсколькими лицами, но онъ облюбовалъ мансарду своего пріятеля А. А. Дмитріевскаго, куда всегда и направлялъ свои стопы. И вотъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, какъ-то вскорѣ послѣ появленія въ печати вашихъ, проф. Титовъ, *Поправки и дополненія къ исторіи Кіевской Академіи*, онъ, т. е. проф. Голубевъ, встрѣчаетъ въ упомянутой мансардѣ васъ и въ бесѣдѣ относительно вашей статьи заявляетъ тоже, что заявлено имъ въ его „Объяснительныхъ параграфахъ". Какъ *тогда* отнеслись вы, проф. Титовъ, къ словамъ проф. Голубева—помните?—„Да и кто это можетъ предположить, чтобы въ исторіи Кіевской Академіи, трактующей о началѣ XVII вѣка, приводились документы конца XVIII вѣка? Да и кто это"... и т. д.

Такъ зачѣмъ же вы, проф. Титовъ, *теперъ-то* надѣваете на себя личину лицемѣрія и упражняетесь предъ почтеннѣйшею публикою въ схоластическихъ словопреніяхъ?

Не есть преступленіе допустить ошибку, сдѣлать промахъ. Всего не доглядишь, всего не усмотришь. Кто ничего не дѣлаетъ, тотъ и не ошибается. Разумѣется, ошибка ошибкѣ рознь. Не помню кто-то сказалъ, кажется Лермонтовъ, что иной ошибется, сказавъ, что 2×2=5; а другой можетъ громогласно прокричать, что 2×2=стеариновая свѣчка. Но, повторяю, ошибаться не преступно; *преступно*, убѣдившись въ ошибкѣ, отстаивать ее; *преступно дѣлать фальшивыя ассигнаціи и выпускать ихъ въ свѣтъ подъ видомъ настоящихъ.*

Статья ваша, проф. Титовъ, есть безпримѣрное явленіе въ нашемъ академическомъ журналѣ, разумѣется, первѣе всего по тону и брани, *грязнящихъ* сей журналъ; но она, независимо отъ этого, есть *выдающееся явленіе* и по своему содержанію. Я могу допустить, что кое-что въ моихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ выше вашего пониманія и, слѣд., вы кое-чего въ нихъ недоразумѣваете,—но въ большинствѣ случаевъ статья ваша отъ начала до конца *есть служеніе не Богу—исторической Истинѣ, а преклоненіе передъ Вельзевуломъ.*

Здѣсь, передъ обозрѣніемъ послѣдней части статьи проф. Титова, гдѣ—какъ сейчасъ увидимъ—оба указанныя качества оной (тонъ и содержаніе) достигаютъ кульминаціоннаго пункта,—благовременно поставить вопросъ и прежде частенько приходившій мнѣ въ голову: „можетъ-ли истинный служитель науки, любящій истину (въ данномъ случаѣ историческую) превыше всего, всемѣрно стремящійся къ достиженію ея,—можетъ-ли такой служитель, въ общественной жизни быть человѣкомъ нехорошимъ, человѣкомъ *нечестнымъ?*—Такой вопросъ по отношенію къ людямъ высшаго полета, *особеннымъ избранникамъ*, поставленъ былъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ въ его произведеніи „Моцартъ и Сальери“.

...Геній и злодѣйство—говоритъ Моцартъ—
Двѣ вещи несовмѣстныя“.

Сальери, только что бросившій ядъ въ стаканъ Моцарта, размышляетъ:

„Ты заснешь
Надолго Моцартъ!... Но ужель онъ правъ,
И я—не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?... Или это сказка
Пустой безсмысленной толпы,—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?“

Личное мое мнѣніе по данному вопросу таково.

Общимъ правиломъ (я имѣю въ виду профессоровъ) должно быть признано, что *истинные* жрецы науки, совершающіе свое святое служеніе *въ чистомъ* одѣяніи, *съ чистыми* руками, таковыми же пребываютъ и въ жизни частной, общественной. Понятное дѣло, въ данномъ случаѣ я отнюдь не имѣю въ виду грѣхи, такъ сказать, общечеловѣческіе, *лично* каждаго касающіеся и за которые каждый, уповая на милосердіе Божіе, въ свое время предъ престоломъ Всевышняго повиненъ дать отвѣтъ: *ибо кто чистъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житія его на землѣ.* Я разумѣю... я разумѣю (возьмемъ маленькій примѣръ), что такой жрецъ науки ни въ коемъ случаѣ не всунетъ везущему его во мракѣ ночномъ возницѣ *фальшиваго двугривеннаго.* По сему примѣру, далеко расширяя горизонты во всѣ стороны, должно разумѣвать и о прочемъ.—Таково, говорю, общее правило. Но полагаю, что исключенія изъ сего правила,—хотя бы очень рѣдкія, какъ случаи болѣзненные,—возможны.—Какое такимъ исключеніямъ можетъ быть подъискано объясненіе?—Не иное, что при входѣ въ святилище научное жрецъ находится подъ вліяніемъ глаголовъ божественныхъ—*глаголовъ истины*, а по сему съ благоговеніемъ совершаетъ свое священное служеніе. Окончилось оно—и привычки больной воли могутъ иногда взять перевѣсъ надъ облагораживающимъ душу человѣческую вліяніемъ совершеннаго священнодѣйствія.

Поставимъ вопросъ въ иной формѣ: возможно ли, чтобы жрецъ, вступая во святилище въ одѣяніи запятнаномъ, съ помыслами нечистыми, съ руками загрязненными, съ мольбою, обра-

щенною не къ Богу—исторической Истинѣ, а къ Вельзевулу и преклоняющій предъ нимъ только колѣна,—возможно-ли, чтобы такой жрецъ въ жизни общественной являлъ изъ себя образецъ чистоты? —Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный, притомъ *не допускающій исключеній*. Ибо невозможное есть невозможное.

Послѣ этихъ разсужденій характера общаго приступаемъ къ главнѣйшей части разсматриваемаго нами произведенія проф. Титова,—той части, которой авторъ придаетъ особенное значеніе, ибо здѣсь—по его словамъ—*собака-то и зарыта*.

IX.

Для лучшаго выясненія дѣла, о которомъ предстоитъ трактація, считаемъ нужнымъ привести большую выдержку изъ обвинительнаго акта, предъявленнаго мнѣ профессоромъ Титовымъ по вопросу *о зарытой собакѣ*.

Актъ сей начинается нижеслѣдующими разсужденіями (курсивъ всюду проф. Титова):

„Грубою и безпринципною лживостью всецѣло проникнуто „новѣйшее“ произведеніе—*сказка* профессора Голубева. Не ограничившись совершенно буффонадною выходкою по поводу моихъ замѣчаній о старо-печатныхъ книгахъ Львовской братской типографіи и о пожарѣ академической библіотеки 29 февраля 1780 года, профессоръ Голубевъ въ концѣ своей статьи-сказки переходитъ къ опроверженію *имъ самимъ созданныхъ и совершенно ложно имъ приписанныхъ мнѣ сужденій и мнѣній*. Разумѣемъ въ высшей степени странныя и преисполненныя глубочайшаго невѣжества разсужденія автора о *моихъ несуществующихъ трудахъ и теоріяхъ по вопросу о происхожденіи Кіево-Печерской типографіи и о началѣ книгопечатанія въ ней*. Но da liegt der Hund begraben, какъ говорятъ нѣмцы. Попытаемся разъяснить лукаво сплетенную ложь профессора Голубева.

Профессоръ Голубевъ приписываетъ мнѣ ни болѣе ни менѣе какъ утвержденіе, что *трехсотлѣтній юбилей* Кіево-Печерской типографіи долженъ быть отразднованъ Лаврою, въ ближайшемъ будущемъ, *въ самомъ непродолжительномъ времени* (въ 1908

или даже 1907 г.г.). На чемъ же основывался профессоръ Голубевъ, приписывая мнѣ подобное *нелѣпое* утвержденіе? Послушаемъ лучше всего его самого.

„Въ прошломъ году", пишетъ профессоръ Голубевъ въ своей *статьѣ—сказкѣ*, „въ мѣстной газетѣ „Кіевлянинъ" было оповѣщено о работахъ профессора Титова по составленію исторіи Кіево-Печерской типографіи, причемъ заявлено, что трудъ этотъ готовится къ предстоящему *трехсотлѣтнему* юбилею означенной типографіи, *имѣющему быть въ самомъ непродолжительномъ времени* (въ 1908 или даже въ 1907 г.г.). Оповѣщеніе это (о предстоящемъ въ *скоромъ* времени празднованіи означеннаго юбилея) не вызвало опроверженія ни со стороны Лавры, ни со стороны профессора Титова" (стр. 539—540, курсивы вездѣ профессора Голубева).

Итакъ, ссылаясь на газету „Кіевлянинъ", профессоръ Голубевъ высказываетъ слѣдующія положенія: 1) трехсотлѣтній юбилей Кіево-Печерской лаврской типографіи имѣетъ будто бы *праздноваться Лаврою въ самомъ непродолжительномъ времени* (въ 1908 или даже въ 1907 г.г.) и 2) *къ этому именно юбилею* мною, будто бы, готовится трудъ по исторіи Кіево-Печерской типографіи.

Прочитавъ статью профессора Голубева, я на первыхъ порахъ нисколько не усумнился въ томъ, что въ газетѣ „Кіевлянинъ" могли быть „оповѣщены" міру, по выраженію профессора Голубева, подобныя свѣдѣнія. Правда, профессоръ Голубевъ предусмотрительно, но крайне наивно оговаривается, что сообщенныя газетою „Кіевлянинъ" свѣдѣнія не были опровергнуты ни Лаврою, ни мною. Но кому же не извѣстно, сколько въ послѣднее время въ газетахъ (не „Кіевлянинѣ") появляется всякихъ ложныхъ свѣдѣній и, въ частности, сколько въ печати извѣстнаго лагеря сообщалось самыхъ невѣроятныхъ и возмутительныхъ свѣдѣній касавшихся Кіево-Печерской Лавры и, между прочимъ, Кіево-Печерской Лаврской типографіи? И никому, разумѣется, за исключеніемъ, быть можетъ, профессора Голубева, не приходила въ голову нелѣпая мысль придавать какое-либо вѣроятіе подобнымъ лживымъ свѣдѣніямъ на томъ единственномъ основаніи, что *эти свѣдѣнія не всегда опровергались*.

Но такъ я разсуждалъ до тѣхъ поръ, пока не провѣрилъ того источника, на какой ссылается профессоръ Голубевъ. Я

имѣлъ терпѣніе просмотрѣть „Кіевлянинъ“ за послѣдніе годы и нашелъ одну замѣтку, какую, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду профессоръ Голубевъ, сочиняя свою *небылицу*. Оказывается, что въ этой замѣткѣ, нечуждой существенныхъ погрѣшностей, *нѣтъ ничего того, что сочинилъ профессоръ Голубевъ*. Для бо́льшей очевидностивости привожу эту замѣтку въ буквальномъ видѣ:

„*Трехсотлѣтіе типографіи Кіево-Печерской Лавры*. Въ будущемъ *1906 году* исполнится 300 лѣтъ со времени учрежденія Кіево-Печерской типографіи. Типографія эта въ теченіе всего своего трехвѣковаго существованія служила въ самой широкой степени дѣлу просвѣщенія не только всего русскаго народа но и всего вообще христіанскаго міра, являясь въ этомъ отношеніи однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ Кіево-Печерской обители, этого столпа русской народности и православія. Вообще Кіево-Печерская типографія—одно изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій въ исторіи культурнаго развитія Россіи. Пройти такой юбилей ничѣмъ не отмѣченнымъ не могъ. Вотъ почему духовный соборъ Кіево-Печерской Лавры, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, рѣшилъ *ознаменовать* предстоящій юбилей своей типографіи изданіемъ обстоятельной, научной исторіи ея. Составленіе этой исторіи духовный соборъ поручилъ профессору Кіевской Духовной Академіи протоіерею Ѳ. И. Титову... Небезынтересно будетъ бросить бѣглый взглядъ на 300-лѣтнюю исторію типографіи. Типографія была учреждена архимандритомъ Лавры Елисеемъ Плетенецкимъ. *Печатаніе книгъ въ ней началось въ 1606 году. Первая печатная работа типографіи была акафистъ Успенію Божіей Матери*“... и т. д.

Повторяю, что съ нѣкоторыми свѣдѣніями и датами, сообщенными въ этой замѣткѣ и выраженными въ ней слишкомъ *аподиктически*, я не могу согласиться вполнѣ; хотя другія свѣдѣнія ея, повидимому, до буквальности совпадаютъ съ моею оффиціальною запискою, которая была въ свое время представлена мною Духовному собору Лавры и о которой будетъ рѣчь нѣсколько ниже. А теперь остановимся на приведенной нами сейчасъ газетной замѣткѣ. Авторъ ея, 1) категорически и со ссылкою на *конкретный фактъ* пріурочиваетъ исполненіе 300-лѣтняго юбилея Лаврской типографіи *(но не празднованіе сего юбилея)* къ *1906*

году, и 2) сообщаетъ совершенно вѣрную мысль о томъ, что Лавра намѣрена *ознаменовать* предстоящій 300-лѣтній юбилей своей типографіи изданіемъ ея исторіи, составленіе которой поручено мнѣ. И вотъ эту замѣтку газетную профессоръ Голубевъ *совершенно извратилъ и фальсифицировалъ*, когда написалъ буквально слѣдующее: „*Трудъ этотъ* (т. е. составляемая мною нынѣ и далеко еще не законченная исторія Кіево-Печерской типографіи) *готовится къ предстоящему трехсотлѣтнему юбилею означенной типографіи, имѣющему быть въ самомъ непродолжительномъ времени (въ 1908 или даже 1907 гг)*“. Разумѣется, *лгать* не возбраняется никому; но зачѣмъ же *свою ложь* авторизовать газетными замѣтками, притомъ *совершенно извращаемыми и фальсифицируемыми?*

Цѣль своего, крайне страннаго чтобы не сказать болѣе, экскурса въ область моихъ еще ненапечатанныхъ трудовъ, профессоръ Голубевъ объясняетъ благочестивымъ желаніемъ своимъ „предостеречь Лавру“ отъ „вытекающихъ изъ нихъ, но фактами не оправдываемыхъ послѣдствій“, ибо, говоритъ онъ, „*такое высокочтимое учрежденіе, какъ Кіево-Печерская Лавра не должно быть поставлено въ смѣшное положеніе*“ (курсивъ профессора Голубева см. его статьи, стр. 539—540).

Въ этихъ словахъ профессора Голубева о благочестивомъ желаніи его предостеречь Кіево-Печерскую Лавру отъ послѣдствій моихъ изслѣдованій содержится не просто только ложь, но *уже и гнусная и недостойная честнаго полемиста инсинуація.* Своими сужденіями по вопросу о времени происхожденія Кіево-Печерской типографіи и о началѣ книгопечатанія въ ней я отнюдь не желалъ и *не могъ* поставить Лавру въ смѣшное положеніе, какъ выражается профессоръ Голубевъ, ибо я всегда держался точныхъ фактовъ, которыхъ не имѣю обыкновенія изукрашивать и тѣмъ болѣе извращать. Вотъ что я писалъ въ оффиціальной запискѣ, на запросъ Духовнаго собора Кіево-Печерской Лавры отъ 23 сентября 1904 года, съ предложеніемъ мнѣ „принять на себя трудъ по составленію къ предстоящему юбилею Лаврской типографіи обстоятельной научной исторіи ея“:

„Вопросъ о началѣ типографіи лаврской мною доселѣ нерѣшенъ въ категорической формѣ. Принятымъ сейчасъ въ наукѣ почитается мнѣніе м. Евгенія Болховитинова о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской Лаврѣ съ 1616 г. Въ самое

послѣднее время, какъ извѣстно и духовному собору, найдены въ лаврскомъ архивѣ, повидимому, ясныя свидѣтельства о началѣ книгопечатанія въ Лаврѣ съ 1606 г. Означенныя свидѣтельства сейчасъ мною провѣряются и освѣщаются научно критически“ (см. арх. Кіево-Печерской Лавры за 1904 г. дѣло (типографское) № 659 л. л. 5 об.—6. Записка была представлена мною 6 февраля 1905 г.).

Гдѣ же въ приведенныхъ словахъ можетъ быть усмотрѣнъ непредубѣжденнымъ глазомъ хоть намекъ на попытку поставить Лавру въ смѣшное положеніе, при томъ Лавру, которая, въ лицѣ своего намѣстника, иниціатора вопроса объ ознаменованіи предстоящаго юбилея типографіи составленіемъ ея исторіи, гораздо лучше освѣдомлена объ этомъ, чѣмъ профессоръ Голубевъ (см. предложеніе о. намѣстника духовному собору 16 сентября 1904 г. въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры 1904 г. дѣло (типографское) № 659 л.1)?

Удивительно, какъ профессоръ Голубевъ любитъ *свои собственныя мысли и намѣренія* навязывать другимъ! Маскируясь на стр. 540 своей *статьи-сказки* въ тогу благочестиваго охранителя чести Лавры, онъ на стр. 526 той же своей *статьи-сказки* позволяетъ себѣ пошлую выходку по адресу Лавры (далѣе слѣдуетъ указаніе на извѣстную уже читателямъ мою пошлую выходку противъ Лавры)“.

Изъ дальнѣйшихъ рѣчей проф. Титова по данному вопросу отмѣтимъ еще нижеслѣдующее его заявленіе:

„Нисколько неудивительно, читатель, если проф, Голубевъ обнаруживши полное свое невѣжество въ вопросѣ, за рѣшеніе котораго онъ взялся (о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской Лаврѣ) чъ чисто хлестаковскимъ апломбомъ, посылаетъ свое требованіе Кіево-Печерской Лаврѣ: *„трехсотлѣтній* юбилей своей типографіи она (Лавра) можетъ и *должна* (курсивъ профессора Голубева) праздновать только *въ концѣ 1916 года* почти одновременно съ трехсотлѣтнимъ юбилеемъ нашей Академіи)“.—Удивительно только то, какъ онъ забылъ при этомъ упомянуть о тридцати тысячахъ курьеровъ, которые должны передать приведенный императивъ профессора Голубева Кіево-Печерской Лаврѣ относительно празднованія 300-лѣтняго юбилея ея типографіи *въ концѣ 1916 года.* И какую *новинку* для Лавры хотѣлъ сказать

при этомъ профессоръ Голубевъ, буквально повторяя мнѣніе м. Евгенія Болховитинова?“.

Изъ сего обвинительнаго акта вытекаетъ, хотя прямо не высказанная, но достаточно явственная мысль, что весь сыръ боръ загорѣлся, т. е. что профессоръ Голубевъ написалъ свои „Объяснительные параграфы“ изъ-за обиды, нанесенной ему Кіево-Печерскою Лаврою, которая, желая ознаменовать трехсотлѣтній юбилей своей типографіи изданіемъ обстоятельной научной исторіи ея, составленіе этой исторіи поручило проф. Титову. И вотъ проф. Голубевъ, исполненный за сіе „непримиримой злобы“ къ проф. Титову (выраженіе сего послѣдняго) пишетъ противъ него „*quasi - ученый пасквиль*“, желая въ глазахъ ученаго міра и въ частности Лавры подорвать высокій авторитетъ сего профессора. А такъ какъ проф. Голубевъ по вопросу, касающемуся типографіи Кіево-Печерской Лавры, сущій невѣжда (есть человѣкъ „обнаруживший полное невѣжество“), то онъ могъ дѣйствовать въ данномъ направленіи, т. е., могъ накинуть нѣкую тѣнь на проф. Титова, только прибѣгнувъ „къ грубой безпринципной лживости“, пустивъ въ ходъ „буффонадныя выходки“, „преисполненыя глубочайшаго невѣжества разсужденія“ и даже „гнусныя инсинуаціи“.—

Что на сіе сказать?

Побесѣдую сначала съ вами, достопочтенные отцы, составляющіе духовный соборъ святыя Кіево-Печерскія Лавры, а затѣмъ уже съ проф. Титовымъ.

Я, достопочтенные отцы, человѣкъ прямой, безхитростный. Поэтому буду говорить съ вами откровенно. Буду говорить какъ думаю. Возможно, что за свои рѣчи я подвергнусь упрекамъ въ гордыни, заносчивости и т. п. Но тѣмъ не менѣе, въ виду предъявленныхъ ко мнѣ обвиненій, я отнюдь не намѣренъ надѣвать на себя личины ложнаго смиренномудрія.

Вы, достопочтенные отцы, въ библіографіи люди малосвѣдующіе, и винить васъ за это нельзя. Не ваше это дѣло: ваше дѣло—молитвы за насъ грѣшныхъ. Зная, что въ ряду весьма

важныхъ, незабвенныхъ услугъ, оказанныхъ вашею Кіево-Печерскою обителію Церкви и Отечеству, православію и русскому народу, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ ея типографіи,— вы, достопочтенные отцы, возъимѣли благое намѣреніе ознаменовать, приближающееся трехсотлѣтіе вашей типографіи соотвѣтствующимъ предстоящему событію учено-литературнымъ трудомъ. Намѣреніе въ высшей степени хорошее. Честь и хвала вамъ, ревнителямъ славы своей святой обители!

Съ предложеніемъ взять на себя такой большой и очень отвѣтственный трудъ вы ко мнѣ не обратились, и этимъ, какъ ясно даетъ понять проф. Титовъ, якобы нанесли мнѣ обиду, за что я къ сему профессору, означенный трудъ на себя взявшему, воспылалъ непримиримою злобою.

На сіе скажу вамъ, достопочтенные отцы, слѣдующее.

Если бы вы и обратились ко мнѣ, въ особенности въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, съ указаннымъ предложеніемъ, я, несмотря на свое *высочайшее уваженіе* къ Вашей знаменитой обители, вынужденъ былъ бы отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ.

Почему?

Да потому, что у меня много работъ начатыхъ, но еще неоконченныхъ.

Въ то время у меня была далека отъ вожделеннаго конца большая и серьезная работа—исторія Кіево-Выдубецкаго монастыря,—работа *по различнымъ причинамъ* очень долго затянувшаяся, и окончить которую первѣе другихъ большихъ трудовъ я считалъ и считаю своимъ не только ученымъ, *но и нравственнымъ долгомъ* [1]).

---

[1]) „*По разнымъ причинамъ*“, „*нравственный долгъ*“.

Не *по той причинѣ,* какъ „повѣствуютъ нѣцыи“, что проф. Голубевъ заполучилъ *всю плату* за трудъ и потому его забросилъ. Проф. Голубевъ получилъ 300 руб., а истратилъ своихъ денегъ при этой работѣ свыше 700 руб. *Не въ деньгахъ тутъ сила.*

„*Нравственный долгъ*“. Нужно знать, во 1-хъ, съ какимъ „долготерпѣніемъ“, омрачаемымъ грустію, ждетъ о. настоятель Выдубиц-

Затѣмъ у меня давно законченъ печатаніемъ большой томъ Архива Юго-Зап. Россіи, заключающій въ себѣ памятники литературной полемики православныхъ съ латино-уніатами и протестантами. Нужно предисловіе (изслѣдованіе), а оно у меня задумано въ размѣрахъ широкихъ,

Далѣе, постоянно ведется серьезная и въ высшей степени отвѣтственная работа по приготовленію къ изданію памятниковъ, относящихся къ исторіи нашей Almae Matris. Благодаря тѣмъ воззрѣніямъ на изданіе актовъ, которыя у меня сложились (о чемъ скажу ниже), работа эта является очень сложною, требующею большого вниманія и труда.

Къ этому если я присовокуплю, что главнѣйшій изъ моихъ ученыхъ трудовъ—изслѣдованіе о Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ—еще не законченъ (3-й томъ предполагаю выпустить одновременно со *вторымъ*, исправленнымъ и дополненнымъ, изданіемъ 1-го и 2-го тт.), что я не могу иногда не отвлекаться случайными небольшими работами или motu proprio, или благодаря почетнымъ порученіямъ отъ Императорской Академіи Наукъ и другихъ ученыхъ обществъ, что я состою профессоромъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, что—наконецъ—есмь человѣкъ, притомъ надѣленный отъ Господа характеромъ жизнерадостнымъ и, слѣдовательно, ничто человѣческое мнѣ нечуждо,—то, принимая во вниманіе все сіе, могъ-ли я взять на себя работу *въ высшей степени сложную и отвѣтственную* (какъ *я понимаю* это дѣло)?—

Разумѣется, нѣтъ.—Проникнутый *высокимъ почитаніемъ* къ вашей, достоуважаемые отцы, святой обители, я могъ въ то

каго монастыря архимандритъ Евлогій осуществленія своего *завѣтнаго желанія* имѣть въ рукахъ научную исторію своего монастыря; и во 2-хъ, нужно быть знакомымъ съ личностью сего о. Евлогія, человѣка *воистину*, скептиковъ мирящаго съ монашествомъ (для чуткихъ къ вопросамъ религіозно-нравственныхъ кіевлянъ это понятно),—чтобы уразумѣть выраженіе—*нравственный долгъ*.

время предложить вамъ и, безъ сомнѣнія, предложилъ бы одно—*руководство* работами относительно предположеннаго вами великаго дѣла,—что́ времени потребовало бы отъ меня *немного*, а польза отъ сего была бы *большая*. Ибо хотя проф. Титовъ и утверждаетъ, что я въ области нашей старопечати круглый невѣжда, но вы ему не вѣрьте, ибо это человѣкъ, *незаслуживающій никакого довѣрія*. Его утвержденія находятся въ противорѣчіи съ многочисленными фактами. Факты же эти суть нижеслѣдующіе.

Еще въ 1871 году, слѣдовательно когда проф. Титовъ, уповательно, бѣгалъ въ родныхъ палестинахъ по улицамъ „безъ оныхъ“, проф. Голубевъ—въ то время студентъ II курса Кіевской духовной Академіи—съ конца августа означеннаго года почти ежедневно посѣщалъ вашу, достопочтенные отцы, святую обитель и въ келіи добраго отца библіотекаря проводилъ многіе часы, разсматривая книжныя сокровища вашей библіотеки. Результатомъ этихъ работъ молодого студента было сочиненіе: „Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ въ произведеніяхъ южнорусскихъ писателей XVI—XVII столѣтій“. Сочиненіе это рецензировалъ проф. Ф. А. Терновскій, который отозвался о немъ съ великою похвалою. Онъ писалъ, что сочиненіе это „свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора, ясности и силѣ его мысли, умѣньи схватить существенные стороны вопроса и изложить сухой предметъ живо и занимательно“. Сочиненіе это, по постановленію Совѣта Академіи, напечатано въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. за 1872 годъ (октябрь), и автору его, т. е. мнѣ, присуждена была Евгеніе-Румянцевская премія. Въ слѣдующемъ 1873 году симъ же студентомъ Голубевымъ напечатанъ былъ въ Кіев. Епар. Вѣдомостяхъ документъ, касающійся типографской дѣятельности (не разъ въ сей статьѣ упоминаемаго) Михаила Слёзки, съ соотвѣтствующимъ содержанію документа предисловіемъ. Въ этомъ же году имъ написано было, тоже требовавшее значительнаго знакомства съ старопечатными книгами, кандидатское сочиненіе: „Петръ Могила и Исаія Копинскій“. Сочиненіе это напечатано было въ *Православномъ Обозрѣніи*“ за 1874 годъ (№№ 2 и 3). Высокопреосвященный Макарій, въ то время ревизовавшій нашу

Almam Matrem, обратилъ вниманіе на это сочиненіе и выдѣлилъ его изъ ряда другихъ, заявивъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ въ Св. Синодъ, что оно составляетъ „*вкладъ въ науку*“. Тогдашній оберъ-прокуроръ Синода графъ Толстой, читавшій означенный отзывъ, начерталъ на поляхъ противъ упомянутаго мѣста: *гдѣ онъ?* т. е., гдѣ находится въ данное время сей Голубевъ? А онъ находился тогда въ своей же родной Академіи, гдѣ въ качествѣ приватъ-доцента читая лекціи по исторіи западнорусской церкви, продолжалъ занятія по изученію старопечати: въ 1874 году напечаталъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ *Иросфонимy*—панегиринъ, поднесенный Львовскимъ братствомъ въ 1591 году митрополиту Михаилу Рагозѣ, во вступительной статьѣ объяснивъ значеніе сего панегирика, и *Exegesis* С. Коссова, снабдивъ его русскимъ переводомъ; а въ началѣ 1876 года въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи (№№ 1—2), помѣстилъ „Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ преимущественно конца XVI и XVII столѣтій“. Трудъ этотъ встрѣченъ былъ въ литературѣ благосклонно и даже такой скупой на похвалы ученый, какимъ былъ покойный А. А. Котляревскій, печатно, съ обычнымъ своимъ лаконизмомъ, сказалъ о немъ доброе слово, а автору не только подарилъ свои произведенія съ надписью—*хорошему человѣку*—, но даже двѣ цѣнныя библіографическія рѣдкости. Въ этомъ трудѣ обнаружились основныя черты характера пишущаго сіи строки: *отвращеніе отъ лакейства какъ въ жизни общественной, такъ и въ учено-литературныхъ трудахъ.* Ибо сколь ни близокъ былъ моему сердцу дорогой мой наставникъ проф. И. И. Малышевскій, какъ ни былъ я премного обязанъ ему—своему второму отцу—и посему какъ ни глубоко чтилъ его,—тѣмъ не менѣе, когда я усмотрѣлъ, что въ напечатанной имъ въ 1875 году статьѣ: „Новый рукописный сборникъ западно-русскихъ полемическихъ сочиненій“ (Труды Кіев. Дух. Акад. т. II, стр. 193 и слѣд.) встрѣчаются по мѣстамъ предположенія, не оправдываемыя фактами, и умозаключенія сомнительныя (И. И. Малышевскій полагалъ, что сочиненіе „О пресвятой Тройцѣ і о иныхъ артыкулахъ вѣры единое правдивое церкве Христовой“ не было извѣст-

но, считалъ его памятникомъ *новооткрытымъ* и относилъ составленіе приблизительно къ 1618—1620 гг.) я, ничтоже сумняся, недоразумѣнія своего наставника разъяснилъ (именно, указалъ, что сочиненіе „Объ образѣхъ“ было издано, притомъ нѣсколько разъ съ тѣми или другими измѣненіями, и составленіе его должно быть относимо къ самымъ начальнымъ годамъ XVII столѣтія). Разумѣется, за сіе я никакимъ укоризнамъ отъ своего любимаго наставника не подвергся и въ теченіе всей жизни онъ пребывалъ моимъ *защитникомъ и покровителемъ*; ибо это былъ *человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и истинный служитель науки*...

А затѣмъ?

А затѣмъ, занимаясь изученіемъ исторіи западно-русской церкви, проф. Голубевъ считалъ старопечатныя книги однимъ *изъ важнѣйшихъ* источниковъ для уясненія сей исторіи,—что̀ въ одной изъ рецензій на одну хорошую книгу, изъяснено имъ въ нижеслѣдующихъ словахъ:

„Задача писателя, избравшаго предметомъ своего изслѣдованія мало разработанное историческое прошлое западно-русскихъ школъ конца XVI и начала XVII столѣтій (рецензія писана на сочиненіе, посвященное сему предмету) состоитъ въ *самомъ широкомъ ознакомленіи съ первоисточниками*, имѣющими то или иное отношеніе къ изслѣдуемому предмету“,—причемъ относительно старопечатныхъ изданій, *какъ первоисточника*, проф. Голубевымъ заявлено было, что на изслѣдователя (по вопросу о западно-русскихъ школахъ) возлагается обязанность ознакомиться съ старопечатными изданіями за изслѣдуемое время, и ознакомленіе это должно быть *самое широкое*: оно не должно ограничиться просмотромъ учебниковъ, учебныхъ пособій, книжекъ педагогическаго содержанія, но должно охватывать всю тоговременную, количественно богатую, литературу, какъ-то: полемическія сочиненія, панегирики, проповѣди, надгробныя рѣчи и т. п., такъ какъ въ нѣкоторыхъ подобныхъ, иногда весьма малыхъ по объему произведеніяхъ заключаются цѣнныя, а иногда и *драгоцѣнныя* свѣдѣнія по означенному вопросу; мало того, весьма важно просмотрѣть даже книги церковно-богослужебныя (апостолы, окто-

ихи, тріоди т. п.) и притомъ просмотрѣть возможно большее количество экземпляровъ *одного и того же изданія*, потому что къ подобнымъ книгамъ присоединялись весьма часто предисловія и, такъ называемыя, посвятительныя „предмовы“, причемъ послѣднія, какъ помѣщаемыя въ цѣляхъ снискать расположеніе („ласку“) того или иного магната, не во всѣхъ экземплярахъ были тождественны (одно и то же изданіе имѣло иногда три различныхъ посвятительныхъ предмовы). Нѣкоторыя изъ этихъ придаточныхъ къ богослужебнымъ книгамъ произведеній тоже заключаютъ въ себѣ важныя историческія свѣдѣнія, притомъ нерѣдко имѣющія прямое отношеніе къ тогдашнему ученому и учащемуся персоналу“ и т. д.

Разумѣется, въ данномъ случаѣ проф. Голубевъ высказывалъ desiderata, такъ сказать, *идеальныя*.—Идеалы же, какъ извѣстно, недостижимы: къ нимъ можно только до извѣстной степени приближаться, и степени этого приближенія бываютъ различныя. Тѣмъ не менѣе самъ онъ всегда ставилъ своею задачею *возможно близкое* приближеніе къ указанному идеалу. И заботы его въ этомъ направленіи были далеко не тщетны: очень многіе пробѣлы въ нашей церковно-исторической литературѣ восполнены и многія ошибочныя мнѣнія въ области исторіи западно-русской церкви устранены именно благодаря *внимательному* изученію проф. Голубевымъ нашихъ старопечатныхъ изданій. Что же касается до его *старательности* въ этомъ отношеніи, то яркимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что нѣкоторыя изъ важныхъ для его цѣли старопечатныхъ изданій изучены имъ, можно сказать, *дословно*: напр., тщательно отмѣчены варіанты второго изданія; если сочиненіе было переведено съ южно-русскаго языка на другіе—польскій и славянскій—отмѣчены всѣ наимельчайшія отличія сихъ переводовъ и т. д. и т. д. (см. приложенія къ изслѣдованію о Петрѣ Могилѣ). Ему, благодаря этой старательности, удавалось указывать въ одномъ и томъ же изданіи вставочные (перепечатанные) листы, указывать и на случайно сброшюрованные листы, задержанные при печатаніи (sic!) и т. п.

Изученіе проф. Голубевымъ нашей старопечати не ограничивалось предѣлами, указываемыми главнымъ трудомъ его жизни—

эпохою митрополита Петра Могилы, но далеко простиралось за эти предѣлы притомъ въ обѣ стороны. У него есть и статейка „О первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г.“ (Труды Кіев. Дух. Акад. 1884 г., № 2); сдѣланы многочисленныя указанія и о старопечатныхъ изданіяхъ второй половины XVII и XVIII столѣтій; есть, свидѣтельствующія о внимательномъ изученіи, замѣчанія о старопечатныхъ книгахъ второй половины XVII столѣтія (см. напр., „Отзывъ о сочиненіи В. О. Эйнгорна: Очерки изъ исторіи Малороссіи. Спб. 1902 г,, стр, 46 и *въ особенности 48*). Да и самые „Объяснительные параграфы“, помѣщенные въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Кіев. Дух. Акад., не заключаютъ-ли въ себѣ изслѣдованій о старопечатныхъ книгахъ XVII и XVIII столѣтій?

Полагаю, что приведенные факты находятся какъ бы въ нѣкоемъ противорѣчіи съ утвержденіемъ проф. Титова о полномъ невѣжествѣ проф. Голубева съ области церковно-славянской библіографіи. Не такъ-ли, достопочтенные отцы—духовный соборъ святыя Кіево-Печерскія Лавры?—А если вамъ нужно по данному вопросу еще свидѣтельство отъ внѣшнихъ, то вы устремите взоры свои вдаль (ибо нѣсть пріятенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ) въ богоспасаемый градъ Казань. Во градѣ семъ доднесь пребываетъ на жительствѣ бывшій профессоръ Казанской Духовной Академіи П. В. Знаменскій, мужъ вельми знаменитый, разума высокаго, пониманія глубокаго, на нивѣ отмежеванной подъ Россійскую церковную исторію, насадившій древеса многія, изобилующія плодами на взоръ красными, на вкусъ сладостными, по существу питательными. Сей мужъ, два раза рецензировавшій мои ученые труды и присудившій мнѣ двѣ преміи—полную Макарьевскую (Синодальную) и большую Уваровскую (Императорской Академіи Наукъ), указывая на меня перстомъ, рекъ: сей человѣкъ есть „*замѣчательный знатокъ* южно-русской литературы (имѣются въ виду старопечатныя книги), *тонкій ея цѣнитель, усердный библіографъ*“.

Достопочтенные отцы! *Гнило слово похвальное*, и разумѣется, *въ иное время и при иныхъ обстоятельствахъ* оно мною не было бы произнесено. Но прошу не забывать, что я человѣкъ *обвиняемый*, а у такого человѣка не могутъ быть от-

нимаемы средства для защиты, въ особенности если она обосновывается на фактахъ. Факты, исключительно факты я буду имѣть въ виду и при дальнѣйшей бесѣдѣ съ вами.

Вашему благому намѣренію — ознаменовать трехсотлѣтіе Кіево-Печерской типографіи изданіемъ соотвѣтствующаго сему событію труда,—я могъ только *сочувствовать* и всячески желать, чтобы трудъ этотъ, *кому бы онъ ни былъ порученъ*, оказался наиболѣе совершеннымъ: по возможности, *стоялъ въ уровень съ достославнымъ прошлымъ означенной типографіи*. А что это не фразы, въ доказательство сего я могу привести нижеслѣдующій фактъ.

Завѣдующій Центральнымъ Архивомъ при Университетѣ св. Владиміра И. М. Каманинъ года три тому назадъ обратился ко мнѣ, очевидно, какъ къ человѣку, по его понятіямъ, въ нашей старопечати кое-что разумѣющему,— съ просьбою оказать ему *ученое содѣйствіе*, ибо онъ, г. Каманинъ, приступаетъ къ работамъ по составленію исторіи лаврской типографіи, о чемъ у него ведутся переговоры съ вами, достопочтенные отцы. Какъ же откликнулся на эту просьбу проф. Голубевъ?—Онъ заявилъ, что всею душею *сочувствуетъ этому дѣлу* и на его содѣйствіе г. Каманинъ *вполнѣ можетъ разсчитывать*. И дѣйствительно, проф. Голубевъ, просматривая свой архивчикъ, отмѣчалъ тѣ документы и свои замѣтки о старопечатныхъ книгахъ, которые могли бы быть полезны г-ну Каманину,—и не вина проф. Голубева, если г-ну Каманину не оказалось надобности въ его указаніяхъ, такъ какъ эта работа—по словамъ г. Каманина—отъ него *ускользнула*, перешедши къ профессору Титову. Но смѣю увѣрить васъ, достопочтенные отцы, что и на просьбу послѣдняго я отвѣтилъ бы также, какъ отвѣтилъ г-ну Каманину, да и вообще я не оставляю безъ вниманія подобныя просьбы, въ чемъ могъ убѣдиться и самъ проф. Титовъ по своему личному опыту во времена прежнія.

Профессоръ Титовъ, по соображеніямъ, въ настоящее время для меня понятнымъ, не обратился ко мнѣ съ означенною просьбою и поступилъ неосмотрительно, ибо—какъ теперь оказывается—онъ взялся за дѣло, *о которомъ не имѣлъ ни малѣйшаго*

представленія. (Онъ, очевидно, полагалъ, что для указанной работы достаточно просмотрѣть лаврскій архивъ и на основаніи его составить очеркъ типографской дѣятельности Лавры: это дѣло сравнительно *легкое*, но это только небольшая деталь въ означенной работѣ; объ этомъ я побесѣдую съ вами, достопочтенные отцы, въ концѣ своей статьи). Все сіе для меня стало вполнѣ яснымъ послѣ напечатанія замѣтки въ „Кіевлянинѣ“ (очевидно, происхожденія Лаврскаго и составленной на основаніи заявленій проф. Титова) о готовящемся въ *самомъ непродолжительномъ времени*[1]) *юбилеѣ Лаврской типографіи.* По поводу этой замѣтки я хотѣлъ было тиснуть небольшую статейку въ томъ же "Кіевлянинѣ“, но послѣ нѣкоего размышленія, по соображеніямъ характера деликатнаго[2]), ограничился только заявленіемъ бывшему

---

[1]) „Въ 1908 или даже 1907 году“,—какъ я написалъ въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“, не имѣя въ рукахъ „Кіевлянина“. Должно сказать: *въ 1906 году*, какъ видно изъ статьи проф. Титова, имѣвшаго—какъ онъ говоритъ—терпѣніе просмотрѣть „Кіевлянинъ“ за послѣдніе годы. Въ замѣткѣ Кіевлянина говорится: „Печатаніе книгъ въ ней (Кіево-печерской типографіи) началось *въ 1606 году.* Первая печатная работа типографіи былъ Акаѳистъ Успенія Божіей Матери.“

[2]) Иллюстрирую выраженіе, *„характера деликатнаго“* подходящимъ къ трактуемому вопросу фактомъ, касающимся тоже вашей, достопочтенные отцы, святой обители.

Съѣздъ людей ученыхъ въ Кіевѣ. Ректоръ университета св. Владиміра обратился къ проф. Голубеву съ просьбою ознакомить членовъ сего съѣзда съ древностями и святынями города Кіева. Начиная означенное ознакомленіе съ Лавры, проф. Голубевъ усмотрѣлъ въ ней нѣкую *новизну*, сильно рѣзвнувшую его, какъ историка, по сердцу; ибо новизна сія, имѣвшая замѣнить обветшавшую *старину*, воспроизводила ее *не въ надлежащемъ видѣ* (возстановители были не въ курсѣ дѣла).—Что же дѣлаетъ проф. Голубевъ? Газетному-ли тисненію предаетъ замѣченный имъ историческій курьёзъ?—Нѣтъ, онъ идетъ къ тогдашнему ректору Академіи, преосвященному Димитрію (нынѣ архіепископу Херсонскому) и говоритъ: „такъ и такъ, Ваше Преосвященство, дѣло не совсѣмъ ладное. Не доложить ли объ этомъ митрополиту (Ѳеогносту“)?—„Дѣло дѣйствительно не ладное“,—замѣчаетъ преосвященный Димитрій. Только въ данномъ случаѣ, не лучше-ли обойтись безъ митрополита?.. Знаете что, сос-

ректору нашей Академіи преосвященному Платону, что если сказанное въ „замѣткѣ“ объ юбилеѣ осуществится, Лавра будетъ поставлена въ *смѣшное положеніе*, до чего такое высокочтимое учрежденіе допущено *быть не должно*.

Почему, достопочтенные отцы, я сдѣлалъ означенное заявленіе преосвященному ректору въ формѣ столь рѣшительной, это будетъ для васъ ясно изъ нижеслѣдующихъ моихъ объясненій.

Проф. Титовъ утверждаетъ, что я, относя 300-лѣтній юбилей Кіево-печерской типографіи къ 1916 году, обнаружилъ полное невѣжество, слѣдовалъ „буквально“ въ данномъ случаѣ Евгенію Болховитинову, что у Закревскаго сказано обо всемъ этомъ лучше и т. п. Но опять повторяю, достопочтенные отцы, профессору Титову не вѣрьте, ибо онъ есть человѣкъ, довѣрія незаслуживающій. Вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, т. е. въ вашей Кіево-Печерской Лаврѣ, можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно, и сіе профессору Голубеву извѣстно доподлинно, ибо онъ въ этомъ дѣлѣ принималъ самое живое участіе.

Правда, сей вопросъ, поднятый еще въ концѣ XVIII столѣтія и съ тѣхъ поръ обращавшій на себя вниманіе любителей старины, долгое время считался спорнымъ. Иногда изслѣдователи приближались къ его рѣшенію, но вдругъ появлялись извѣстіяо книгахъ, якобы вышедшихъ въ свѣтъ изъ Кіево-печерской типографіи за періодъ времени между 1606—1616 годами, и дѣло опять за-

---

тавьте-ка вы мнѣ *историческую замѣточку* по этому дѣлу“. И вотъ проф. Голубевъ составляетъ историческую замѣточку и вручаетъ ее преосвященному Димитрію. Проходитъ дня три—четыре. „А знаете-ли, Степанъ Тимоѳеевичъ“,—обращается ко мнѣ при встрѣчѣ преосвященный Димитрій,—вѣдь въ недосмотрѣ-то повиненъ преосвященный Сергій (тогда кіевскій викарій, впослѣдствіи архіепископъ Ярославскій). Въ его намѣстничество въ Лаврѣ сіе учинено; на него и слѣдуетъ понасѣсть“.—„Что же, говорю,—насѣдайте, Ваше Преосвященство“.—

Какіе шаги предприняты были преосвященнымъ Сергіемъ къ устраненію сего недосмотра, мнѣ неизвѣстно. Но полагаю, что *онъ уже исправленъ*. (При первомъ посѣщеніи Лавры обращу на сіе вниманіе. Совсѣмъ было, за разными житейскими дѣлами, объ этомъ обстоятельствѣ запамятовалъ).

темнялось. Въ 1880 году извѣстный библіографъ П. А. Гильдебрандтъ,—имѣя въ виду эти разногласія, заявилъ, что въ настоящее время, при существующихъ данныхъ, вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ *и не можетъ быть* рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно.—Я не былъ согласенъ съ такимъ мнѣніемъ и въ статьѣ, напечатанной въ іюньской книжкѣ Кіевской Старины за 1882 годъ („О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ"), заявилъ, что *данныхъ* для опредѣленнаго рѣшенія по означенному вопросу *имѣется достаточное количество* и только, съ одной стороны отсутствіе полнаго сведенія ихъ воедино, а съ другой—присоединеніе къ нимъ извѣстій неточныхъ, сомнительныхъ, вообще критически непровѣренныхъ, вводятъ нѣкоторыхъ изслѣдователей въ заблужденіе и мѣшаютъ установиться въ наукѣ истинному мнѣнію о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, не разъ высказывавшемуся (и небездоказательно) еще въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

Задачею моей статьи было: 1) представить въ послѣдовательномъ порядкѣ очеркъ мнѣній о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, съ указаніемъ несостоятельности тѣхъ изъ нихъ, которыя опирались на данныхъ, критики не выдерживающихъ, и 2) *свести воедино свѣдѣнія положительныя, современныя, сомнѣнію не подлежащія.*

Считая излишнимъ говорить здѣсь о томъ, какъ выполнена была мною первая задача, я—достопочтенные отцы—въ краткихъ словахъ сообщу вамъ тѣ положительныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ начало книгопечатанія въ вашей типографіи должно быть относимо *къ 1616 году.*

Свидѣтельства эти, находящіяся въ первопечатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерской Лавры,—изданіяхъ въ настоящее время разсѣянныхъ по разнымъ библіотекамъ,—гласятъ слѣдующее:

Послѣ кончины „благочестиваго, Христолюбиваго, благороднаго мужа господина Ѳеодора Юрьевича Балабана на Хорохоринѣ († 1606 г.), сооруженная имъ типографія *находилась въ бездѣйствіи* (была „праздною", „покрытою пылью"). Кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, весьма много сдѣлавшій для возвеличенія управляемой имъ обители, „цѣною сребра

отъ дому того", т. е. отъ наслѣдниковъ Балабана, „стяжа (купилъ) сію типографію и *принесе въ обитель святую Печерскую*". Это было уже въ послѣднюю треть продолжительнаго настоятельства въ означенной обители сего многозаботливаго архимандрита (1599—1624 гг.), когда онъ находился „въ глубокой и маститой старости", когда „южъ отъ старости и на очи ослабѣлъ". Это пріобрѣтеніе Плетенецкаго и устроеніе имъ въ монастырской „маетности" Радомыслѣ бумажной фабрики („папѣрни"), было—по словамъ его преемника по настоятельству (Захаріи Копыстенскаго)—какъ бы завершеніемъ, какъ бы вѣнцомъ многоплодной дѣятельности сего приснопамятнаго архимандрита. Послѣ покупки означенной типографіи Елисей Плетенецкій „купно со всѣми иже о Христѣ братіями" совѣщался, какую *„пръвѣйшую* жить своихъ рукъ" принести исповѣдникамъ православія, чѣмъ бы прежде всего „увеселить ихъ сердца", т. е., какую книгу прежде всего начать печатаніемъ въ новоприобрѣтенной типографіи. На этомъ общемъ совѣщаніи рѣшено было: *прежде всего начать печатаніе Анѳологіона*, какъ такой книги, которая для „истинныхъ церковниковъ и непоколебимыхъ исповѣдниковъ православія" представляла собою „даръ многоцѣненъ".

Согласно этому соборному опредѣленію и было приступлено къ изданію Анѳологіона.

Но вы, достопочтенные отцы, знаете, что означенная книга одна изъ самыхъ большихъ по объему церковныхъ книгъ. Она въ томъ изданіи, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ, кромѣ предисловія, 1048 страницъ убористаго шрифта (въ листъ). Если и въ настоящее время объемистыя книги требуютъ для ихъ напечатанія немало времени, то разумѣется, въ началѣ XVII вѣка, при способахъ печатанія неусовершенствованныхъ, наборъ и тисненіе такихъ книгъ должны были продолжаться долго. Такъ и случилось съ книгою, о которой у насъ ведется рѣчь: Анѳологіонъ печатался *болѣе двухъ лѣтъ* (вышелъ въ свѣтъ въ началѣ *1619 года*).

Во время его печатанія, точнѣе, при началѣ его печатанія, случилось такое обстоятельство.

Православные кіевляне очень обрадованные, что и въ ихъ городѣ, въ знаменитой обители, появилась типографія и началось книгопечатаніе, желали какъ можно скорѣе пользоваться плодами отъ сего полезнаго учрежденія, ибо нужда въ книгахъ была большая, особенно для школъ, которыя въ это время въ Кіевѣ начали уже заводиться: извѣстно что къ концу 1616 года относится основаніе и нашей знаменитой братской школы (впослѣдствіи Могилянской коллегіи, а затѣмъ Академіи). Между тѣмъ предпринятое Лаврою печатаніе Анѳологіона должно было по указанной причинѣ затянуться и отвлечь типографію отъ другихъ работъ. И вотъ православные кіевляне обратились къ архимандриту Елисею Плетенецкому *съ усердною просьбою*, чтобы онъ, не прекращая начатыхъ работъ по изданію Анѳологіона, напечаталъ книгу сравнительно небольшую, именно *Часословецъ*,—книгу весьма потребную какъ для церковно-богослужебныхъ надобностей, такъ и для школьнаго обученія. Елисей Плетенецкій, *„умоленъ бывъ* правовѣрными, яко да исполнится требованіе, *еже въ училищехъ въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ“*,—и издалъ упомянутый Часословецъ, который вышелъ въ свѣтъ въ *началѣ 1617 года* и который и есть *первенецъ* Кіево-Печерской типографіи, о чемъ въ предисловіи къ нему *прямо и заявлено*.

Въ слѣдующемъ 1618 году издано было Лаврскою типографіею очень маленькое (6 листиковъ, въ 4 д.) произведеніе, не могшее нарушить обычнаго хода работъ по изданію Анѳологіона,—*панегирикъ въ честь Елисея Плетенецкаго* (Вѣзерункъ цнотъ). Появленіе этого панегирика въ поясненіяхъ не нуждается.

Въ началѣ 1619 года вышелъ въ свѣтъ, какъ мы говорили, упомянутый Анѳологіонъ.

Ясныя, современныя, сомнѣнію не подлежащія свѣдѣнія обо всемъ этомъ заключаются въ сейчасъ упомянутыхъ трехъ изданіяхъ (Часословцѣ 1617 г., Вѣзеркнѣ цнотъ 1618 г., Анѳологіонѣ 1619 г.), а также *въ Казаніи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго“*, произнесенномъ его преемникомъ Захаріею Копыстенскимъ и напечатанномъ въ 1625 году (2+45 стр., in 4), а отчасти въ Тріоди Постной 1627 г.—Послѣднія двѣ книги суть тоже изданія кіево-печерскія.

Такимъ образомъ *первою книгою, начатою печатаніемъ* въ Лаврской типографіи, былъ Анѳологіонъ, а *первою книгою* вышедшею изъ нея—Часословецъ. Въ промежутокъ между изданіемъ послѣдняго и перваго выпущено было типографіею случайное очень небольшое произведеніе—упомянутый панегирикъ.

Все сіе проф. Голубевымъ съ достаточною для дѣла обстоятельностью изложено было не только въ упомянутой его статьѣ—*О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ*, но и въ обширномъ примѣчаніи къ IV главѣ перваго тома его изслѣдованія о Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ,—и все сіе людямъ науки, интересующимся даннымъ вопросомъ, доподлинно извѣстно, и со всѣмъ этимъ они согласны. Нѣкоторое разногласіе произошло у меня только съ извѣстнымъ ученымъ, академикомъ А. И. Соболевскимъ. Разногласіе не относительно *высказанныхъ мною положеній* по вопросу о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, а относительно одной *детали*.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ упомянутомъ панегирикѣ, поднесенномъ Елисею Плетенецкому, онъ, между прочимъ, восхваляется за „фундоване друкарнѣ“, т. е. за учрежденіе въ Лаврѣ типографіи,—причемъ читается слѣдующее:

...„воскресилъ (Плетенецкій) друкарню припалую пыломъ Балабана“.

Мѣсто это я понимаю такъ: Плетенецкій воскресилъ (возобновилъ) друкарню Балабана, *покрытую пылью*, т. е. находившуюся долгое время въ бездѣйствіи.

Академикъ же А. И. Соболевскій мѣсто это понимаетъ такъ: Плетенецкій воскресилъ друкарню, *возникшую благодаря пылу, усердію Балабана*.

Съ такимъ пониманіемъ А. И. Соболевскаго я не согласенъ, о чемъ печатно и заявилъ. Я говорилъ (и говорю), что слово *припалый* происходитъ отъ глагола przypaść (przypadł); что слово *пылъ* въ польскомъ языкѣ и малороссійскомъ нарѣчіи значитъ (прямое непосредственное значеніе) *пыль, пылинка*; что это слово (*пылъ*) въ соединеніи съ прилагательнымъ *припалый* озна-

чаетъ не иное что, какъ *покрытый пылью*, а въ переносномъ значеніи—находившійся въ забвеніи.

Въ доказательство правильности своего пониманія указаннаго мѣста въ панегирикѣ я приводилъ нужную для уясненія дѣла выдержку изъ одной малороссійской пѣсни.

Прошу, достопочтенные отцы, извиненія, что нарушу на одну минуту ваше обычное настроеніе словами мірскими, слуха вашего чуждыми. Извините меня ради научнаго интереса, который я преслѣдую.

Нужная для меня выдержка изъ малороссійской пѣсни такова:

Нема жъ мого миленького,
Нема жъ мого пана;
А вже жъ моя постіль біла
Пылечкомъ припала".

Къ сказанному добавлю, что самая конструкція разсматриваемаго выраженія въ панегирикѣ явственно говоритъ за мое пониманіе онаго: „воскресилъ" (далъ жизнь, возобновилъ) типографію Балабана, находившуюся послѣ его кончины въ бездѣйствіи („припалую пыломъ").

Проф. Титовъ не дѣлаетъ возраженій противъ моего пониманія означеннаго мѣста въ панегирикѣ. Онъ ограничивается заявленіемъ, что я, проф. Голубевъ, позволяю себѣ „чрезмѣрно надменный, презрительный тонъ въ отношеніи къ такимъ несомнѣннымъ ученымъ, каковы академикъ А. И. Соболевскій" и т. д.

По поводу сего имѣю сказать слѣдующее.

1) Мое высокое уваженіе къ ученымъ трудамъ и ученымъ заслугамъ А. И. Соболевскаго таково, что оно, безъ сомнѣнія, выше пониманія проф. Титова, позволившаго себѣ прибѣгнуть къ указанной выходкѣ (тонъ моего замѣчанія о разногласіи съ г. Соболевскимъ передъ глазами читателей).

2) За симъ я не только чту академика Соболевскаго, какъ очень большого ученаго, но не менѣе чту его, какъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ *человѣка*,—притомъ человѣка, всегда доброжелательно ко мнѣ относившагося и въ трудныя минуты жизни оказывавшаго мнѣ поддержку не одну только нравственную. Я до-

селѣ его должникъ не только въ переносномъ, но прямо-таки въ буквальнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Тѣмъ не менѣе, если бы онъ былъ и разъ-академикомъ и сугубымъ моимъ доброжелателемъ, сіе ни мало бы не удержало меня отъ прямоты въ отношеніи къ нему, какъ въ дѣлахъ ученыхъ, такъ и житейскихъ. Ибо—повторяю—я всегда чувствовалъ и чувствую отвращеніе отъ лакейства въ чемъ бы оно ни выражалось. Таковъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и самъ А. И. Соболевскій. И безъ насъ достаточно людей, къ всевозможному лакейству склонность чувствующихъ и навыкъ въ семъ пріобрѣвшихъ.

Но возвратимся на преднее.

И такъ, достопочтенные отцы, для васъ, полагаю, ясно, почему я выразился о предположенномъ вами, по указанію проф. Титова, празднованіи 300-лѣтняго юбилея вашей типографіи въ формѣ рѣшительной и рѣзкой.

Вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, повторяю, уже уясненъ. Задача будущихъ изслѣдователей по этому вопросу—восполнить детали. Такъ, напр., весьма интересно было бы найти условіе, заключенное между архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ и наслѣдниками Балабана при покупкѣ первымъ у послѣднихъ типографіи (запродажный актъ),—что́. при направленіи поисковъ въ мѣста надлежащія, дѣло не невозможное. Интересно уяснить вопросъ о пріобрѣтеніи Лаврою шрифта польскаго, т. е., объ оборудованіи въ ней типографіи польской и лицахъ, ею на первыхъ порахъ завѣдовавшихъ,—что́ уже, можно прямо сказать, дѣло *безусловно возможное*. Важно дополнить списокъ первопечатныхъ кіево-печерскихъ изданій новыми, доселѣ неизвѣстными произведеніями, хотя бы по объему и самыми малюсенькими, что опять *дѣло возможное* и т. п.

Между тѣмъ проф. Титовъ, взявшись за работу, къ которой совершенно не былъ подготовленъ, занялся изученіемъ лаврскихъ „описей“, вѣроятно, также гравюръ съ датами 1606 г., и возъимѣлъ намѣреніе „*освѣщать ихъ научно*“, т. е. занялся изученіемъ того, надъ чѣмъ поставленъ уже крестъ, и что (для уясне-

нія вопроса о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ) давно выкинуто вонъ, какъ ненужный хламъ.

Я полагалъ, что съ теченіемъ времени, при бо́льшемъ ознакомленіи проф. Титова съ первопечатными лаврскими книгами, дѣло у него наладится („образуется"—по выраженію Л. Н. Толстого). Но предположенію моему не суждено было оправдаться. Чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Проникшись непоколебимымъ довѣріемъ къ извѣстнымъ намъ описямъ, проф. Титовъ, на основаніи ихъ, повѣдалъ ученому міру о *восемнадцати* львовскихъ изданіяхъ, якобы библіографамъ неизвѣстныхъ. Такъ какъ его предшественникъ, работавшій въ Лаврскомъ архивѣ, протоіерей Троцкій, съ такимъ же довѣріемъ отнесся къ упомянутымъ описямъ и на основаніи ихъ считалъ неподлежащимъ сомнѣнію, что Лаврою издавались книги въ 1608 и слѣдующихъ годахъ,—то яснымъ становилось происхожденіе (первоисточникъ) замѣтки въ Кіевлянинѣ о трехсотлѣтіи Кіево Печерской типографіи въ 1606 году.

Независимо отъ сего для меня яснымъ было и то, что проф. Титовъ при своихъ библіографическихъ работахъ употребляетъ такіе странные пріемы, которые свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у него критическаго отношенія къ трактуемымъ вопросамъ, *отсутствіе даже намека на это*,—что́ и отмѣчено мною въ „Объяснительныхъ параграфахъ".

Приговоръ, разумѣется, *суровый*, но вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—есть приговоръ *вполнѣ справедливый*.

Чтобы не быть голословнымъ я прошу васъ, достопочтенные отцы, вникнуть въ нижеслѣдующія мои рѣчи.

Опять прибѣгну къ любимому своему пріему иллюстраціи.

Я вручаю вамъ три серебряныхъ рубля—одинъ чекана 1900, другой—1903 и третій—1907 годовъ—и говорю: вотъ, достопочтенные отцы, даю вамъ три рубля—одинъ чекана 1900 года, другой—1903 и третій—1907. Прошу положить ихъ въ новый, только что купленный кошелекъ, закрыть его и спрятать въ карманъ.

Все сіе вы дѣлаете.

Но вотъ является со стороны нѣкій мужъ и говоритъ вамъ: „достопочтенные отцы, я знаю, что проф. Голубевъ далъ вамъ три рубля—одинъ чекана 1900 года, другой—1903 и третій 1907, и вы ихъ положили въ кошелекъ совершенно до того времени пустой. Но вѣдь въ вашемъ кошелькѣ находятся не три рубля, а четыре; кромѣ трехъ рублей указанныхъ чекановъ туда положенъ еще рубль чекана 1905 года. Какъ объяснить такой случай, я затрудняюсь; но увѣряю, что говорю правду. Объ этомъ мнѣ сообщилъ Иванъ Ивановичъ“.

Что на это вы, достопочтенные отцы, отвѣтите, не предполагая вмѣшательства въ дѣло вражеской силы?—Разумѣется, отвѣтите, что если бы и двадцать Ивановъ Ивановичей увѣряли васъ о нахожденіи въ упомянутомъ кошелькѣ четвертаго рубля чекана 1905 года, вы сему нималѣйшей вѣры не дадите, ибо имѣете дѣло съ фактомъ, а не съ болтовнею людей, въ курсѣ дѣла не находящихся.

Не такъ мыслитъ и разсуждаетъ проф. Титовъ.

Онъ, повидимому, долженъ очень хорошо знать, что въ Кіево-печерской типографіи за время между 1627—1648 годами *Тріодь Постная* издаваема была *три раза*,—долженъ очень хорошо знать, потому что объ этомъ ясныя, точныя и опредѣленныя данныя находятся въ самой сей книгѣ.

Данныя сіи свидѣтельствуютъ, что

въ 1627 году вышло въ свѣтъ изъ Кіево-Печерской обители *первое* изданіе *Тріоди Постной;*

въ 1640 году тою же типографіею означенная книга издана была *вторично* („*второе* типомъ издадеся“);

въ 1648 году вышло *третье* кіево-печерское изданіе сей книги.

Насколько ясны, опредѣленны и не подлежащи сомнѣнію свидѣтельства объ изданіи Тріоди Постной *именно и только въ означенные годы,* это можно видѣть изъ „посвятительной предмовы“ кіево-печерскому архимандриту Іосифу Тризнѣ, помѣщенной въ началѣ сей книги въ *третьемъ* ея изданіи, т. е. изданіи 1648 года. Здѣсь говорится, что „*найпервей*“ книга эта, Тріодь Постная, издана была „*въ року 1627-мъ*, при архимандритѣ

Захаріи Копыстенскомъ; *потомъ* (вторично) „*въ року 1640-мъ* при кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, бывшемъ въ то время и архимандритомъ печерскимъ. Наконецъ въ теперешнемъ 1648 году, при кіево-печерскомъ архимандритѣ Іосифѣ Тризнѣ издается *въ третій разъ* (*„по третее южъ въ теперешнемъ 1648 року)*“.

Что можетъ быть точнѣе, яснѣе и опредѣленнѣе этого?

Между тѣмъ проф. Титовъ завѣряетъ, что „изданіе Тріоди Постной въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1648 году было *не третьимъ*, какъ сказано въ предисловіи, а *четвертымъ*“ (курсивъ проф. Титова). Почему?—Да потому, что библіографамъ (Каратаеву и друг.) извѣстно еще изданіе Тріоди Постной 1646 года, экземпляръ, который хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ, что библіографами *что-то понапутано*.

Отчего произошла путаница, и затруднительно ли ее распутать?

Уяснить путаницу и распутать ее весьма легко, обратившись къ тому же Каратаеву, на котораго ссылается проф. Титовъ.

Что читаемъ у Каратаева?

Читаемъ: „*Тріодь Постная*, напечатана въ Кіевѣ *въ 1646 году... Заглавный листъ утерянъ*“.

Что означаютъ слова: „заглавный листъ утерянъ“?

Они означаютъ, что въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится экземпляръ Тріоди Постной безъ заглавнаго листа, и библіографы (т. е. кто-нибудь одинъ, а другіе за нимъ уже—какъ обычно, безъ провѣрки,—слѣдовали) отнесли ея изданіе *къ 1646 году* по тѣмъ или инымъ внутреннимъ признакамъ (по всей вѣроятности, по нѣкоторымъ гравюрамъ).

Нельзя ли на основаніи „Описанія“ того же Каратаева уразумѣть съ какою Тріодью Постною кіево-печерскаго изданія мы имѣемъ дѣло?

Уразумѣть весьма легко, ибо Каратаевъ пишетъ, что въ началѣ означенной Тріоди Постной находится „*посвятитель-*

ное посланіе Кіево-Печерскому архимандриту Іосифу Тризнѣ отъ иноковъ (на 8 стр.“). Отсюда очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ Тріодью Постною *1648 года*, къ которой въ такомъ же количествѣ страницъ присоединено означенное „посвятительное посланіе Кіево-Печерскому архимандриту Тризнѣ“.—

Почему нельзя пріурочить такое посланіе Тризнѣ къ 1646 году?

По той простой причинѣ, что въ теченіе *всего 1646 года кіево-печерскимъ архимандритомъ былъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила;* Іосифъ же Тризна послѣ его кончины († 31 декабря 1646 г.) избранъ былъ на кіево-печерскую архимандрію *26 генваря 1647 года.*

Все это яснѣе яснаго!

Затянулись мои рѣчи съ вами, достопочтенные отцы. Но надѣюсь, что рѣчи эти позволяютъ мнѣ считать доказанными слѣдующія положенія:

1) Никакой обиды отъ того обстоятельства, что составленіе „обстоятельной исторіи Кіево-печерской типографіи“ поручено было не профессору Голубеву, онъ не ощущалъ и не ощущаетъ и сему благому предпріятію всею душою сочувствуетъ.

2) Утвержденіе проф. Титова, что проф. Голубевъ при своихъ разсужденіяхъ о началѣ типографской дѣятельности въ Лаврѣ обнаружилъ *„невѣжество въ знаніи элементарныхъ фактовъ исторіи западно-русской церкви“* вообще и въ частности *„полное свое невѣжество“* по данному вопросу,—страдаютъ, повидимому, нѣкоторымъ преувеличеніемъ.

3) Означенный суровый приговоръ, произнесенный проф. Титовымъ относительно проф. Голубева, едва-ли не съ бо́льшимъ основаніемъ, оправдываемымъ фактическими данными, приложимъ къ изрекшему сей приговоръ, т. е. проф. Титову.

А теперь, достопочтенные отцы, отлагая дальнѣйшія рѣчи къ вамъ относительно „обстоятельной исторіи Кіево-печерской типографіи“ до конца статьи, я нахожу благовременнымъ побесѣдовать съ проф. Титовымъ.

Моя бесѣда съ вами, проф. Титовъ, по данному вопросу будетъ нѣсколько короче, чѣмъ съ достопочтенными лаврскими отцами, потому что все существенное сообщено послѣднимъ: остаются не выясненными только нѣкоторыя детали.

Вы пишете, что въ замѣткѣ „Кіевлянина“ о трехсотлѣтіи типографіи Кіево-Печерской Лавры „*нѣтъ ничего что сочинилъ проф. Голубевъ*“, что эта замѣтка профессоромъ Голубевымъ „*совершенно извращена и фальсифицирована*“, что проф. Голубевъ дерзаетъ „*критиковать несуществующіе ваши труды и теоріи по вопросу о происхожденіи Кіево-Печерской типографіи и о началѣ книгопечатанія въ ней*“.

Неужели вы, проф. Титовъ, не уразумѣваете смысла, силы и значенія очень небольшой по объему трактаціи проф. Голубева о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской типографіи?

Я вамъ объясню сіи смыслъ, значеніе и силу.

Основныя положенія проф. Голубева въ означенной трактаціи были таковы:

а) Книгопечатаніе въ Кіево-Печерской типографіи началось *въ 1616 году, относительно чего имѣются данныя несомнѣнныя.*

б) Обстоятельство это проф. Титову, взявшему на себя трудъ составленія „обстоятельной, научной исторіи“ означенной типографіи, осталось, повидимому, *совершенно неизвѣстнымъ,* что явствуетъ изъ напечатанной въ „Кіевлянинѣ“ за 1905-й годъ замѣтки, согласно *утвержденію* которой,—безъ сомнѣнія, вслѣдствіе заявленій проф. Титова,—начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится ко времени болѣе раннему и трехсотлѣтній юбилей Лаврской типографіи *имѣетъ быть въ самомъ непродолжительномъ времени* (въ 1908 или даже 1907 г.г.).

в) *Такое высокочтимое учрежденіе, какъ Кіево-Печерская Лавра, не должно быть поставлено въ смѣшное положеніе:* трехсотлѣтній юбилей своей типографіи она можетъ *(и должна)* праздновать только въ концѣ 1916 года (почти одновременно съ трехсотлѣтнимъ юбилеемъ нашей Академіи).

Вы, проф. Титовъ, утверждаете, что я замѣтку въ „Кіевлянинѣ“ „*совершенно извратилъ*“ и “*сочинилъ то, о чемъ въ ней вовсе не говорится*“.

Такъ-ли обстоитъ дѣло, это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ параллельныхъ мѣстъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ „и означенной замѣтки изъ „Кіевлянина“, начало которой вы, проф. Титовъ, очень кстати для меня приводите (я, подобно вамъ, не „имѣлъ терпѣнія“ и особенной надобности просматривать „Кіевлянинъ“: писалъ о замѣткѣ по памяти, такъ какъ *главное и существенное* для меня было *совершенно ясно*).

Вотъ сіи параллельныя мѣста.

„Объяснительные параграфы“ проф. Голубева.

„Въ прошломъ году въ мѣстной газетѣ „*Кіевлянинъ*“, было оповѣщено о работахъ проф. Титова по составленію исторіи Кіево-Печерской типографіи, причемъ заявлено, что трудъ этотъ готовится къ предстоящему *трехсотлѣтнему* юбилею означенной типографіи, *имѣющему быть въ самомъ непродолжительномъ времени* (въ 1908 или даже 1907 гг.). Оповѣщеніе это (о предстоящемъ въ *скоромъ* времени празднованіи означеннаго юбилея) не вызвало опроверженій ни со стороны Лавры, ни со стороны проф. Титова.

Такое высокочтимое учрежденіе „и проч. (какъ выше).

Замѣтка въ „Кіевлянинѣ“ 1905 г. „Трехсотлѣтіе типографіи Кіево-Печерской Лавры“.

„Въ будущемъ *1906 году* исполнится 300 лѣтъ со времени учрежденія Кіево-Печерской типографіи... Пройти такой юбилей ничѣмъ не отмѣченнымъ не могъ. Вотъ почему духовный соборъ Кіево-Печерской Лавры... рѣшилъ *ознаменовать* предстоящій юбилей изданіемъ обстоятельной научной исторіи ея. Составленіе этой исторіи духовный соборъ поручилъ профессору Кіевской Духовной Академіи, протоіерею Ѳ. И. Титову.

...*Печатаніе книгъ въ типографіи началось въ 1606 году. Первая печатная работа въ типографіи была акавистъ Успенію Божіей Матери*... и т. д.

Въ чемъ же вы, проф. Титовъ, усматриваете несогласіе моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ съ замѣткою въ „Кіевлянинѣ“?

Можетъ быть,въ томъ, что замѣтка относитъ 300-лѣтній юбилей Лаврской типографіи къ *1906-му году*, а я, не имѣя подъ руками „Кіевлянина“, отнесъ его *къ самому непродолжительному* (послѣ 1905 года) *времени*—къ 1908 или даже 1907 г.г.?

На сіе замѣчу вамъ слѣдующее.

Я очень люблю *точность*, точность *до скрупулезности*, но только тамъ, гдѣ въ томъ настоитъ *надобность* и предвидится для дѣла *польза*. Такъ, напр., когда поднятъ былъ вопросъ о постановкѣ памятника извѣстному типографу Ивану Ѳедорову, много потрудившемуся на поприщѣ книгопечатанія въ Москвѣ и въ особенности въ юго-западной Руси, и на семъ памятникѣ проэктировалась слѣдующая надпись: „Іоаннъ Ѳеодоровичъ печатъ з Москвы, скончался во Львовѣ *5 декабря* 1583 года“,—я помѣстилъ въ тѣхъ же „Объяснительныхъ параграфахъ“ замѣтку, гдѣ заявилъ, что Іоаннъ Ѳеодоровъ скончался во Львовѣ *не пятаго, а шестого*, декабря 1583 года и привелъ основаніе для такой своей поправки (см. *Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви*. Кіевъ, 1893 г., стр. 17—20: „Ошибки, вкравшіяся въ чтеніе надгробной надписи типографу Ивану Ѳедорову)

Но въ данномъ случаѣ, хорошо памятуя содержаніе замѣтки въ „Кіевлянинѣ“ (т. е. главное и существенное въ ней), я считалъ излишнимъ почти попусту тратить много времени на поиски этой замѣтки: ибо (иллюстрирую свою мысль примѣромъ) для меня не особенно важно было съ математическою точностію обозначить сколько вы, проф. Титовъ, держите въ своей рукѣ фальшивыхъ рублей: 10, 9 или 8; *для меня важно было констатировать*, что рубли то вы держите *именно фальшивые*. Иными словами: относите-ли вы начало книгопечатанія въ Лаврской типографіи къ 1606 или же къ 1607—1608 годамъ,—въ сущности дѣло безразличное, коль скоро въ томъ, другомъ и третьемъ случаяхъ вы стоите на ложной дорогѣ. А это именно я и имѣлъ въ виду отмѣтить и отмѣтилъ.—Надѣюсь, что сообщенное мною не выше вашего пониманія.

Вы, проф. Титовъ, подчеркиваете, что замѣтка въ „Кіевлянинѣ“ говоритъ *не о празднованіи* трехсотлѣтняго юбилея Лавр-

ской типографіи, а о времени, когда *онъ имѣетъ быть*. Ну, это такое возраженіе, которое безъ ущерба для дѣла можетъ быть пройдено молчаніемъ. (Разумѣется, Лавра будетъ, по крайней мѣрѣ, *должна* праздновать трехсотлѣтній юбилей своей знаменитой типографіи, когда наступитъ для сего *надлежащее время*.

Вы недоумѣваете, какимъ это образомъ проф. Голубевъ дерзаетъ „*критиковать ваши*, проф. Титова, *несуществующіе труды и теоріи по вопросу о происхожденіи Кіево-Печерской типографіи и о началѣ книгопечатанія въ ней*“?

Дерзаетъ на сіе проф. Голубевъ по своему старческому слабоумію, которое побуждаетъ его мыслить такъ:

1) Проф. Титовъ, по порученію Лавры, пишетъ „обстоятельную, научную исторію“ ея типографіи.

2) Замѣтка въ „Кіевлянинѣ“, происхожденія—безъ сомнѣнія—Лаврскаго и, безъ сомнѣнія, сообщающая результатъ научныхъ изслѣдованій проф. Титова по трактуемому вопросу, гласитъ, что трехсотлѣтній юбилей Лаврской типографіи имѣетъ быть въ *самое непродолжительное послѣ 1905 года время*.

3) Проф. Титовъ даетъ *полную вѣру* лаврскимъ описямъ 1744 года и на основаніи ихъ сдѣлалъ не мало библіографическихъ открытій, которыя всѣ оказались открытіями мнимыми; въ сіи же лаврскія описи занесено нѣсколько книгъ *печати Кіево-Печерской*, якобы вышедшихъ въ свѣтъ *во второмъ пятилѣтіи XVII вѣка*, слѣдовательно, когда въ Лаврѣ типографіи не существовало. А такъ какъ проф. Титовъ даетъ *полную вѣру* означеннымъ описямъ, то... и т. д.

И замѣчательно, что сіи соображенія проф. Голубева нашли блистательное подтвержденіе въ вашей, проф. Титовъ, „оффиціальной запискѣ“, представленной духовному собору Лавры,—запискѣ, ранѣе проф. Голубеву неизвѣстной, но въ настоящее время вами *въ нѣкоторой части обнародованной*.

Приводимъ вторично обнародованную часть сей замѣчательной записки (курсивы наши):

„Вопросъ о началѣ типографіи Лаврской *мною* (т. е. проф. Титовымъ) доселѣ не рѣшенъ *въ категорической формѣ*. Принятымъ сейчасъ въ наукѣ почитается мнѣніе м. Евгенія Болховитинова о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской Лаврѣ съ 1616 года. Въ самое послѣднее время, *какъ извѣстно и духовному собору, найдены въ Лаврскомъ архивѣ, повидимому, ясныя свидѣтельства о началѣ книгопечатанія въ Лаврѣ съ 1606 года.* Означенныя свидѣтельства сейчасъ мною провѣряются и *освѣщаются научно критически*“.

Вы, проф. Титовъ, печатая означенную выдержку изъ своей „оффиціальной записки“, безъ сомнѣнія полагали, что наносите проф. Голубеву нѣкій ударъ,—а себѣ выдаете похвальный листъ: пусть-де всѣ видятъ, съ какою осторожностію я, проф. Титовъ, отношусь къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Лаврской типографіи: я говорю, что вопросъ сей еще не рѣшенъ мною въ категорической формѣ. *„Въ послѣднее время* (читай: когда начались библіографическія работы проф. Титова) найдены въ Лаврскомъ архивѣ, повидимому, *ясныя свидѣтельства о началѣ книгопечатанія въ Лаврѣ съ 1606 года.* Означенныя свидѣтельства мною, проф. Титовымъ, сейчасъ провѣряются *и освѣщаются научно критически*“.

Не все это проф. Голубевъ имѣетъ честь заявить вамъ, проф. Титовъ, слѣдующее:

Подобными „записками“ вы можете производить впечатлѣніе на духовный соборъ Кіево-Печерской Лавры, т. е., на людей, сіяющихъ благочестіемъ и добрыми дѣлами, но отнюдь не библіографическими познаніями; у человѣка же, хорошо знакомаго съ трактуемымъ вопросомъ, записка ваша, проф. Титовъ, можетъ вызвать только *улыбку на устахъ*, а слова: *„сейчасъ мною провѣряются и освѣщаются научно-критически“*, — даже гомерическій смѣхъ.

Почему?

Да потому, проф. Титовъ, что „оффиціальная записка“ ваша представляетъ—какъ я сказалъ—блистательное подтвержденіе того, что вы приступили къ уясненію вопроса о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской Лаврѣ, будучи совершенно

не въ курсѣ сего вопроса, вслѣдствіе чего (какъ я объяснилъ достопочтеннымъ лаврскимъ отцамъ) вы углубились въ изученіе того, надъ чѣмъ поставленъ крестъ, что *давно* сдано въ архивъ, *какъ ненужный хламъ*.

И какъ ни затруднительно, проф. Титовъ, допустить, чтобы вы, совершая прогулку по Кіеву, обрѣли портфель съ милліономъ рублей, все-таки это допустимѣе (не есть невозможность невозможная), чѣмъ „обрѣтеніе“, напр., Акаѳиста успенію Божіей Матери, якобы изданному Кіево-Печерскою типографіею *въ 1606 году* (невозможность невозможная). *Глаголю вамъ истину непреложную*!

Бесѣда съ вами, проф. Титовъ, очень затруднительна: мышленіе у васъ какое-то странное и логика необычная.

Вы пишете, что, „прочитавъ статью профессора Голубева, на первыхъ порахъ нисколько не усумнились въ томъ, что въ газетѣ *Кіевлянинъ* могли быть оповѣщены подобныя свѣдѣнія (о трехсотлѣтіи Лаврской типографіи)“, т. е., вы даете понять, что замѣтку въ Кіевлянинѣ помѣстилъ никто иной, какъ самъ же проф. Голубевъ. Но вѣдь въ этомъ вы скоро разубѣдились, потому что—какъ сами заявляете—„нѣкоторыя свѣдѣнія въ сей замѣткѣ *„до буквальности*, повидимому, (опять *повидимому*, и къ чему тутъ *повидимому?*) совпадаютъ *съ вашею оффиціальною запискою“*. Но если такъ, зачѣмъ же вы трактуете о первомъ своемъ предположеніи, которое сами же отрицаете?

Вы пишете, что „проф. Голубевъ предусмотрительно, но крайне наивно оговаривается, что сообщенныя газетою *Кіевлянинъ* свѣдѣнія не были опровергнуты ни Лаврою, ни мною, проф. Титовымъ“. „Но кому же неизвѣстно,—повѣствуете вы,—сколько въ послѣднее время *въ газетахъ* появляется всякихъ ложныхъ свѣдѣній и, въ частности, сколько *въ печати извѣстнаго лагеря* сообщалось самыхъ невѣроятныхъ и возмутительныхъ свѣдѣній, касавшихся Кіево-Печерской Лавры и, между прочимъ, Кіево-Печерской типографіи?“ Не всему де неопровергнутому слѣдуетъ придавать *какое либо вѣроятіе*.

Но, во-первыхъ,—чего не отрицаете и вы, проф. Титовъ,—возмутительныя свѣдѣнія о Лаврѣ, сообщаемыя газетами *извѣст-*

наго лагеря, опровергались ею, хотя, можетъ быть,—по вашему выраженію,—и „не всегда“.

А во-вторыхъ (*и это главное*) вы считаете нужнымъ заявить, что ложныя свѣдѣнія появлялись въ газетахъ *извѣстнаго лагеря*, а отнюдь „*не въ Кіевлянинѣ*“.

А гдѣ помѣщена замѣтка о трехсотлѣтіи Кіево-Печерской типографіи?

Въ Кіевлянинѣ.

Вы, проф. Титовъ, опять прикроетесь своими размышленіями на тему о „первыхъ порахъ“.

А я на это замѣчу: къ чему же сіе бумагомараніе? И не есть ли сіе бумагомараніе метаніе изъ стороны въ стороны рыбы, во мрежу морскую впадшей?!

X.

Но наивысшаго блеска разнообразные таланты проф. Титова—повѣствовательный, историческій и критическій—достигаютъ въ самомъ концѣ его статьи, гдѣ онъ, по его выраженію, констатируетъ „*невѣжество профессора Голубева въ знаніи элементарныхъ фактовъ исторіи западно-русской церкви*“ и выясняетъ „*специфическіе пріемы учено-литературной дѣятельности*“ сего профессора (sic!!!).

Какой-же *матеріалъ* даютъ профессору Титову „Объяснительные параграфы“ проф. Голубева для трактаціи по данному вопросу и съ какимъ *художествомъ* онъ матеріалъ сей освѣщаетъ?

Матеріалъ для сего даетъ проф. Титову слѣдующій *lapsus calami* проф. Голубева.

Дѣлая въ сокращеніи выдержки изъ своей же статьи „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ“, проф. Голубевъ допустилъ *описку*; именно, вмѣсто того, чтобы начертать, какъ значится въ означенной статьѣ, что послѣ смерти *Ѳеодора* Юрьевича Балабана († 1606) его типографія, „припалая пыломъ“, т. е. *долгое время находившаяся въ бездѣйствіи*, „цѣною сребра“ пріобрѣтена была Елисеемъ Плетенецкимъ,—онъ начерталъ, что „по-

слѣ смерти *епископа Гедеона* Балабана († 1607)[1]) его типографія"... и проч.

Такъ какъ въ означенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о томъ (*приводятся доказательства того*), что типографія Балабана *долгое время находилась въ запустѣніи*, пріобрѣтена была *спустя нѣсколько лѣтъ* послѣ смерти ея основателя (слѣдовательно, описка на одинъ начальный годъ ни мало не колеблетъ доказываемаго положенія, а тѣмъ болѣе описка въ имени основателя),—то, понятное дѣло, означенный lapsus calami *въ данномъ случаѣ* имѣетъ значеніе *минимальное*, можно сказать, *чисто корректурное*.

Что касается повѣствовательныхъ, историческихъ и критическихъ талантовъ, какіе обнаружены проф. Титовымъ *при освѣщеніи* означеннаго *матеріала*, то они поистинѣ грандіозны и ставятъ сего профессора на пьедесталъ для обыкновенныхъ смертныхъ недосягаемый.

Познанія историческія даютъ возможность проф. Титову вразумить проф. Голубева, что

а) „фамилія Балабановъ дала изъ своей среды не одного епископа Гедеона Балабана, но нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи западно-русской церкви",—о чемъ проф. Голубевъ могъ бы узнать изъ сочиненія Д. Зубрицкаго Historyczne badadia o drukarniach и проч. (sic!), Harbarźa Нѣсецкаго (sic!), Лексикона Славяно-россійскаго 1627 г. и многихъ другихъ произведеній.

б) Онъ, проф. Голубевъ, могъ бы узнать, что пріобрѣтенная Е. Плетенецкимъ типографія была основана не епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, но Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, послѣ смерти котораго была *припалая пыломъ*. Обо всемъ этомъ

---

[1]) Въ рукописи, отосланной въ редакцію, стояло: († *1606 г.*); но корректоромъ А. С. Крыловскимъ (я въ то время находился въ Петербургѣ) годъ былъ исправленъ на 1607,—что, имѣя въ виду время кончины Гедеона Балабана, справедливо. Г. Крыловскій не догадался только, съ какимъ *lapsus'*омъ *calami* имѣетъ дѣло, и потому исправленіе учинилъ не тамъ, гдѣ слѣдовало.

онъ могъ узнать изъ *Вѣзерунка цнотъ* 1618 г. и предисловія къ *Анѳологіону* 1619 г., въ доказательство чего приводятся довольно обширныя выдержки изъ сихъ произведеній, хотя и *не столь обширныя*, какія приводятся изъ нихъ, въ трактаціи по данному вопросу, самимъ профессоромъ Голубевымъ въ его изслѣдованіи о митрополитѣ Петрѣ Могилѣ (см. т. I, стр. 387—389; срав. въ статьѣ о. Титова стр. 300, 302). Наконецъ, обо всемъ этомъ проф. Голубевъ могъ бы уразумѣть изъ своихъ же сочиненій, изданныхъ ранѣе его „Объяснительныхъ параграфовъ“, но имъ теперь забытыхъ, въ доказательство чего приводятся выдержки изъ сихъ сочиненій въ сопоставленіи ихъ съ означенными „Параграфами“.

Разумѣется, если бы проф. Титовъ имѣлъ дѣло не съ такою, сравнительно небольшою статьею проф. Голубева, каковы его „Объяснительные параграфы“, но съ такимъ его обширнымъ, въ 140 печатныхъ листовъ, произведеніемъ, каково изслѣдованіе о Петрѣ Могилѣ, то, безъ сомнѣнія, всякихъ недосмотровъ въ семъ изслѣдованіи онъ, проф. Титовъ, нашелъ бы гораздо болѣе, и для его повѣствовательнаго и историческаго талантовъ открылось бы попроще болѣе обширное. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, напр., проф. Голубевъ пишетъ (П. Могила, т. I, стр. 288), что „первымъ крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о религіозномъ движеніи, возникшемъ въ Кіевѣ, было образованіе *въ концѣ XVI столѣтія* церковнаго братства“; а между тѣмъ въ статьяхъ, предъ симъ и послѣ сего писанныхъ, сей же проф. Голубевъ вооружается именно противъ этого мнѣнія, усиливается доказать, что означенное (Богоявленское) братство возникло *въ 1616 году* и срываетъ празднованіе трехсотлѣтія Кіевской Академіи въ 1888 году, на чемъ особенно сильно настаивалъ мѣстный ученый каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ... Какое обширное поле, благодаря этому *lapsus*'у *calami* открылось бы проф. Титову для обнаруженія своихъ повѣствовательныхъ и историческихъ талантовъ!... Въ особенности сколькими любопытными свѣдѣніями онъ могъ бы подѣлиться, опровергая описку проф. Голубева, что Кіевъ лежитъ при *Днѣстрѣ*! Вѣдь для опроверженія этого мнѣнія можно бы начать рѣчи съ лѣтописныхъ сводовъ по спискамъ Лаврентьевскому и Ипатьевскому!

Но извѣстно, что могучій талантъ можетъ обнаружить свои силы и на аренѣ малой. Профессору Титову достаточно было и одного указаннаго *lapsus'a calami,* чтобы, блеснувъ своими историческими познаніями, констатировать „*невѣжество профессора Голубева въ знаніи элементарныхъ фактовъ исторіи западно-русской церкви*“.

Но сколь ни блестящи таланты проф. Титова—повѣствовательный и историческій—они меркнутъ предъ талантомъ его *критическимъ*, обнаруженнымъ при *освѣщеніи* того же lapsus'a calami. Сей послѣдній талантъ является здѣсь на высотѣ поистинѣ *недосягаемой!!*

Познанія историческія привели проф. Титова по трактуемому вопросу къ выводу „о грубомъ невѣжествѣ проф. Голубева въ знаніи элементарныхъ фактовъ исторіи западно-русской церкви“,— талантъ историческій привелъ его къ отрицанію сего вывода, по крайней мѣрѣ, по данному вопросу, и констатированію вины проф. Голубева *сугубой и трегубой. Нѣтъ*,—говоритъ проф. Титовъ,—*нѣтъ*, не могъ проф. Голубевъ считать основателемъ Стрятинской типографіи Гедеона Балабана (вмѣсто Ѳеодора Балабана). Вѣдь „свое сужденіе о первоначальномъ владѣльцѣ Кіево-Печерской типографіи и времени его смерти онъ (проф. Голубевъ) основываетъ, въ сущности, на своей же собственной статьѣ „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ“, которую совершенно точно цитуетъ. Очевидно, такимъ образомъ, что эта статья была у него подъ руками, когда онъ сочинялъ свое новѣйшее произведеніе подъ заглавіемъ „Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви“. Поэтому остается предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простою и вполнѣ понятною человѣческою слабостію—забывчивостію, *а съ намѣренною и съ завѣдомою фильсификаціею*“ (sic! sic! sic!—Курсивъ проф. Титова, а „сики“ наши).

Допустимъ, что „специфическіе пріемы учено-литературной дѣятельности“ проф. Голубева таковы, что онъ на ряду съ „*грубымъ невѣжествомъ* въ знаніи элементарнѣйшихъ историческихъ фактовъ“, обнаруживаетъ также „*грубое извращеніе*, иногда завѣдомую *фильсификацію* историческихъ данныхъ и даже своихъ

собственныхъ „мнѣній“, но допуская все это, нужно указать и на довлѣющіе мотивы для таковыхъ специфическихъ пріемовъ сего профессора, вступившаго въ тридцатипятилѣтіе своей учено-литературной дѣятельности.

Вотъ здѣсь-то во всемъ *недосягаемомъ величіи* и обнаружился критическій талантъ проф. Титова, который сіи мотивы по отношенію къ данному случаю изъясняетъ нижеслѣдующимъ образомъ:

„Профессору Голубеву, видимо, хотѣлось кого-то убѣдить въ томъ, что я (т. е. проф. Титовъ) подсказывалъ Кіево-Печерской Лаврѣ о необходимости празднованія 300-лѣтняго юбилея ея типографіи въ самомъ ближайшемъ будущемъ (1908 или даже 1907 г. г.). Для этого, онъ, повидимому, и рѣшился на такой *крайне неблаговидный поступокъ, какъ фальсификація своихъ собственныхъ сужденій.* Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ происхожденіе въ высшей степени странной фразы профессора Голубева: „изъ сихъ книгъ узнаемъ, что послѣ смерти епископа *Гедеона Балабана (1607 г.) его типографія* „припалая пыломъ“, т. е. долгое время находившаяся въ бездѣйствіи (Везерункъ цнотъ 1618 г.), „цѣною сребра“ *пріобрѣтена была кіево-печерскимъ архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ.* (Анѳологіонъ, 1619 г.)“.

Но *величіе* иногда бываетъ такъ *велико*, что простому смертному никакъ не удается уразумѣть его; а иногда при этомъ у него является и сомнѣніе: да съ величіемъ-ли онъ имѣетъ дѣло? (извѣстенъ афоризмъ, что отъ великаго до смѣшного только шагъ). Такое же облако сомнѣнія нашло на профессора Голубева и при разсмотрѣніи сейчасъ приведенной величавой тирады проф. Титова,—почему онъ и обращается къ почтеннѣйшей публикѣ съ нижеслѣдующею рѣчью:

Люди добрые! Усматриваете-ли вы въ приведенной тирадѣ—я не говорю *здравый смыслъ*,—но хотя-бы *проблески здравой мысли?*

Если усматриваете, то, усерднѣйше прошу, сообщите о семъ проф. Голубеву, который, какъ ни напрягаетъ свои мыслительныя способности, ничего подобнаго въ сихъ мутныхъ волнахъ усмотрѣть не можетъ.

XI.

Отъ конца статьи проф. Титова возвращаюсь къ ея началу, чтобы выяснить одну *деталь*. Я хотѣлъ было пройти ее молчаніемъ, какъ не имѣющую отношенія къ вопросамъ, затрогиваемымъ въ моихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“. Но проф. Титовъ думаетъ объ этомъ иначе: онъ заявляетъ, что я въ отзывѣ его, профессора Титова, о книгѣ г. Крыловскаго не замѣтилъ *главнаго и существеннаго*, и это *главное и существенное „нисколько не поколебалъ“*. Я обратилъ вниманіе только *на иллюстрацію*, но что именно иллюстрировано *упустилъ изъ вида*.

Дѣло, какъ оно выясняется проф. Титовымъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Г. Крыловскій напечаталъ списокъ „церковно-богослужебныхъ книгъ братской Львовской типографіи“. Списокъ этотъ проф. Титовъ признаетъ („*я* признаю“) составленнымъ *внимательно, тщательно* и *вообще важнымъ*, могущимъ оказать услугу библіографамъ въ ихъ ученыхъ розысканіяхъ“. Онъ, проф. Титовъ, не соглашается *„только съ одною мыслію* автора книги, высказанною имъ въ примѣчаніи 12 на стр. 307, гдѣ г. Крыловскій дѣлаетъ цифровой подсчетъ всѣмъ изданіямъ Львовской братской типографіи за время съ 1585 года по 1722 годъ“, причемъ оказывается, что братство за означенное время выпустило въ свѣтъ церковно-богослужебныхъ книгъ 123.757 (экземпляровъ), грамматикъ 500, букварей 34.237 и много другихъ книгъ, всего 160.000 экземпляровъ“.

Не соглашается проф. Титовъ съ означеннымъ подсчетомъ потому *(единственно потому)*, что г. Крыловскій внесъ въ свой каталогъ далеко не всѣ изданія, вышедшія за разсматриваемое время изъ Львовской братской типографіи. Именно, ему *„остались, къ сожалѣнію, неизвѣстными тѣ любопытныя наблюденія надъ старопечатными изданіями Львовскаго братства“*, которыя сдѣланы проф. Титовымъ во время его ученыхъ архивныхъ работъ,—т. е., остались неизвѣстными *цѣлыхъ восемнадцать изданій*, которыя проф. Титовъ и перечисляетъ.

Вина проф. Голубева, слѣдовательно, заключается въ томъ, что онъ *обратилъ вниманіе* только на эти *мнимыя библіографическія открытія* проф. Титова, приводимыя имъ для иллюстраціи его *возраженія* противъ означеннаго подсчета, а не обратилъ вниманія *на самое возраженіе* (которому проф. Титовъ придаетъ такую *высокую цѣну!*), „совершенно *не замѣтилъ* этого возраженія и *нисколько его не поколебалъ*“.

Что сказать по поводу такихъ рѣчей проф. Титова?

Можно сказать, что проф. Голубевъ въ данномъ случаѣ отнюдь не желалъ изображать собою того „любопытнаго“ (зри басни Крылова), который, бывши въ „кунсткамерѣ“, обратилъ вниманіе на „бабочекъ, букашекъ, козявокъ, мушекъ, тараканшекъ“, а „*слона-то и не примѣтилъ*“.

Ваши, проф. Титовъ, библіографическія открытія о львовскихъ братскихъ изданіяхъ и есть тотъ *слонъ*, хотя и *мыльнопузырчатый*, который требовалъ надлежащаго по нему щелчка, дабы своею величиною и ложнымъ блескомъ онъ не вводилъ *изслѣдователей* (да; какъ увидимъ ниже *очень почтенныхъ* изслѣдователей) въ заблужденіе,—что̀ проф. Голубевымъ въ его „Объяснительныхъ параграфахъ“ и сдѣлано.

А что касается подсчета, сдѣланнаго г. Крыловскимъ относительно количества экземпляровъ книгъ, выпущенныхъ изъ своей типографіи Львовскимъ братствомъ,—это уже *мелочь*.

Но если бы и на эту *мелочь* профессору Голубеву благоугодно было обратить вниманіе читателей, то онъ, при обсужденіи ея, не пошелъ бы по слѣдамъ проф. Титова, а освѣтилъ бы ее совершенно иначе,—*освѣтилъ такъ, какъ того требуетъ положеніе дѣла*, т. е., *дѣйствительные промахи, допущенные г. Крыловскимъ при означенномъ подсчетѣ*.

А въ чемъ сіи промахи заключаются или иначе, съ какихъ сторонъ долженъ быть освѣщаемъ подсчетъ г. Крыловскимъ экземпляровъ книгъ, выпущенныхъ Львовскою братскою типографіею,—сіе явственно будетъ изъ нижеслѣдующей бесѣды профессора Голубева съ А. С. Крыловскимъ.

Проф. Голубевъ. Любезнѣйшій Амвросій Семеновичъ! Профессоръ Титовъ заявляетъ, что вы не имѣли права „*катего-*

рически утверждать“, будто Львовское братство съ 1585 по 1722 г. выпустило въ свѣтъ *160.000 экземпляровъ книгъ*. По его словамъ, вы, очевидно, были увѣрены, что вамъ „удалось отыскать свидѣтельства о всѣхъ рѣшительно книгахъ, напечатанныхъ Львовскимъ братствомъ за указанное время“. Но вы ошибаетесь: вамъ остались неизвѣстными „любопытныя наблюденія“ проф. Титова „надъ старопечатными изданіями Львовскаго братства и вы, къ сожалѣнію, не могли ими воспользоваться при написаніи исторіи Львовской братской типографіи“: вамъ остались неизвѣстными *цѣлыхъ восемнадцать братскихъ изданій*. Что вы по поводу сего можете сказать? —

Г. Крыловскій. Степанъ Тимоѳеевичъ! Проф. Титовъ, надо полагать, кое-что въ моей книгѣ не досмотрѣлъ. Я не *выражаюсь категорически*, что Львовское братство съ 1585 (?) по 1722 годъ выпустило именно 160.000 экземпляровъ книгъ; я говорю, что оно выпустило ихъ за это время *болѣе* 160.000 экземпляровъ (число экземпляровъ, *превышающее* означенную цифру). Правда, въ подстрочномъ примѣчаніи къ сему мѣсту, гдѣ я дѣлаю детальный подсчетъ нѣкоторыхъ братскихъ изданій, я не повторяю словъ: „громадное количество экземпляровъ книгъ, *превышающее* 160.000 экземпляровъ“, а просто указываю эту цифру; но поступаю такъ во избѣжаніе плеоназма. Это первое. А затѣмъ вы, Степанъ Тимоѳеевичъ, въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ“ доказали, что всѣ открытія проф. Титова о львовскихъ братскихъ изданіяхъ суть открытія *мнимыя*; а такъ какъ на основаніи этихъ открытій, *единственно только на основаніи ихъ*, проф. Титовъ возражалъ противъ моего подсчета изданныхъ Львовскимъ братствомъ экземпляровъ книгъ, то послѣ торжественнаго провала открытій проф. Титова, само собою разумѣется, теряетъ всякую силу и значеніе и его возраженіе противъ моего подсчета. Не правда-ли, Степанъ Тимоѳеевичъ?

Проф. Голубевъ. Правда, Амвросій Семеновичъ. Вы не только *поколебали* направленное противъ вашего „подсчета“ возраженіе проф. Титова, но и совершенно возраженіе это *ни во что превратили*. Но вы не спѣшите торжествовать, потому что

„подсчетъ“ вашъ экземпляровъ книгъ, изданныхъ Львовскимъ братствомъ, открытъ для возраженій со многихъ сторонъ—и возраженія эти будетъ дѣлать вамъ уже не проф. Титовъ, но проф. Голубевъ,—что, я думаю вы чувствуете, составить нѣкую разницу.

Вотъ въ чемъ дѣло, Амвросій Семеновичъ.

Вы насчитываете всѣхъ изданій Львовскаго братства *сто тридцать восемь*. Но обо всѣхъ ли этихъ изданіяхъ вы имѣете свѣдѣнія, въ скольких экземплярахъ тѣ или иныя изъ нихъ вышли въ свѣтъ?—*Далеко не обо всѣхъ*. А если такъ, то позвольте спросить: чѣмъ вы руководствовались, выставляя количество экземпляровъ тѣхъ изданій, о которыхъ по данному вопросу свѣдѣній не имѣется?

Вы отвѣтите: *предположеніями* (почему-де я всюду свои цифры, свое обозначеніе количества экземпляровъ въ такихъ случаяхъ, сопровождаю знаками вопросительными).

Не отрицая того, что въ указанныхъ случаяхъ и можно руководствоваться только предположеніями, я хочу подчеркнуть, что предположенія-то ваши *не имѣютъ подъ собою надлежащей почвы*. А почему, я это изъясню вамъ способомъ наглядным.

Извѣстны за разсматриваемое время *пять* братскихъ изданій *Анѳологіона* (1632, 1638, 1643, 1651 и 1694 гг.) и *шесть* изданій *Евангелія* (1636, 1644, 1670, 1690, 1704 и 1722 гг.).

Расположимъ эти изданія въ послѣдовательномъ порядкѣ, обозначая противъ нихъ количество напечатанныхъ экземпляровъ, бу́де сіе извѣстно, и ставя черту, если количество ихъ неизвѣстно.

Анѳологіонъ	1632 г.	—
Анѳологіонъ	1638 г.	—
Анѳологіонъ	1643 г.	*1358* экземп.
Анѳологіонъ	1651 г.	—
Анѳологіонъ	1694 г.	*1446* экземп.
Евангеліе	1636 г.	—
Евангеліе	1644 г.	*1065* экземп.
Евангеліе	1670 г.	*1503* экземп.
Евангеліе	1690 г.	*1200* экземп.
Евангеліе	1704 г.	*1200* экземп.
Евангеліе	1722 г.	*1200* экземп.

Такимъ образомъ *изъ пяти* изданій Анѳологіона мы имѣемъ свѣдѣнія *о двухъ*, а изъ *шести* изданій Евангелія о *пяти*, въ сколькихъ экземплярахъ они выходили въ свѣтъ.

Зная, что Анѳологіонъ 1643 года былъ напечатанъ въ количествѣ *1358* экземпляровъ, а Анѳологіонъ 1694 года въ количествѣ *1446*,—какимъ образомъ можно предполагать, какъ *предполагаете* вы, Амвросій Семеновичъ,—что эта книга въ 1632, 1638 и 1651 гг. (остальныя три изданія) была печатаема только въ 600 экземплярахъ?

Тоже должно сказать и объ Евангеліи. Зная въ какомъ количествѣ экземпляровъ печатаема была эта книга Львовскимъ братствомъ *пять* разъ,—именно въ количествѣ превышающемъ, иногда даже значительно превышающемъ *тысячу* экземпляровъ,—почему мы будемъ предполагать, что братство одинъ только разъ, одно только изданіе Евангелія (свѣдѣній о которомъ по данному вопросу не имѣется) выпустило въ количествѣ *600* экземпляровъ?

Вы, надѣюсь, поняли въ чемъ дѣло и уразумѣли, гдѣ вамъ нужно было искать *опору* для вашихъ предположеній: *нужно было* восходить къ неизвѣстному *отъ извѣстнаго*, разумѣется, надлежаще пользуясь *совокупностію* сего извѣстнаго.

Столь же мало состоятельны, а по мѣстамъ *крайне несостоятельны* ваши, Амвросій Семеновичъ, *предположенія* по данному вопросу о тѣхъ братскихъ изданіяхъ, которыя не повторялись (выпущены были типографіею *однажды*).

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу примѣры.

Подъ № 1-мъ вашего каталога значится: „Αδελφότης. Грамматіка доброглаголиваго еллинословенскаго языка. 1591 года".

Вы *предполагаете*, что книжка эта издана была въ количествѣ только *500 экземпляровъ*.

Можно-ли считать правдоподобнымъ такое предположеніе?

Едва-ли, если примемъ во вниманіе, что

1) это былъ *учебникъ*,

2) притомъ учебникъ, выхода котораго въ свѣтъ ревнители просвѣщенія ждали съ *большимъ нетерпѣніемъ*: дѣлали львовскимъ братчикамъ заказы его, и заказы большіе, при первомъ извѣстіи объ этомъ ихъ книжномъ предпріятіи. „*Сто или двѣ-*

сти книгъ пришлише намъ, учинивши цѣну слушную“,—писало Виленское братство Львовскому, ознакомившись съ начальными (*пробными*) листами означеннаго учебника.

3) Спустя *двадцать шесть* лѣтъ послѣ изданія сего учебника, онъ, несмотря на широкое распространеніе, находился еще въ книжныхъ складахъ Львовскаго братства *и продавался* (нѣсколько экземпляровъ сего учебника—„книжки грамматіки грецкіе друка Львовскаго“—куплено было у львовскихъ братчиковъ въ *1617 году* тогдашнимъ ректоромъ Кіево-братской школы Іовомъ Борецкимъ).

4) Наконецъ, книжка эта, несмотря на обычную *малосохранность* учебниковъ, и въ настоящее время не составляетъ большой библіографической рѣдкости (я пріобрѣлъ прекрасно сохранившійся экземпляръ Львовской грамматики 1591 г. сравнительно не за дорогую цѣну).

Подъ № 26 своего каталога вы помѣщаете: „Воззваніе братства къ православнымъ о помощи на постройку церкви, школы и типографіи, 1600 года“; а подъ № 29-мъ Окружную грамоту Константинопольскаго патріарха Іереміи Кіевскому митрополиту Михаилу Рагозѣ, Литовско-русскимъ епископамъ, духовенству и мірянамъ, объ уничтоженіи обычаевъ приносить въ церковь мяса̀ и пироги для освященія въ праздники Рождества Христова и св. Пасхи и проч. 1589—1590 г., и Соборную грамоту о томъ же 1591 года“.

Обѣ эти грамоты и воззваніе вы считаете (предположительно) вышедшими въ свѣтъ въ количествѣ *100 экземпляровъ*.

Мыслимо-ли такое предположеніе, если Братство заботилось *о самомъ широкомъ* распространеніи своего воззванія, и упомянутыя грамоты *по самому содержанію своему* требовали разсылки ихъ *по всѣмъ приходамъ западно-русской церкви?*

Само собою понятно, что и воззваніе и, въ особенности, грамоты издаваемы были (что было недорого) не въ сотнѣ, даже не сотняхъ, а въ *тысячахъ экземляровъ*.

Затѣмъ прошу васъ обратить вниманіе на 293 стр. своей книги. Здѣсь вы пишете: „Св. Іоаннъ Златоустъ см. О воспитаніи чадъ, л. л. 4+40, въ 8⁰, 1609 г., въ количествѣ *200* (?) экземпляровъ“.

Смотримъ по вашему указанію эту книгу и находимъ ее въ каталогѣ подъ № 58; но здѣсь она значится вышедшею въ свѣтъ (предположительно) уже не въ количествѣ *200 экземпляровъ*, а въ количествѣ *500*.—Тоже случилось и съ книгою о *Священствѣ*, 1614 года: въ одномъ мѣстѣ (стр. 293) она значится вышедшею въ свѣтъ въ количествѣ 200 экземпляровъ, а въ другомъ (см. № 59) въ количествѣ *500*.—Положимъ, это недосмотры, но недосмотры какъ бы свидѣтельствующіе о произволѣ, допущенномъ вами при своихъ *предположеніяхъ* по трактуемому нами вопросу.

Затѣмъ—*и это самое главное*—каталогъ вашъ нуждается въ очищеніи отъ элементовъ ему чуждыхъ, т. е. въ исключеніи изъ него книгъ, братствомъ Львовскимъ неизданныхъ,—причемъ это исключеніе не должно ограничиваться только тѣми книгами, которыя попутно указаны мною въ „Объяснительныхъ параграфахъ“, но должно быть доведено до предѣловъ надлежащихъ. Въ особенности прошу васъ обратить вниманіе на № 43 вашего каталога, гдѣ значится *Катихизисъ* 1643—1645 года. Это не есть Катихизисъ Лаврентія Зизанія, изданный, по вашему предположенію, якобы Львовскимъ братствомъ (Катихизисъ Зизанія изданъ *въ 1627 году въ Москвѣ*), а „Собраніе краткой науки объ артикулахъ вѣры 1645 г.“, т. е. Катихизисъ П. Могилы, изданный въ Кіевѣ, но въ томъ или иномъ количествѣ экземпляровъ пріобрѣтенный для продажи львовскими братчиками.

Но довольно.

Что изъ сказаннаго слѣдуетъ?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вы, любезнѣйшій Амвросій Семеновичъ, не должны давать вѣры проф. Титову, который съ большою похвалою отзывается о составленномъ вами спискѣ львовскихъ братскихъ изданій за извѣстное время, заявляя, что этотъ списокъ составленъ *внимательно*, *тщательно* и *вообще весьма важенъ* и что *только съ одною мыслію*, высказанною вами, онъ, проф. Титовъ, не соглашается и противъ которой только и возражаетъ (каковое возраженіе вы столь блистательно опровергли). Повторяю, не вѣрьте профессору Титову: онъ *слѣпой цѣнитель*. Каталогъ вашъ братскихъ изданій со-

ставленъ плоховато, а по мѣстамъ и *совсѣмъ плохо*. Я далеко не всѣ недостатки его *даже намѣтилъ*. Это тѣмъ болѣе досадно, что въ хорошемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже очень хорошемъ знакомствѣ вашемъ съ львовскими братскими изданіями я не сомнѣваюсь. Многочисленныя ссылки, коими испещренъ каталогъ, на документы, *вами изданные*, только какъ-бы смягчаютъ означенные недостатки, но отнюдь ихъ не уничтожаютъ,— тѣмъ болѣе что эти ссылки по мѣстамъ нуждаются въ поправкахъ и комментаріяхъ. Вообще очень большой трудъ, положенный вами на составленіе списка книгъ, изданныхъ Львовскимъ братствомъ по 1722 годъ, далеко не соотвѣтствуетъ результатамъ (это не лучшая, а наиболѣе, слабая часть въ вашемъ сочиненіи). Я не имѣю въ виду проводить параллели между вашими библіографическими познаніями и таковыми же познаніями профессора Титова: *такого большого оскорбленія я нанести вамъ не вправѣ*. Тѣмъ не менѣе *по мѣстамъ* въ вашемъ библіографическомъ трудѣ (я подчеркиваю *по мѣстамъ*; см., напр. №№ вашего каталога 6, 31, 34 и примѣчаніе къ нему) чувствуется что-то Титовское (какъ будто оба вы помазаны мvромъ *изъ единаго библіографическаго сосуда*, только одинъ погуще, а другой пожиже).

Въ концѣ своей печатной бесѣды съ вами, Амвросій Семеновичъ, скажу тоже, что не разъ говорилъ вамъ и во время устной.

Слѣдовало-бы, дорогой мой, придти вамъ къ профессору Голубеву и попросить его просмотрѣть составленный вами списокъ львовскихъ братскихъ изданій. Времени у меня это отняло бы немного—одинъ вечерокъ, а пользы для дѣла было бы много: вы, умѣло воспользовавшись моими указаніями, выпустили бы свой списочекъ книгъ *чистенькимъ*,—чего теперь сказать о немъ отнюдь нельзя... Вы знаете, что проф. Голубевъ не одинъ вечерокъ и не одинъ утренничекъ посвящалъ бесѣдамъ съ вами по поводу вашей работы, и всегда дѣлалъ это не съ воздыханіемъ, а съ любовію. Очевидно, вы смѣшали понятіе о *библіотекарѣ* съ понятіемъ о *библіографѣ*. Но можно быть *прекраснымъ* библіотекаремъ (какой вы и есть) и въ тоже

время *неважнымъ* библіографомъ, что по отношенію къ вамъ, повторяю, тоже сущая правда. Разумѣется, эта правда не умаляетъ другихъ несомнѣнныхъ достоинствъ вашего многолѣтняго труда.

XII.

Профессоръ Титовъ заявляетъ, что не „истина и безпристрастіе“ руководили мною при написаніи „Объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви“, помѣщенныхъ въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Кіевской Дух. Академіи,—а *„непримиримая злоба“* (sic!) къ нему, профессору Титову, *„ложь и пристрастіе“*.

Относительно „лжи и пристрастія“ я рѣчей вести не буду, такъ какъ полная несостоятельность сего словоизверженія очевидна изъ всего доселѣ сказаннаго. Замѣчу только, что проф. Голубевъ всегда превыше всего ставилъ и ставитъ науку и никогда не позволитъ себѣ обратить ее въ орудіе для достиженія низменныхъ цѣлей. Всегда онъ дорожилъ и своею ученою репутаціею,—а вѣдь, превознести-ли до небесъ достойное научнаго порицанія, выразить-ли суровое порицаніе заслуживающему похвалы,—не значитъ ли это *губить* означенную репутацію?

Теперь о *„непримиримой злобѣ“*.

У профессора Голубева,—скажу я вамъ проф. Титовъ,—много недостатковъ, и числится за нимъ немало прегрѣшеній,—такъ что въ жизни будущей, при прохожденіи мытарствъ, зацѣпокъ ему со стороны вражеской силы будетъ достаточное количество. Но нѣкоторыя мытарства, уповательно, онъ проскочитъ съ быстротою самаго скораго поѣзда.

Къ такимъ мытарствамъ первѣе всего должно отнести два: одно, гдѣ души истязуются *за сребролюбіе*, другое—гдѣ онѣ истязуются *за сердце злобное*.

Рѣчь надлежитъ о послѣднемъ.

Профессоръ Голубевъ можетъ сильно вспылить, основательно выругаться, мѣтко уязвить, но достаточно самаго малаго времени, самаго легкаго дуновенія, чтобы громы и молніи умолкли, и его

сердечная атмосфера пришла въ прежнее тихое и свѣтлое состояніе. Профессоръ Голубевъ *физіологически не способенъ питать къ кому либо злобу* (такимъ создалъ его Господь Богъ); въ данномъ случаѣ для него *отнюдь не составляете исключенія и вы, проф. Титовъ.*

Этимъ проф. Голубевъ не хочетъ сказать, чтобы у него отношенія ко всѣмъ людямъ были одинаковыя. Нѣтъ. Съ однимъ онъ спаянъ узами неразрывными по сродству душъ и воззрѣній; съ другими отношенія у него обычныя, общечеловѣческія; могутъ встрѣчаться на его жизненномъ пути лица, которыя своими поступками невольно вызовутъ у него *чувство брезгливости...* Но вѣдь брезгливость и сердце злобное—двѣ вещи разныя.

Если же профессору Титову желательно знать, каковы были дѣйствительные (а не имъ воображаемые) „мотивы и цѣль напечатанія“ мною „Объяснительныхъ параграфовъ“, то это его желаніе я удовлетворить могу.

Сіи мотивы и сія цѣль ясны будутъ изъ нижеслѣдующаго повѣствованія.

Въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Кіевской духовной Академіи заслушана была рецензія профессора Титова на сочиненіе г. Крыловскаго: „Львовское ставропигіальное братство“,—та рецензія, въ которой сей профессоръ впервые повѣдалъ о своихъ многочисленныхъ библіографическихъ открытіяхъ. Рецензію читалъ самъ авторъ. Грѣшный человѣкъ, тогда же я хотѣлъ было заявить о полной неосвѣдомленности автора по данному вопросу; но *воздержался.* По прочтеніи рецензіи предстояло присужденіе не только преміи г-ну Крыловскому, но также и вознагражденія, *по усмотрѣнію Совѣта,* за трудъ *рецензенту.* Не могли-ли мои замѣчанія быть истолкованы въ смыслѣ желанія *умалить* размѣры означеннаго вознагражденія? Между тѣмъ ставить препонъ профессору Титову *въ этомъ отношеніи* я не хотѣлъ ни малѣйшихъ. Это первое. А затѣмъ *я предполагалъ,* что библіографическія открытія проф. Титова *такого свойства,* что никого изъ ученыхъ, съ славяно-русскою библіографіею соприкосновеніе имѣющихъ, ввести въ заблужденіе не могутъ, слѣдовательно, не могутъ и произвести сумятицы въ сей наукѣ.

Но почти тотчасъ же мнѣ пришлось убѣдиться въ неосновательности таковаго моего *предположенія*.

На другой, послѣ академическаго Совѣта, день я навѣстилъ своего давняго пріятеля А. А. Дмитріевскаго. Засталъ я его въ настроеніи *повышенномъ*.

— „Знаешь-ли“,—чуть не первыя были его слова,—„какъ мнѣ вчера совѣстно было сидѣть въ Совѣтѣ! Я положительно *краснѣлъ*“.

— „Что такое? Какъ? Почему?“,—спрашиваю.

— Да какъ же“,—отвѣчаетъ пріятель,—„Ѳедоръ-то Ивановичъ Титовъ! Сколько сдѣлалъ онъ библіографическихъ открытій, и между ними книгъ богослужебныхъ! А я, пойми ты *я*, извѣстный *литургистъ*, ничего объ этихъ книгахъ не зналъ. *Требникъ, изданный Львовскимъ братствомъ! Служебникъ, изданный Львовскимъ братствомъ!* Ты пойми, вѣдь это“...

Но тутъ мой громкій хохотъ прервалъ горячую рѣчь пріятеля.

— „Успокойся,—говорю,—Алексѣй Аѳанасьевичъ! Знаешь-ли, вѣдь всѣ эти библіографическія открытія ничто иное какъ *Триполіада*, *Три-по-лі-а-да!!!*“

— „Какъ?! Быть не можетъ?“

— „*Истину глаголю непреложную*“!

Но здѣсь необходимо объяснить почтеннѣйшей публикѣ, что такое *Триполіада*.

Въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1877 и 1878 годы печаталось довольно обширное сочиненіе священника *Н. Трипольскаго* подъ заглавіемъ: „Уніатскій митрополитъ. Ипатій Поцѣй и его проповѣдническая дѣятельность“. Въ 1878 году сочиненіе это вышло отдѣльною книгою и было авторомъ представлено въ Совѣтъ нашей Академіи въ качествѣ магистерской диссертаціи. Спеціалистъ В. Ѳ. Пѣвницкій далъ о немъ похвальный отзывъ, и оно допущено было къ публичной защитѣ. Другимъ оффиціальнымъ оппонентомъ назначенъ былъ я. И вотъ, штудируя эту диссертацію, я пришелъ къ непреложному заключенію, что она есть сочиненіе *наиничтожнѣйшее*, не уясняющее затрагимаемые въ ней вопросы, но только ихъ затемняющее, привносящее путаницу въ наши свѣдѣнія о проповѣднической дѣ-

ятельности Ипатія Поцѣя,—словомъ, сочиненіе, представляющее движеніе въ наукѣ *не впередъ, а назадъ*.

А правъ-ли я былъ, пришедши къ такому безпощадно суровому приговору относительно означенной диссертаціи, для уразумѣнія сего считаю достаточнымъ ограничиться слѣдующими краткими рѣчами.

Уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй былъ проповѣдникъ, пользовавшійся въ свое время большою популярностію, и послѣ его смерти осталось значительное количество проповѣдей („казаній и гомилій"), но не всѣ онѣ уцѣлѣли: нѣсколько рукописныхъ тетрадей сихъ проповѣдей было утеряно. Въ 1714 году уцѣлѣвшія „казанія и гомиліи (именно отъ „недѣли мясопустной до дня сошествія Св. Духа") въ польскомъ переводѣ изданы были владимірскимъ бискупомъ Львомъ Кишкою, съ присоединеніемъ къ нимъ въ началѣ—*біографіи* Поцѣя, а въ концѣ—письма къ Поцѣю Александрійскаго патріарха Мелетія и отвѣта на это письмо самого Поцѣя [1]).—Въ 1788 году „Казанія и гомиліи" И. Поцѣя изданы были вновь, но на этотъ разъ съ присоединеніемъ къ нимъ (кромѣ упомянутыхъ письма патріарха и отвѣта на него) *проповѣдей разныхъ теологовъ и казнодѣевъ XVIII столѣтія*,—такъ что проповѣди самого Поцѣя въ этомъ изданіи, заключающемъ въ себѣ 1245 + 81 [2]) страницъ убористаго шрифта (in 4°), занимаютъ значительно меньшую часть книги. Отецъ же Трипольскій, пользовавшійся этимъ изданіемъ, всѣ находящіяся здѣсь проповѣди, *всѣ безъ исключенія*, призналъ *принадлежащими Ипатію Поцѣю*. Можете себѣ представить, какой отсюда произошелъ кавардакъ?!

Что въ этомъ изданіи помѣщены проповѣди не одного Ипатія Поцѣя, но и другихъ, гораздо позднѣе его жившихъ лицъ,—это можетъ быть явлено многими данными, притомъ свойства

---

[1]) Не говорю здѣсь о Супрасльскомъ изданіи проповѣдей И. Поцѣя 1674 года, вышедшемъ на русскомъ языкѣ. Это указаніе библіографовъ требуетъ нарочитыхъ рѣчей

[2]) На 81 страницахъ помѣщены въ концѣ книги упомянутые письмо патріарха Мелетія и отвѣтъ на него И. Поцѣя.

разнообразнаго: усматриваемыми не только зрѣніемъ острымъ, но и обычнымъ, въ надлежащія стороны направляемымъ.

Острымъ зрѣніемъ можетъ быть усмотрѣно, что проповѣди отъ недѣли мясопустной до дня Сошествія Св. Духа включительно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ—и изложеніемъ простымъ, почти всегда безыскусственнымъ (отъ остальныхъ проповѣдей вѣетъ схоластикою), и ораторскими пріемами (почти всегда одинаковое обращеніе къ слушателямъ, чего не усматривается въ другихъ проповѣдяхъ) и, наконецъ самымъ, объемомъ (проповѣди Поцѣя значительно короче остальныхъ). Зрѣніемъ и не столь острымъ, но вооруженнымъ соотвѣтствующими очками, можно усмотрѣть въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ послѣ дня Сошествія Св. Духа, ссылки на произведенія такихъ писателей, которые жили послѣ кончины И. Поцѣя († 1613), а также можно видѣть, что, напр., казаніе на 14 нецѣлю по сошествіи Святаго Духа составлено было *въ 1785 году* [1]), т. е. спустя 172 года послѣ означенной кончины. Наконецъ самый заглавный листъ, напечатанный буквами крупными, всякому зрѣнію доступными, гласитъ, что лица, выпускавшія въ свѣтъ разсматриваемое изданіе, отнюдь не желали вводить читателей въ заблужденіе: они *ясно, точно и опредѣленно* заявили, что ихъ изданіе заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ, „Казанія и гомиліи *отъ недѣли мясопустной до дня сошествія Св. Духа* мужа вѣчной памяти Ипатія Поцѣя..., ранѣе сего, въ 1714 году, изданныя въ Супраслѣ владимірскимъ бискупомъ Львомъ Кишкою; и, во вторыхъ, *на дальнѣйшія недѣли казанія и гомиліи извѣстныхъ богослововъ и проповѣдниковъ*,—и такимъ образомъ выпускаемое изданіе является сборникомъ проповѣдей на недѣли всего года [2]).

---

[1]) См. упомянутаго изданія стр. 700, гдѣ говорится, что „przez lat *tysiąc siedemset ośmdziesiąt i pięc* niezliczone wiernych Chrzescian dusze na żywot wieczny Niebu wykormiły".

[2]) Kazania i Homilie *od Niedzieli Przedzapustney do Niedzieli i Poniedziałku Zesłania Ducha S.* Męża Niesmiertelney Pamięci *Hypacyusza Pocieia* Z Kusztelana Brzeskiego Litt. Mnicha Z. S. Bazylego W. Biskupa Włodzimierskiego i Brzesk: Oraz Metropolity Caley Rusi w roku 1714 z Listem i odpowiedzią do Melecyusza, przez I. W. Leona Kiszkę bis-

Если къ этому присовокуплю, что сочиненіе о. Трипольскаго не чуждо и плагіатовъ, начиная съ выдаваемыхъ за свои трактаціи изъ трудовъ М. О. Кояловича (перепечатаны въ библіографическомъ очеркѣ Поцѣя цѣлыя страницы) и кончая таковыми же заимствованіями изъ рукописныхъ кандидатскихъ диссертацій студентовъ Кіевской Академіи,—то *полнѣйшая непригодность* сего сочиненія для полученія магистерской степени является во всемъ своемъ блескѣ.

Въ виду этого пишущій сіи строки обратился къ тогдашнему ректору нашей Академіи преосвященному Михаилу съ просьбою дозволить ему, прежде диспута о. Трипольскаго, представить письменный отзывъ объ его сочиненіи, какъ степени магистерской не заслуживающемъ. Но преосвященный Михаилъ къ этой моей просьбѣ отнесся очень холодно, заявивъ, что я о недостаткахъ означеннаго сочиненія могу трактовать „сколько моей душѣ угодно“ на самомъ диспутѣ. Тоже самое отвѣтилъ мнѣ и В. Ѳ. Пѣвницкій, когда я заявилъ ему о ничтожествѣ труда о. Трипольскаго.

Состоялся диспутъ.

Воспоминанія о немъ среди кіевлянъ не совсѣмъ изгладились и до настоящаго времени. Послѣ моихъ заключительныхъ словъ: „*безъ ущерба для чести Академіи* о. Трипольскій за свое сочиненіе *не можетъ быть удостоенъ степени магистра богословія*“,—произошло нѣкоторое замѣшательство. Публика изъ залы, гдѣ происходилъ диспутъ, была удалена въ виду предстоявшаго обсужденія дѣла въ закрытомъ засѣданіи академическаго Совѣта. Здѣсь большинствомъ одного или двухъ голосовъ защита диссертаціи признана удовлетворительною и постановлено было ходатайствовать объ удостоеніи о. Трипольскаго степени магистра богословія, каковую степень онъ и получилъ.

---

kupa Włodzimierskiegó w Supraslu do druku podane. *Na dalsze zaś Niedziele przez pewnych tegoż Zakonu S. Bazylego W. Prowincyi Koronney Teologow i Kaznodzieow przydane, i tak na wszystkie Niedziele całego Roku, w nineyszym 1788 nowo wydrukowane.* Za pozwoleniem Zwierchnosci. W Drukarni I. K. Mci i Rzpłey u X. X. Razylianow w Poczaiowie.

Повидимому, въ данномъ случаѣ сыгралъ большую роль *авторитетъ* В. Ѳ. Пѣвницкаго.

Позволю себѣ по этому поводу уклониться немного въ сторону.

Что В. Ѳ. Пѣвницкій пользовался и пользуется вполнѣ заслуженною славою знаменитаго гомилета, что онъ всегда составлялъ одно изъ лучшихъ *украшеній* нашей Академіи,—это, разумѣется, неоспоримо. Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что не всѣ области своей *обширнѣйшей* науки Василій Ѳедоровичъ могъ разрабатывать самостоятельно. Къ такимъ областямъ въ особенности должно отнести *южно-русское проповѣдничество*. А такъ какъ это послѣднее, будучи мало разработаннымъ теперь, еще менѣе было разработано въ 1878 году,—то въ распоряженіи Василія Ѳедоровича литература по означенному проповѣдничеству могла быть самая скудная. Отсюда, при подкупающей внѣшности сочиненія о. Трипольскаго (оно, подобно произведеніямъ проф. Титова, написано слогомъ хорошимъ, изобилуетъ ссылками на источники и пособія), и могъ произойти прискорбный недосмотръ со стороны Василія Ѳедоровича, одобрительно о немъ отозвавшагося.

Но главная ошибка Василія Ѳедоровича въ этомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, состояла въ томъ, что онъ, когда на диспутѣ выяснилось полное въ научномъ отношеніи ничтожество сочиненія о. Трипольскаго, не отказался отъ одобрительнаго о немъ отзыва, *первый* не высказался о непригодности его, какъ магистерской диссертаціи. Этимъ Совѣтъ былъ бы выведенъ изъ затрудненія. Василій Ѳедоровичъ неоднократно (и, разумѣется, вполнѣ искренно) заявлялъ, что для него *честь родной Almae Matris* дороже даже *собственной чести*. А вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло и шло объ ея чести, *безъ ущерба* которой, какъ я выразился на диспутѣ, о. Трипольскій *не могъ быть удостоенъ степени магистра богословія*,—при каковомъ мнѣніи я остаюсь и доселѣ.

Теперь, когда мои читатели ознакомились съ тѣмъ, что такое *Триполіада*, возвращаюсь къ прерванной моей бесѣдѣ съ А. А. Дмитріевскимъ.

Нужно хорошо знать Алексѣя Аѳанасьевича,—человѣка, горячо любящаго разрабатываемую имъ науку—*Литургику* и къ вопросамъ литургическимъ относящагося *съ ревностью женщины влюбленной*,—чтобы понять, насколько возвысилось его настроеніе, когда онъ (послѣ моихъ разъясненій) увидѣлъ себя введеннымъ въ заблужденіе профессоромъ Титовымъ!!

„*Сего оставить* (т. е. пройти молчаніемъ) *никоимъ образомъ тебѣ нельзя!* воскликнулъ онъ съ жаромъ великимъ, подкрѣпивъ свое восклицаніе соотвѣтствующимъ движеніемъ.

И я понялъ, что пройти молча мимо мнимыхъ библіографическихъ открытій проф. Титова человѣку, въ своихъ „Объяснительныхъ параграфахъ по исторіи западно-русской церкви“ поставившему задачею, между прочимъ, исправлять вкравшіяся въ сію область ошибочныя мнѣнія,—дѣйствительно никоимъ образомъ нельзя. Примѣръ А. А. Дмитріевскаго, ученаго весьма почтеннаго, введеннаго однако открытіями проф. Титова въ заблужденіе, былъ у меня передъ глазами. А затѣмъ мнѣ припомнилась та же „Триполіада“. Въ свое время я *печатно* не выяснилъ значенія магистерской диссертаціи о. Трипольскаго, полагая, что для сего вполнѣ достаточенъ былъ самый его диспутъ, надѣлавшій много шума. Однако я ошибся, и въ ошибкѣ этой убѣдился только не задолго до провозглашенія проф. Титовымъ его библіографическихъ открытій. Просматривая обширный трудъ извѣстнаго Львовскаго профессора М. С. Грушевскаго „Исторія Украини—Руси“. я увидѣлъ, что въ числѣ наиболѣе важныхъ пособій для исторіи западно-русской церкви начала XVII в. указывается (horribile dictu!) и упомянутое сочиненіе о. Трипольскаго: „Уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй и его проповѣдническая дѣятельность“ [1]). Очевидно *(я уразумѣлъ)*, *печатные ярлыки* для извѣстнаго сорта сочиненій и открытій *необходимы*.

---

[1]) Исторія Украини—Руси. т. V, частина II. У Львови, 1905. (стр. 660). (Здѣсь перечисляются и слабоватыя пособія, но они, какъ таковыя, и отмѣчаются, чего по отношенію къ труду о. Трипольскаго авторомъ не сдѣлано, очевидно, по невѣдѣнію).

Такимъ образомъ, главною причиною, побуждавшею меня печатно выяснить значеніе библіографическихъ открытій проф. Титова, былъ *ученый долгъ*.

Къ этой главной, основной причинѣ присоединились и побочныя.

Академіею Наукъ поручено было мнѣ дать отзывъ объ упомянутомъ сочиненіи г. Крыловскаго: „Львовское ставропигіальное братство“, представленномъ имъ на соисканіе Гоголевской преміи. Передъ тѣмъ мною уже составлена была (и отослана) рецензія на туже книгу по порученію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ. Переписать прежнюю рецензію для отсылки ея въ Академію Наукъ было неудобно: являлась необходимость, *несмотря на краткость времени* [1]), существенно ее восполнить. Подоспѣвшія къ сему времени библіографическія открытія проф. Титова, тѣсно связанныя съ книгою г. Крыловскаго, представляли для означенной цѣли матеріалъ обильный, которымъ я и воспользовался. (Центральная часть моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“, напечатанныхъ въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Кіев. Дух. Академіи за 1906 годъ, есть извлеченіе изъ отосланной въ Академію Наукъ рецензіи на книгу г. Крыловскаго).

Библіографическія открытія проф. Титова были таковы (т. е. пріемы, приведшіе къ этимъ открытіямъ), что (какъ видно изъ ранѣе сказаннаго) убѣдили меня въ непреклонномъ желаніи

---

[1]) Порученіе Академіею Наукъ сдѣлано было мнѣ въ апрѣлѣ 1906 года, но дошло до меня (по вторичному извѣщенію) только въ августѣ. Посылка съ книгами г. Крыловскаго, вслѣдствіе отсутствія моего изъ Кіева, отослана была обратно въ Петербургъ. А первое письмо г. Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ, вмѣстѣ *со многими* другими письмами, начиная съ 1905 года, вручено было мнѣ нашимъ библіотечнымъ служителемъ Артемомъ только недѣли двѣ тому назадъ при разборкѣ (по переѣздѣ на другую квартиру) книгъ, изъ которыхъ они дождемъ сыпались. Доставка книгъ въ нашей Академіи организована плоховато. Письма обычно вкладываются въ книги, въ изобиліи получаемыя каждымъ профессоромъ. Книги эти, за долгимъ иногда отсутствіемъ профессора, перевязываются, и письма тамъ покоятся не прочитанными.

сего профессора не сходить съ ложной дороги, на которую онъ сталъ при своихъ изысканіяхъ о началѣ типографской дѣятельности Кіево-Печерской Лавры. Въ интересахъ научныхъ слѣдовало *печатно* отмѣтить и это (предостеречь проф. Титова).

Еще одно послѣднее сказаніе.

Проф. Титовъ готовъ поставить мнѣ въ упрекъ, что я повѣдалъ міру объ его открытіяхъ ранѣе, чѣмъ это сдѣлалъ онъ самъ, т. е. ранѣе напечатанія рецензіи въ Академическихъ протоколахъ. Но его рецензія заслушана Совѣтомъ, за сію рецензію онъ получилъ отъ Совѣта вознагражденіе въ 200 рублей, и рецензія его съ сего времени сдѣлалась документомъ *оффиціальнымъ*, въ сообщеніи копіи съ котораго ни мнѣ, ни кому либо другому изъ профессоровъ канцелярія отказать была-бы не вправѣ. Не подъ спудъ же хотѣлъ проф. Титовъ положить свою рецензію и свои открытія. Извѣстно, что свѣтильники возжигаются не для сего.

XIII.

Покончивъ со всѣми разноглагольствованіями проф. Титова и всѣми, предъявленными имъ ко мнѣ обвиненіями, подведемъ итогъ сказанному.

1) Мнѣніе проф. Титова *о двойныхъ* Львовскихъ изданіяхъ, т. е. что *извѣстныя въ библіографіи* книги, какъ вышедшія *въ тѣ или иные годы во Львовѣ* изъ типографій *Слёзки, Желиборскаго* и *базиліанъ* (при Каѳедрѣ), выходили или (какъ поправляется проф. Титовъ) могли выйти *въ тѣ же годы* изъ типографіи Львовскаго братства, *потому что въ описяхъ*, бывшихъ подъ руками у проф. Титова, они значатся книгами *печати Львовской*,—есть мнѣніе *совершенно несостоятельное, произвольное, многими данными и соображеніями опровергаемое*,—есть мнѣніе, вымученное пріемами, *ничего общаго съ наукою не имѣющими*. Мнѣніе это, воплощаемое въ реальную оболочку, привело бы (*неизбѣжный логическій выводъ*) къ такимъ *красотамъ* въ библіографическихъ трудахъ:

„Ключъ разумѣнія изданъ—какъ значится на заглавномъ его листѣ—*въ 1665 году, во Львовѣ, въ типографіи Михаила Слѣзки*; впрочемъ въ „Описяхъ“ значится, что Ключъ Разумѣнія 1665 года *Львовской печати*, а проф. Титовъ понимаетъ выраженіе *Львовской печати* въ смыслѣ *Львовской братской типографіи*; слѣдовательно, въ означенномъ году было два изданія сей книги [1]) и т. д., и т. д, все та же галиматья.

2) Тѣ изданія, которыя въ описяхъ значатся книгами *печати Львовской* въ библіографіи же неизвѣстны, тоже не выходили изъ Братской типографіи (а уповательно и ни изъ какихъ другихъ львовскихъ, что́ для знакомыхъ съ дѣятельностію сихъ типографій явственно). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ошибками *въ датахъ* описей, для иллюстраціи каковыхъ ошибокъ приведенный примѣръ (объ Анѳологіонѣ, якобы вышедшемъ въ свѣтъ въ 1691-мъ году) можетъ служить достаточно вразумительнымъ доказательствомъ.

3) Утвержденіе проф. Титова, что я, проф. Голубевъ, при составленіи своихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ въ основу ихъ положилъ „Описаніе славяно-русскихъ книгъ“ Каратаева и устарѣвшіе труды Зубрицкаго и Вишневскаго, которыми пользовался, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ, безъ критики,—есть утвержденіе *недобросовѣстное*, разсчитанное на малое знакомство читателей съ вопросами библіографическими. Статья проф. Голубева обнаруживаетъ *самое близкое знакомство его съ старопечатными книгами*, о которыхъ въ ней ведутся рѣчи. Къ Каратаеву онъ отсылаетъ за справками своихъ читателей только въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣетъ нужды приводить длиннѣйшія заглавія старопечатныхъ книгъ, полностію сообщае-

---

[1]) Я было сдѣлалъ дополненіе: „или, *по позднѣйшему* заявленію проф. Титова, *могло быть*“. Но въ корректурѣ вычеркнулъ это дополненіе, ибо вы, проф. Титовъ, пишете: «я понималъ и *понимаю* выраженіе печати *Львовской* въ смыслѣ Львовской *братской* типографіи».—Опять цовторяю, вести съ вами бесѣду нелегко: мышленіе у васъ какое-то странное, *нелогическое*. Выше я отмѣтилъ (удержалъ) вашу *позднѣйшую поправку*. Выходитъ какъ бы нѣкоторая шероховатость; но въ ней я *неповиненъ*,—что́ и отмѣчаю.

мыя въ Описаніи сихъ книгъ Каратаева. Труды Зубрицкаго и Вишневскаго, въ извѣстныхъ частяхъ устарѣвшіе, выводятся проф. Голубевымъ на сцену потому, что вкравшіяся въ нихъ ошибочныя мнѣнія доселѣ продолжаютъ смущать изслѣдователей и потому не могли быть оставлены (гдѣ это по ходу его библіографической работы требовалось) *безъ разъясненій* (исправленій), для чего нужна была *критика, критика и критика* [1]).

4) Утвержденіе проф. Титова, что проф. Голубевъ путается въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ,—именно, въ однихъ случаяхъ понимаетъ выраженіе описей *„Львовской печати“* вообще, а въ другихъ—ограничительно, въ примѣненіи къ одной только *Братской*,—есть утвержденіе вполнѣ справедливое во второй своей части, гдѣ профессору Голубеву усвояется означенное пониманіе выраженія описей: *„Львовской печати“*,—но есть совершенно несправедливое—въ первой, гдѣ заявляется, что въ данномъ случаѣ проф. Голубевъ путается въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ. Путаница всецѣло царитъ въ головѣ самого профессора Титова, который не въ состояніи въ надлежащемъ порядкѣ размѣстить въ ней добытыя имъ библіографическія свѣдѣнія: *никакъ не можетъ ихъ осмыслить*. Онъ не соображаетъ, что выраженіе описей *„Львовской печати“* по отношенію къ тѣмъ книгамъ, которыя вышли въ свѣтъ, когда во Львовѣ существовала *одна только славяно-русская типографія—Братская*,—единственно можетъ быть понимаемо въ смыслѣ Львовской *Братской* типографіи; а *тоже самое* выраженіе описей относительно книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ при существованіи во Львовѣ нѣсколькихъ славяно-русскихъ типографій, въ такомъ *ограничительномъ смыслѣ понимаемо быть не можетъ*. Отсутствіе подобной сообразительности, напоминающее повѣствователя о „капитанѣ Копѣйкинѣ“, и было главною причиною мнимыхъ библіографическихъ открытій проф. Титова. Отсутствіе подобной сообразительности и побудило

---

[1]) Кстати, чтобы быть точнымъ до скрупулезности, отмѣчу, что я, кромѣ перечисленныхъ выше указаній на недоразумѣнія Зубрицкаго, вскользь упоминаю еще объ его ошибочномъ мнѣніи объ Апостолѣ 1654 года,—что въ разъясненіяхъ, по очевидности ошибки, не нуждалось.

профессора Титова сдѣлать столь неудачное нападеніе на проф. Голубева.

5) Утвержденіе проф. Титова, что проф. Голубевъ пользуется „чисто сказочными пріемами критики“ и, благодаря подобнымъ пріемамъ, у него *невозможное* въ одномъ случаѣ, оказывается *совершенно возможнымъ* въ другомъ,—есть крупное *недоразумѣніе*, происшедшее отъ обилія мышей въ квартирѣ проф. Титова, выгрызшихъ въ „Объяснительныхъ параграфахъ“ проф. Голубева одно небольшое, но очень важное мѣстечко, что́ и ввело хозяина квартиры въ ошибку: побудило его увеличить количество старыхъ экземпляровъ Евангелія предъ новымъ его изданіемъ въ 1703 году ровно въ *тринадцать разъ*, каковое увеличеніе нужно было для того, чтобы выступить противъ проф. Голубева съ упомянутымъ обвиненіемъ.

6) Крайне неодобрительный отзывъ проф. Титова о моей трактаціи относительно Евангелія 1703—1704 г., какъ отзывъ голословный, ни единымъ доказательствомъ не подкрѣпляемый, есть его личное мнѣніе, свидѣтельствующее о той или иной степени его пониманія и историческаго чутья. Но того видимаго и осязательнаго факта, что Евангеліе *съ датою 1690 года* имѣетъ на оборотѣ заглавнаго листа гравюру *1697 года* и заздравную молитву о королѣ Іоаннѣ, скончавшемся въ *1696 году*, проф. Титовъ *отрицать не можетъ*, а отсюда *не можетъ отрицать*, что означенное Евангеліе заключаетъ и невѣрную дату и анахронизмъ въ молитвѣ за короля. Поэтому голословное его нападеніе на меня за этотъ именно выводъ *есть верхъ ученой недобросовѣстности.*

7) Обвиненіе меня проф. Титовымъ *въ пошлой выходкѣ* противъ Лавры, какъ основанное единственно на томъ фактѣ, что *я отмѣтилъ и исправилъ ошибку*, допущенную устроителями выставочнаго отдѣла старопечатныхъ книгъ въ Лаврской библіотекѣ *при опредѣленіи ими даты Львовскаго Евангелія 1670 года*,—есть такое обвиненіе, которое нисколько *(ни на іоту)* не затрагивая *чести и достоинства* обвиняемаго, накладываетъ *клеймо* на личность *самого обвинителя*,—клеймо—вслѣдствіе очевидности—въ названіи не нуждающееся.

8) Утвержденіе проф. Титова, что *Львовское Евангеліе 1670 года* не могло (вопреки мнѣнію проф. Голубева) своею *неясною* датою отъ Рождества Христова вводить въ заблужденіе составителей описей, *потому что* при этой неясной датѣ на означенномъ Евангеліи *дата отъ сотворенія міра* напечатана *явственно*, слѣдовательно, составители не могли допустить ошибки въ прочтеніи даты отъ Рождества Христова,—есть утвержденіе, блистательно опровергаемое: а) каталогомъ Лаврской библіотеки, гдѣ Евангеліе 1670 года занесено подъ 1606-мъ годомъ; б) выставочнымъ отдѣломъ старопечатныхъ книгъ въ помянутой библіотекѣ, гдѣ означенное Евангеліе значится тоже вышедшимъ въ свѣтъ въ 1606 году, и в) наконецъ библіографическою работою самого проф. Титова, который, имѣя передъ глазами ясно изображенныя въ описи даты старопечатной книги и отъ Рождества Христова, и отъ сотворенія міра,—даты, *между собою несходныя* и ясно показывающія ошибочность одной изъ нихъ, *не обращаетъ на это никакаго вниманія* и основываетъ свои сужденія („библіографическое открытіе“) на датѣ отъ Рождества Христова, *датѣ ошибочной!*

Утвержденіе же проф. Титова, что составители описей книгъ (въ 1744 году) были люди въ семъ дѣлѣ опытные, а потому *никогда не могли перепутать хронологическихъ датъ въ старопечатныхъ книгахъ* („этого не могло *никогда* [1]) случиться“),—есть утвержденіе, обнаруживающее какъ бы нѣкое глумленіе надъ читателями нашего академическаго журнала, которымъ хорошо уже извѣстно, что въ помянутыхъ описяхъ ошибки встрѣчаются нерѣдко, притомъ ошибки *наикуръезнѣйшія*.

9) Статья проф. Титова подъ заглавіемъ: „Поправка и дополненіе къ исторіи Кіевской духовной Академіи“ заключаетъ въ себѣ одинъ цѣнный фактъ, именно документальное указаніе, что наша Академическая библіотека сгорѣла не въ 1784 или 1785 гг., какъ утверждаетъ въ своей студенческой (напечатанной) работѣ г. Серебренниковъ,—а *29 февраля 1780 года*. Но фактъ этотъ не составляетъ *новинки*, ибо свѣдѣнія о пожарѣ 1780 года, когда

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ проф. Титову.

погибла Академическая библіотека, *на основаніи тѣхъ же документальныхъ данныхъ*, которыя имѣетъ въ виду проф. Титовъ, давно уже сообщены въ нашемъ трудѣ—„Исторіи Кіевской духовной Академіи“. Дѣлаемый же профессоромъ Титовымъ выводъ изъ означеннаго факта: „Академическая библіотека сгорѣла 29 февраля 1780 года *вся*“, есть выводъ ошибочный,—ибо, во 1-хъ, и *въ настоящее время* въ нашей Академической библіотекѣ имѣется нѣкоторое количество книгъ *съ ясными признаками* нахожденія ихъ въ сей библіотекѣ *до пожара 1780 года* (каковы, напр., книги изъ Могилинской библіотеки), и во 2-хъ, по свидѣтельству И. Ѳ. Тимковскаго, обучавшагося въ Кіевской Академіи въ 1785—1785 гг., Академическая библіотека „погорѣла *важнѣйшею частію*“, но *не вся:* „остатокъ ея, *что спасено*, разложенъ былъ по рядамъ въ большой церкви монастыря на широкихъ хорахъ“,—гдѣ Тимковскій и другіе питомцы Академіи „имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать что могли и что позволено“.

Предположеніе проф. Титова, что принадлежавшія Петру Могилѣ книги, находящіяся въ настоящее время въ нашей Академической библіотекѣ, „могли быть переданы въ нее не *самимъ* митрополитомъ Петромъ Могилою, *а другими лицами, къ которымъ онѣ какимъ-либо образомъ перешли послѣ смерти митрополита Петра Могилы*, и могли поступить въ нашу библіотеку *и послѣ пожара 1780 года*“,—есть предположеніе *неудобопріемлемое* въ виду того, что библіотека Петра Могилы, *согласно его духовному завѣщанію*, поступила въ излюбленную имъ Коллегію (нашу Академію) *вся* [1]).

Утвержденіе проф. Титова, что свидѣтельство Тимковскаго представляетъ „*небольшую цѣнность*“: онъ-де не былъ оче-

---

[1]) „Записую на тужъ (Могилянскую) коллегію.. *всю библіотеку* на разныхъ языкахъ, *которую я чрезъ всю мою жизнь собиралъ*, въ настоящее время отданную на сохраненіе отцу Намѣстнику Софійскому, *и которой каталогъ, съ подписью руки моей, я отдалъ помянутымъ отцамъ коллегіатамъ* (изъ духовнаго завѣщанія П. Могилы, составленнаго *за девять дней* до его кончины, 22 декабря 1646 года).

видцемъ пожара, могъ перепутать: книги, поступившія въ Академію послѣ 29 февр. 1780 года, принять за остатокъ библіотеки, уцѣлѣвшій отъ пожара, и *во всякомъ случаѣ* его свидѣтельству должно должно быть предпочтено свидѣтельство очевидца-ректора Академіи, заявившаго въ своемъ донесеніи, что библіотека и начальническія келіи *совсѣмъ погорѣли*,—есть утвержденіе, имѣющее подъ собою почву весьма *ненадежную*; ибо рѣчи Тимковскаго, *хорошо освѣдомленнаго по данному вопросу*, такъ ясны и опредѣленны, что *сомнѣній не возбуждаютъ*, донесеніе же ректора Академіи можетъ быть *комментировано* (зри мои „Объяснительные параграфы"), а если бы сей комментарій (указывается въ донесеніи количество книгъ *сгорѣвшихъ*, а *не всѣхъ*, находившихся въ библіотекѣ), былъ отринутъ и донесеніе ректора Академіи имѣло быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что въ означенное время изъ сгорѣвшей библіотеки книгъ *вовсе не было спасено*, то и *тогда* должно быть отдано предпочтеніе свидѣтельству Тимковскаго, какъ никакого недовѣрія не возбуждающему, предъ свидѣтельствомъ ректора Академіи, имѣвшаго побужденіе преувеличить размѣры постигшаго Академію бѣдствія въ чаяніи получить наибольшее вспомоществованіе,—каковое лукавство есть явленіе не необычное, наилучше иллюстрируемое указанною нами челобитною государю архимандрита и братіи Кіево-Печерской Лавры съ просьбою о вспомоществованіи на возобновленіе сгорѣвшей въ 1718 году Лаврской церкви (отъ 16 апрѣля 1719 года).

10) Утвержднie проф. Титова, что проф. Голубевъ есть полный невѣжда въ области славяно-русской библіографіи, каковое „полное свое невѣжество" обнаружилъ въ особенности при рѣшеніи вопроса о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской Лаврѣ,—есть утвержденіе человѣка, колѣна свои преклоняющаго передъ Вельзевуломъ, который *въ истинѣ не стоитъ*, а есть *ложь и отецъ лжи*. Ибо съ утвержденіемъ этимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи стоятъ труды проф. Голубева не только библіографическіе, но и историческіе, въ значительной части своей основанные на изученіи старопечатныхъ книгъ,—труды, высоко оцѣненные нашими первоклассными учеными и стяжавшіе ему почетное мѣсто въ нашей церковно-исторической наукѣ.

Въ частности, что касается вопроса о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, то въ рѣшеніи этого спорнаго вопроса проф. Голубевъ принималъ самое живое участіе, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, людямъ науки, интересующимся симъ вопросомъ, извѣстны, и съ выводами этими они согласны. Разногласіе, возникшее между проф. Голубевымъ и академикомъ А. И. Соболевскимъ касается *не высказанныхъ мною положеній по вопросу о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ*, а только одной *детали* (не одинаковое пониманіе одного мѣста въ панегирикѣ Е. Плетенецкому). Но относительно этой детали должно замѣтить, что пониманіе ея проф. Голубевымъ признается знатоками малороссійскаго языка *правильнымъ* (объ этомъ заявлено было печатно), да и самъ А. И. Соболевскій, повидимому, не склоненъ защищать свое толкованіе.

11) Заявленіе проф. Титова, что каталогъ Львовскихъ братскихъ изданій въ сочиненіи г. Крыловскаго за время съ 1585 по 1722 г. составленъ „*тщательно, внимательно*, и что онъ, проф. Титовъ, не согласенъ *только съ одною мыслію* автора“ (съ подсчетомъ количества экземпляровъ книгъ, выпущенныхъ Братскою типографіею) и противъ нея только *возражаетъ*, и что это возраженіе проф. Голубевъ „не замѣтилъ и нисколько его не поколебалъ“,—есть заявленіе совершенно къ дѣлу не относящееся. Разсматриваемое же независимо отъ сего, въ смыслѣ желанія обратить вниманіе читателей *на научную значимость* означеннаго возраженія, оно должно быть отнесено къ числу неудачныхъ выступовъ проф. Титова; ибо въ вышеприведенной бесѣдѣ проф. Голубева съ г. Крыловскимъ подвергается ударамъ съ двухъ сторонъ: г. Крыловскій не только „колеблетъ“ возраженіе проф. Титова, но и обращаетъ его ни во что; а проф. Голубевъ убѣждаетъ самого г. Крыловскаго, что его каталогъ Братскихъ львовскихъ изданій составленъ плоховато, а по мѣстамъ и совсѣмъ плохо, и онъ не долженъ довѣрять проф. Титову, утверждающему противное, такъ какъ въ данномъ случаѣ сей профессоръ оказывается *цѣнителемъ слѣпымъ*.

Проф. Титовъ заявляетъ, что проф. Голубевъ проникнутъ „высокомѣріемъ ученаго монополиста, *не терпящаго никакого противорѣчія своимъ мнѣніямъ*“. Такое заявленіе едва-ли справедливо. Проф. Голубевъ отнюдь не считаетъ себя *непогрѣшимымъ* ученымъ и всегда не только готовъ отказаться, но и *отказывается отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній* [1]). Онъ желаетъ

---

[1]) К. Харламповичъ въ своемъ сочиненіи—«Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в.»... Казань, 1898,—частенько, притомъ иногда съ задоромъ молодого ученаго, нападаетъ на нѣкоторыя мнѣнія проф. Голубева (что сему ученому, при его диспутѣ въ Петербургской Академіи, даже поставлено было какъ бы въ упрекъ). Волею судебъ означенное сочиненіе, представленное авторомъ на соисканіе Карповской преміи, попало въ руки для рецензіи къ проф. Голубеву. Что же онъ? Не воспылалъ-ли къ сему ученому «непримиримою злобою»? Нѣтъ, онъ далъ очень хорошій отзывъ объ означенномъ сочиненіи, призналъ его *заслуживающемъ преміи по всей справедливости*. Что же касается нападеній на рецензента, то, признавъ нѣкоторыя изъ нихъ несостоятельными, онъ другія нашелъ вполнѣ резонными. «Иронію г. Харламповича по нашему адресу (о крупной ошибкѣ, точнѣе, большомъ недосмотрѣ, допущенномъ нами относительно сочиненія Карповича *Ламентъ у свѣта убогихъ*) считаемъ (писали мы) *заслуженною* и остаемся ему благодарными за указаніе». Ошибка, допущенная мною и указанная г. Харламповичемъ, побудила меня къ одному: обратить болѣе серьезное вниманіе на затронутый вопросъ (о проповѣдяхъ Карповича) и *загладить* свою ошибку сообщеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о проповѣднической дѣятельности Карповича,—что, по возможности, и было сдѣлано.

Другой примѣръ.

Съ однимъ ученымъ я не согласенъ былъ по вопросу о томъ, *двѣ-ли* въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи были церкви *Воздвиженская* и *Симеоновская*, или *одна*, но только носившая двойное названіе. Я держался того мнѣнія, что *двѣ*. Но вотъ, при своихъ работахъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи я нахожу, на ряду со многими другими данными о Воздвиженской церкви, *документальное* подтвержденіе, что эта церковь носила названіе и *Симеона Столпника*, т. е. *нахожу опроверженіе своего мнѣнія*. И что же? Разумѣется, я тотчасъ же заявляю о семъ печатно (см. «Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древнемъ Кіевѣ. Статья вторая. *О древней*

только, чтобы его заблужденія были ему *показаны* и *доказаны*. Полагаю, что это естественное желаніе всякаго ученаго,—и не вина проф. Голубева, если иногда случалось, что онъ благодарилъ своихъ рецензентовъ только за указаніе ...*корректурныхъ недосмотровъ*. Не виноватъ проф. Голубевъ и передъ проф. Титовымъ, если ему остается поблагодарить послѣдняго только, во 1-хъ, за указаніе одного, для моихъ рѣчей никакого значенія не имѣющаго, недосмотра (проф. Титовъ рецензировалъ мою статью: „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.“, а не мое—какъ я *ошибочно* [1]) полагалъ—сочиненіе: „Исторія Кіевской Духовной Академіи“) и во 2-хъ, одного *lapsus*'а *calami* (написано: „епископа Гедеона Балабана,+1607“,—вмѣсто: „Ѳеодора Балабана † 1606“),—lapsus'а, *въ данномъ случаѣ* [2]) тоже никакого существеннаго значенія не имѣющаго.

Воздвиженской церкви въ Кіевѣ. Кіевъ, 1904 г.).—Почему спѣшу? Да потому—скажу словами Погодина—что «найти истину, какую бы то ни было, пріятно, но увидать свою ошибку и получить возможность исправить ее,—едва ли не есть пріятнѣе для ученаго, который любитъ искренно свою науку, особенно такую, какъ Отечественная Исторія, и желаетъ ей успѣха больше всего».

[1]) Упоминаніе о моей Исторіи Кіевской дух. Академіи или, точнѣе, сужденіе объ одномъ вопросѣ, въ ней затрагиваемомъ, находится въ рецензіи проф. Титова (о чемъ я совсѣмъ запамятовалъ, почему и не сослался въ свое время на эту именно рецензію) на упомянутое сочиненіе г. Крыловскаго о Львовскомъ братствѣ, гдѣ послѣдній упрекается за то, что принялъ мое мнѣніе о происхожденіи братствъ,—каковое мнѣніе проф. Титовъ считаетъ устарѣвшимъ.«То что было принято—говоритъ онъ—въ 1880 годахъ, когда еще господствовалъ фактически археологическій методъ (sic!!!) въ изученіи историческихъ явленій и когда еще только что началъ завоевывать себѣ надлежащее мѣсто критическій методъ изслѣдованія тѣхъ же явленій, по крайней мѣрѣ въ области русской церковной исторіи, въ настоящее время никакъ не можетъ (sic!!!) считаться общепринятымъ».—Не слѣдуетъ-ли «по этой самой причинѣ» отвергнуть и мое мнѣніе объ учрежденіи Кіево-богоявленскаго братства въ 1616 году?

[2]) *Въ данномъ случаѣ*, т. е. когда рѣчь идетъ *исключительно* о томъ, что Стрятинская типографія *долгое время* послѣ смерти ея

Теперь нѣсколько словъ объ ученыхъ пріемахъ проф. Титова. Они до крайности просты и несложны.

Вооружается проф. Титовъ іерихонскою трубою, садится передъ зеркаломъ, внимательно всматривается въ свои черты, очень мѣтко ихъ схватываетъ и громогласно заявляетъ, что онъ видитъ проф. Голубева, представшаго предъ нимъ во всемъ его умственномъ убожествѣ и нравственной нечистоплотности!

Разумѣется, это есть нѣкая какъ-бы поэтическая вольность, образное представленіе идеи. Но вопросъ въ томъ, насколько это образное представленіе *соотвѣтствуетъ дѣйствительности.*

Вопросъ этотъ можно уяснить наинагляднѣйшимъ способомъ. Представляю образецъ такого способа.

Утвержденіе профессора Титова *„о первой лжи“* профессора Голубева:

Употребляетъ проф. Голубевъ *пріемы сказочные, фантастическіе, путается въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ,—въ однихъ случаяхъ* понимаетъ выраженіе описей: *Львовской печати* вообще, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ *всѣ* типографіи, существующія во Львовѣ, въ другихъ—*одну только Братскую*, словомъ *„огородъ огородитъ, сказку сочиняетъ“*.

За симъ слѣдуютъ:

1) Сужденія профессора Голубева, заслужившія такіе эпитеты:

а) Когда во Львовѣ существовала одна только славяно-русская типографія *Братская*, то выраженія описей *Львовской печати* о книгахъ, вышедшихъ въ это время, во время существованія одной только означенной типографіи, должно быть понимаемо въ смыслѣ львовской *Братской* типографіи (напр., „Книга о священствѣ“ 1614 года, *Львовской печати*, слѣдов., эта книга львовской *Братской* печати, такъ какъ въ данное время во Львовѣ существовала одна только славяно-русская типографія *Братская*).

основателя находилась въ запустѣніи (*въ данномъ случаѣ* былъ-ли ея основателемъ Сидоръ или Иванъ дѣло безразличное, коль скоро они скончались почти одновременно).

б) Когда во Львовѣ существовало нѣсколько типографій—Братская, Слёзки, Желиборскаго и т. д., то выраженіе описей *Львовской печати* о книгахъ, вышедшихъ во Львовѣ въ это время, должно быть прилагаемо ко всѣмъ имъ: слѣдовательно, нельзя уже *всѣ* книги *Львовской печати* пріурочивать исключительно къ одной Братской, а нужно дѣлать распредѣленіе книгъ по типографіямъ, принимая во вниманіе наличность имѣющихся въ распоряженіи данныхъ (напр., въ описяхъ значится *Апостолъ* 1639 года *Львовской печати*; такъ какъ извѣстенъ Апостолъ *1639 года*, изданный во Львовѣ въ типографіи М. Слёзки, то упоминаемый въ описяхъ Апостолъ и есть сей самый).

2) Сужденія проф. Титова по данному вопросу, побудившія его приписать проф. Голубеву вышеозначенные эпитеты:

а) Выраженіе описей о книгахъ *„печати Львовской* нужно понимать въ смыслѣ Львовской *братской* типографіи, *когда бы книги эти въ свѣтъ ни вышли*, т. е. и при одновременномъ существованіи во Львовѣ нѣсколькихъ типографій; отсюда всѣ книги, значащіяся въ описяхъ книгами *печати Львовской*, суть книги *Братской* Львовской типографіи (здѣсь и есть источникъ библіографическихъ открытій проф. Титова).

б) Тѣ книги (по описи) *Львовской* печати, которыя имѣются въ настоящее время *въ наличности* и на нихъ явственно обозначено, что они вышли *не изъ Братской*, а изъ другихъ Львовскихъ типографій,—не можетъ колебать означеннаго пониманія, ибо эти книги суть одновременныя (одногоднія) изданія той или иной типографіи, конкурирующей съ Братскою. А то обстоятельство (добавимъ отъ себя), что изъ книгъ Львовскаго братства, на которыя указываетъ проф. Титовъ, какъ на двойныя изданія, не находится ни одной, есть обидная случайность.

По этому упрощенному способу могутъ быть расчленены сужденія профессоровъ Голубева и Титова и по другимъ выше изложеннымъ между ними разногласіямъ. Всюду результаты получатся одинаковые.

Но довольно относительно сего, предовольно!

XIV.

Я надѣюсь, что для моихъ читателей выяснились съ достаточною ясностію и основательностію (ибо я не люблю высказывать тѣ или иныя положенія *бездоказательно*),—выяснились: и *полное ничтожество въ научномъ отношеніи* направленной противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ статьи проф. Титова, и *крайняя ея нечистоплотность*. Статья эта, какъ я заявилъ выше, *есть служеніе не Богу—исторической Истинѣ, а преклоненіе предъ Вельзевуломъ*.

Но остается совершенно невыясненнымъ, по крайней мѣрѣ для значительнаго большинства моихъ читателей, такое обстоятельство,—почему это проф. Голубевъ обращаетъ вниманіе на такую ничтожную статью, притомъ вниманіе изъ ряда вонъ выходящее: оставляетъ серьезную работу, въ которую всецѣло былъ погруженъ, и съ долготерпѣніемъ поистинѣ Іовлевымъ, шагъ за шагомъ, съ остановками и роздыхами для читателей, съ приспособленіями рѣчи для пониманія большинства, разсматриваетъ произведеніе проф. Титова, заслуживающее только презрительнаго взгляда, и расчленяетъ его по суставчикамъ?

Такое обстоятельство тѣмъ болѣе нуждается въ объясненіи, что друзья и доброжелатели проф. Голубева, въ которыхъ онъ недостатка не имѣетъ, настоятельно совѣтовали ему не терять драгоцѣннаго времени для статьи, которая говоритъ сама за себя, которая сама носитъ на себѣ *клеймо позора*. Въ особенности сильно ратовалъ за сіе А. А. Дмитріевскій (такъ настойчиво заявлявшій о необходимости разоблачить мнимыя открытія проф. Титова); онъ говорилъ, что выступленіе съ печатнымъ словомъ противъ статьи о. Титова *скомпрометируетъ* меня, покажетъ, что я придаю какое-либо значеніе сей ничтожнѣйшей статьѣ, принижаюсь до объясненій съ ея авторомъ, и т. д. и т. д.

И тѣмъ не менѣе, не взирая на все это, проф. Голубевъ энергично берется за перо, и пишетъ не статью размѣровъ малыхъ, а почти цѣлую книгу по поводу нелѣпѣйшаго произведенія проф. Титова.

Что сіе означаетъ?

Сіе означаетъ, что проф. Голубевъ смотритъ на статью проф. Титова не какъ на обычное литературное произведеніе тѣхъ или иныхъ свойствъ и качествъ, а какъ на *чрезвычайно важный историческій документъ*, имѣющій значеніе для него, проф. Голубева, *біографическое*, а для его Almae Matris —*историческое*.

Въ статьѣ проф. Титова, какъ бы въ нѣкоемъ фокусѣ, сосредоточилось то фантазированіе, которое, служа источникомъ для разнаго рода легендарныхъ сказаній, окружало профессора Голубева, то ослабѣвая, то усиливаясь (смотря по времени), въ теченіе почти всей его свыше тридцатилѣтней службы при Академіи. Какъ все легендарное оно было неуловимо. Статья проф. Титова это неуловимое сдѣлала осязательнымъ,—отсюда она получаетъ значеніе чрезвычайно *важнаго историческаго документа*, безъ опубликованія котораго очень многое въ біографіи проф. Голубева, а также протоколахъ его Almae Matris осталось бы трудно объяснимымъ.

. . . . . .

XV. XVI. XVII.

. . . . . .

XVIII.

Я не буду вдаваться въ область прошлаго. Предоставляю будущему историку нашей Almae Matris заняться уясненіемъ разнообразныхъ вопросовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ біографіи проф. Голубева (если сіе найдено будетъ интереснымъ),— почему, напр., служебная карьера сего профессора въ родной ему Академіи шла не особенно гладко: въ теченіе *25-ти лѣтъ* (что случай безпримѣрный) онъ пребывалъ въ званіи *приватъ-доцента* и *доцента* и какъ бы *заматорѣлъ* въ чинѣ статскаго совѣтника[1]); почему въ былыя времена онъ считался опаснымъ

[1]) Относительно служебныхъ наградъ будущему историку Академіи сообщу, что въ данномъ случаѣ не безъ вины и самъ проф. Голубевъ. Въ 1891 году бывшій кіевскій, подольскій и волынскій

либераломъ при тѣхъ убѣжденіяхъ, не измѣняя которымъ, онъ считается теперь несноснымъ *реакціонеромъ* и т. д., и т. д.

Прошлое—достояніе исторіи. Профессоръ Голубевъ указываетъ будущему историку Кіевской Академіи на статью проф. Титова, какъ *на важный историческій документъ для своей біографіи*—и только. Дѣло сего историка разсмотрѣть его и оцѣнить. Самъ же проф. Голубевъ имѣетъ въ виду использовать означенный документъ исключительно для настоящаго, *текущаго времени.*

Статья проф. Титова,—какъ я заявилъ и, надѣюсь, *доказалъ*,—есть *служеніе не Богу—исторической Истинѣ*, а *служеніе Вельзевулу.*

Является вопросъ: могутъ-ли такія статьи, клеймо позора на себѣ носящія, производить впечатлѣніе, не соотвѣтствующее означенной характеристикѣ?

Безъ сомнѣнія, могутъ и притомъ на людей, которые отъ этого, повидимому, должны бы быть застрахованы.

А вотъ и фактъ, сіе подтверждающій.

Редакторъ нашего академическаго журнала проф. В. П. Рыбинскій въ началѣ мая любезно сообщилъ мнѣ, что онъ сдалъ въ типографію статью проф. Титова, направленную противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“.—Я заявилъ, что ничего противъ этого не имѣю, недоумѣваю только: какія по существу можетъ сдѣлать мнѣ возраженія проф. Титовъ? Дѣло ясное, послѣ сдѣланныхъ мною разъясненій сомнѣній не возбуждающее.—„Нѣтъ, знаете-ли,—отвѣтилъ В. П. Рыбинскій,—Ѳедоръ Ивановичъ нашелъ“... и проч.

генералъ-губернаторъ графъ Игнатьевъ за исполненіе г. Голубевымъ (тогда доцентомъ) одного порученія, имѣвшаго отношеніе къ его занятіямъ по исторіи западной Россіи, имѣлъ ходатайствовать о помпозной для него наградѣ; но г. Голубевъ, *отринувъ сіе, взамѣнъ сего,* просилъ графа ходатайствовать объ открытіи въ Кіевской дух. Академіи каѳедры *по исторіи западно-русской церкви.* Дальнѣйшій ходъ по этому дѣлу мнѣ неизвѣстенъ. Но и *по сіе* время означенная каѳедра въ нашей Академіи, столь для необходимая, не открыта (Отчетъ проф. Голубева объ означенномъ порученіи графа Игнатьева напечатанъ. Изданіе оффиціальное).

А теперь ставлю другой вопросъ: какъ дѣло обстояло бы въ томъ случаѣ, если бы проф. Титову не благоугодно было *печатно* заявить *„о грубомъ невѣжествѣ“* проф. Голубева въ знаніи элементарнѣйшихъ историческихъ фактовъ, *грубомъ извращеніи*, а иногда *фальсификаціи* имъ историческихъ данныхъ, и т. д., и т. д.,—а онъ ограничился бы только *словесными докладами* обо всемъ этомъ въ кругу своихъ товарищей по Академіи?

Обстояло бы такъ, что *печать молчанія* съ устъ своихъ проф. Голубевъ снять бы *не могъ* (по крайней мѣрѣ, не подвергаясь укоризнамъ).

Но на всякаго мудреца довольно простоты. Въ своей нечистоплотной игрѣ проф. Титовъ сдѣлалъ un faux pas: не ограничился означенными докладами, но свои словоизверженія предалъ *тисненію*, и этимъ оказалъ профессору Голубеву наивеличайшую услугу, ибо сему профессору ненавистенъ *мракъ*, а *свѣта онъ не боится*, и чѣмъ больше свѣта, тѣмъ лучше.

Къ сожалѣнію, не всегда легко, а иногда и удобно освѣщать нѣкоторые предметы.

Статья проф. Титова, какъ литературное произведеніе, поддается учету легкому, но какъ историческій документъ, имѣющій отношеніе къ біографіи проф. Голубева, при означенномъ учетѣ представляетъ трудности большія.

Напримѣръ, утвержденія проф. Титова о неправильномъ пониманіи проф. Голубевымъ выраженія описей: *„Львовской печати“*, о томъ, что онъ допустилъ пошлую выходку противъ Лавры и т. д.,—подобныя утвержденія ниспровергаются легко, при первомъ къ нимъ прикосновеніи.

Но что вы скажете противъ сложившагося у нѣкоторыхъ членовъ нашей академической корпораціи, подъ вліяніемъ рѣчей проф. Титова, мнѣнія, что проф. Голубевъ плоховатый церковный историкъ и въ случаѣ (предполагавшагося) перехода проф. Титова въ Петербургъ былъ бы очень неудачнымъ его замѣстителемъ (къ чему стремился) по каѳедрѣ Исторіи Русской Церкви? Вѣдь проф. Голубевъ не имѣетъ ни права, ни основаній сомнѣваться *въ честности* кого-либо изъ своихъ товарищей по Академіи, *за исключеніемъ профессора Титова*; а потому не мо-

жетъ сомнѣваться и въ томъ, что держащіяся означеннаго взгляда лица руководствовались побужденіями честными: имѣли въ виду *благо и пользу Академіи.*

Что относительно этого можно сказать?

Когда, какъ-то вечеркомъ, явился ко мнѣ нѣкій доброжелатель и настойчиво совѣтовалъ, чтобы я, въ случаѣ ухода изъ Академіи проф. Титова, не подавалъ прошенія на имѣвшуюся освободиться каѳедру (исторіи рус. церкви), *не срамился*, потому что на частномъ совѣщаніи рѣшено торжественно меня забаллотировать и т. д., и т. д. [1]),—я сему доброжелателю сказалъ: „если я буду знать, что и ни одного бѣлаго шара не получу, то и тогда непремѣнно подамъ прошеніе на означенную каѳедру, ибо *къ этому меня обязываетъ нравственный и ученый долгъ.*

Это было сказано въ то время, когда печать молчанія съ моихъ устъ для печатнаго слова не была снята.

Теперь послѣ снятія этой печати я могу повести по сему предмету рѣчи болѣе обстоятельныя,—рѣчи, никакого практическаго значенія не имѣющія (переходъ проф. Титова въ Петербургъ не состоялся), но не лишенныя для меня значенія біографическаго.

Я сознаю чрезвычайную трудность предстоящей мнѣ задачи: дать рекомендацію въ полной правоспособности къ занятію каѳедры по исторіи русской церкви *самому себѣ* и съ достаточною наглядностію показать, что сія рекомендація не есть ложная.

Я знаю, что на каждое мое *положеніе* можетъ быть высказано нѣсколько *противоположеній.*

Я буду говорить, что былъ любимѣйшимъ ученикомъ И. И. Малышевскаго, что онъ высоко (можетъ быть болѣе, чѣмъ я заслуживалъ) цѣнилъ мои ученые труды и преподавательскія способности, о чемъ нерѣдкія мотивированныя заявленія его можно находить въ нашихъ академическихъ протоколахъ за разные годы; что его *завѣтною* мечтою было *видѣть* меня своимъ преемни-

---

[1]) *Въ сущности* тоже самое (т. е. такой же *совѣтъ*, безъ упоминанія о „совѣщаніи“ и „забаллотировкѣ“) сказано было мнѣ однимъ изъ *наичестнѣйшихъ* моихъ товарищей—доброжелателей.

комъ по каѳедрѣ (незадолго до смерти Иванъ Игнатьевичъ частенько поговаривалъ объ отставкѣ).

А мнѣ возразятъ: Иванъ Игнатьевичъ былъ человѣкъ очень добрый, къ вамъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ пристрастенъ, Совѣтъ Академіи это видѣлъ и его заявленіямъ о васъ или совсѣмъ не довѣрялъ или давалъ имъ соотвѣтствующую окраску, дѣлалъ изъ нихъ иные выводы и т. д.

Я буду говорить: воззрите на мои ученые труды,—видители груды сія? Притомъ примите во вниманіе, какіе отзывы существуютъ о лучшихъ изъ нихъ: „такія сочиненія появляются годами и десятилѣтіями“, „представляютъ многопроцентный вкладъ“, „принадлежатъ къ трудамъ, составляющимъ гордость и украшеніе нашей ученой литературы“ и т. д.—Пересчитайте сколько я получилъ за свои труды премій (даже исключивъ преміи нашей Академіи, какъ иногда очень легко получаемыя) и золотыхъ медалей.

А мнѣ возразятъ: „все сіе преувеличено; можно указать рецензіи на ваши труды, хотя тоже одобрительныя, но привносящія нѣкоторый диссонансъ въ пѣніе вамъ акаѳистовъ“, и при этомъ могутъ сдѣлать ссылку и на послѣднюю статью проф. Титова, гдѣ заявляется о моемъ *грубомъ невѣжествѣ въ знаніи элементарнѣйшихъ историческихъ фактовъ*, *грубомъ извращеніи и даже фильсификаціи историческихъ данныхъ* и т. д...

Но главное, даже лица, склонныя признать за моими трудами нѣкоторое научное значеніе, могутъ сказать: труды эти, бо́льшею частію, касаются исторіи западно-русской церкви; а это—только *уголокъ всей* исторіи русской церкви. „И будетъ Голубевъ, возсѣвъ на каѳедру сей исторіи, читать своего Петра Могилу (изъ рѣчей „нѣкоего доброжелателя“). Онъ—узкій спеціалистъ“.

Что на сіе сказать, и какъ поступить, имѣя въ виду такія возраженія?

Очевидно, проф. Голубеву, какъ человѣку уступчивому, остается, если не согласиться съ своими оппонентами, то, по крайней мѣрѣ, отказаться отъ вышеуказанныхъ за, приводимыхъ имъ въ качествѣ доказательствъ его полной правоспособности съ честію занять въ родной Академіи каѳедру по исторіи русской церкви, если бы она была (послѣ предпола-

гавшагося перехода проф. Титова въ Петербургъ) свободною,— что́ онъ и дѣлаетъ, пуская означенные **за** на смарку.

Но проф. Голубевъ, при своей уступчивости, есть человѣкъ „грубаго высокомѣрія", а потому и пустивъ на смарку свои **за**, онъ намѣревается упорно отстаивать свое мнѣніе относительно его правоспособности къ занятію означенной каѳедры, громогласно восклицая: *достоинъ*, *достоинъ*, *достоинъ!!*

Но какъ же онъ это сдѣлаетъ? Нельзя же, отказавшись отъ одного дворца (трудовъ напечатанныхъ), въ одну ночь выстроить другой *по иному плану*. Это бываетъ только въ сказкахъ.

Нѣтъ, другого дворца проф. Голубевъ строить не намѣренъ. Онъ прибѣгнетъ къ иному пріему, взявъ за девизъ: *non multum, sed multa*; ибо иногда и изъ немногаго можно заключать о многомъ.

Иллюстрирую свою мысль примѣромъ.

Пришелъ я нѣкогда на обѣдъ къ одному очень высокопоставленному лицу,—пришелъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ. За столомъ, кромѣ хозяина, было два гостя. Мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ однимъ изъ іерарховъ россійской церкви (архіереемъ). И вотъ я слышу, что сей іерархъ ведетъ рѣчи *совсѣмъ несуразныя*, *его высокому сану отнюдь неподобающія*. Я выпилъ рюмку водки одну, выпилъ другую.

„А вы, профессоръ,—обращается ко мнѣ сей іерархъ,—очевидно водочку-то любите кушать. Смотрите, какъ у васъ дрожитъ рука".

— „Я, Ваше Преосвященство,—отвѣчаю,—люблю пить водочку, но пью ее умѣренно. Рука же дрожитъ у меня не отъ пьянства, а отъ *негодованія*, что пришлось сидѣть рядомъ съ такимъ іерархомъ, каковъ Вы".

— „Да какъ вы можете говорить такъ обо мнѣ? Да развѣ вы меня знаете?"

— „Я, Ваше Преосвященство, въ нѣкоторомъ родѣ историкъ, притомъ нелишенный историческаго чутья; а потому для меня иногда достаточно увидѣть *хвостикъ* звѣрка, чтобы опредѣлить, что это за звѣрокъ".

— „А я какой звѣрокъ?"—вопросилъ меня іерархъ.

Ну, грѣшный человѣкъ, и отчиталъ я сего іерарха,—да отчиталъ такъ, какъ, вспыливши, способенъ иногда отчитывать проф. Голубевъ. Не даромъ онъ 25 лѣтъ состоялъ въ званіи приватъ-доцента и доцента и заматорѣлъ въ чинѣ статскаго совѣтника.

Произошла нѣкоторая неловкость. Ее сгладилъ хозяинъ, который, улыбнувшись и указуя на меня перстомъ, рекъ: *се Израильтянинъ, въ немъ же нѣсть лукавства.*

Такъ вотъ, если профессоръ Голубевъ, будучи умнымъ человѣкомъ, по хвостику звѣрка можетъ опредѣлять, съ какимъ именно звѣркомъ онъ имѣетъ дѣло,—то почему же люди болѣе его умные по хвостику самого профессора Голубева, въ надлежащую сторону (сообразно съ цѣлію) имъ направленному, не могли бы опредѣлить—достойный-ли это для занятія каѳедры по исторіи русской церкви звѣрокъ, или нѣтъ?

Имѣя въ виду это, проф. Голубевъ и намѣревается показать часть своего хвостика.

Именно, онъ обращается мыслію къ тому средоточному кругу нашихъ ученыхъ тружениковъ, который именуется Императорскою Академіею Наукъ, и имѣетъ дерзновеніе обратиться съ рѣчами къ двумъ возсѣдающимъ въ ней очень большимъ ученымъ, академикамъ А. А. Шахматову и Е. Е. Голубинскому.

А въ чемъ будутъ состоять сіи рѣчи, и какія изъ нихъ возможны заключенія, все сіе составитъ содержаніе слѣдующаго отдѣльца.

XIX.

Бесѣда профессора Голубева съ академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Глубокоуважаемый Алексѣй Александровичъ! Я не имѣю чести и удовольствія быть лично съ вами знакомымъ; но я знакомъ съ вашими учено-литературными трудами, стяжавшими вамъ столь широкую и столь почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Вы считаетесь лучшимъ знатокомъ нашихъ лѣтописей, изученіе которыхъ направлено вами на пути новые. Разумѣется, нѣкоторыя изъ вашихъ положеній суть положенія спорныя. Но важна

чрезвычайно важна новая оригинальная постановка многихъ вопросовъ.

Я сказалъ, что знакомъ съ вашими трудами. Это не значитъ, что я ихъ *изучилъ*. Послѣднее есть дѣло очень сложное. Изучить ваши труды значило бы изучить всѣ древне-русскіе памятники. Труды ваши не поддаются обычному чтенію, что понятно безъ объясненій. Я изучаю ихъ или попутно, въ связи съ своими учеными работами, или въ свободное отъ текущихъ занятій время.

При этомъ попутномъ изученіи, я кое въ чемъ съ вами и не соглашаюсь или, точнѣе, сомнѣваюсь въ безошибочности вашихъ выводовъ. Я не буду говорить здѣсь о сомнѣніяхъ только, такъ сказать, наклюнувшихся у меня, не получившихъ еще прочной устойчивости (напр., по чрезвычайно важному вопросу относительно *начальнаго кіевскаго лѣтописнаго свода*) и вообще о такихъ, которыя требуютъ рѣчей обширныхъ. Я, преслѣдуя извѣстную цѣль, имѣю въ виду побесѣдовать съ вами о своихъ сомнѣніяхъ, сущность которыхъ можетъ быть выражена, сравнительно, въ немногихъ словахъ.

1) Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 1091 годомъ, при разсказѣ объ открытіи мощей св. Ѳеодосія читаемъ:

„Пришедшю же игумену ко мнѣ (лѣтописцу) и рекшю ми: „поидевѣ в печеру к Ѳеодосьеви“, азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никомуже, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: *„не мози повѣдати никомуже отъ братьи*, да не увѣдаетъ никтоже; но поими, его же хощеши, да ти поможетъ“. Азъ же пристроихъ семь дний рогалие, имиже копати. И въ вторникъ, вечеръ в суморокъ, *пояхъ с собою 2 брата*, не вѣдущю никомуже, придохъ в печеру, и отпѣвъ псалмы, почахъ копати; и утрудився вдахъ *другому брату*“... и проч. (разумѣется, курсивъ нашъ).

Вы, глубокоуважаемый Алексѣй Александровичъ, полагаете, что *„2 брата* не принадлежитъ въ текстѣ, читаемомъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первоначальной редакціи“. Это, по ва-

шему мнѣнію, „видно, какъ изъ того, что авторъ повѣствованія, по повелѣнію игумена, долженъ былъ взять съ собою не двухъ, а одного монаха, такъ и изъ дальнѣйшаго разсказа, гдѣ видно, что при повѣствователѣ былъ только одинъ помощникъ". Этимъ помощникомъ, по вашему мнѣнію, былъ *Маркъ*, который „постоянно копалъ пещеры, приготовляя мѣста для погребенія". Его и *„естественнѣе"* было взять съ собою повѣствователю означеннаго разсказа. Поэтому слова „пояхъ съ собою *2 брата* должны быть замѣнены (какъ читались въ неискаженномъ текстѣ) словами: „пояхъ съ собою *Марка"*.

Я позволю себѣ съ такимъ толкованіемъ не согласиться.

Устраняя одно затрудненіе (замѣняя *двухъ* братьевъ *однимъ*), оно созидаетъ другія; ибо если авторъ повѣствованія имѣлъ взять съ собою (и взялъ) Марка, то зачѣмъ онъ въ теченіе *семи дней* занимался сооруженіемъ *рогалій*, *„ими же копати"*, т. е. такихъ орудій, которыя должны были *въ изобиліи находиться* у означеннаго Марка, какъ *гробокопателя*? Не потому-ли авторъ повѣствованія и не обратился къ Марку за содѣйствіемъ, что это обращеніе къ нему, *какъ гробокопателю*, могло обратить на себя вниманіе братіи и такимъ образомъ *тайна*, требуемая игуменомъ при открытіи мощей св. Ѳеодосія, не достаточно была бы обезпечена?—Это *первое*. А затѣмъ, самая замѣна словъ начальнаго (предполагаемаго) текста: „пояхъ съ собою *Марка"*,—словами: „пояхъ съ собою *2 брата"*, какъ то плохо укладывается въ головѣ.

Нельзя-ли выдти изъ затрудненія гораздо проще и естественнѣе?

Я полагаю, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ *нѣтъ неправильности* въ данномъ мѣстѣ: „пояхъ со собою *2 брата"*; не правильно только *всѣми* читается это мѣсто. Нужно читать: не „пояхъ съ собою *два* брата", а „пояхъ съ собою *другаго* брата".

Что такое чтеніе не будетъ въ противорѣчіи съ древнею орѳографіею, приведу параллельныя мѣста изъ Лаврентьевской лѣтописи и лѣтописца Переяславля Суздальскаго, составленнаго въ началѣ XIII вѣка (между 1214—1219 гг.).

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку (изд. 3, 1847 г.) стр. 19.	*Лѣтописецъ Переяславскій* (Москва, 1851 г.) стр. 5.
„Старѣйший, Рюрикъ, сѣдѣ Новѣгородѣ, а *другий*, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а *третий* Изборьстѣ, Труворъ“.	„и сѣдѣ старшіи въ Ладозѣ Рюрикъ, *2* Синеоусъ на Беле езере, *3* Труберъ въ Изборьсцѣ“.

Разумѣется, число подобныхъ параллельныхъ мѣстъ можетъ быть увеличено.

2) Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ Поликарпъ дважды—въ разсказахъ о Никитѣ затворникѣ и блаженномъ Агапитѣ—называетъ преподобнаго Нестора *лѣтописцемъ*, причемъ въ послѣднемъ случаѣ съ явнымъ, повидимому, указаніемъ, что подъ его лѣтописью разумѣетъ *нашу первоначальную лѣтопись*, т. е. Повѣсть временныхъ лѣтъ („якоже блаженныи Нестеръ *въ лѣтописци* написа о блаженныхъ отцехъ даміанѣ, иереміи и матѳеи и исаакіи“; срав. Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1074 годомъ).

Вы, глубокоуважаемый Алексѣй Александровичъ, вслѣдъ за Костомаровымъ, полагаете, что Поликарпъ не имѣлъ *основанія* называть *Несторовою* Повѣсть временныхъ лѣтъ и что, слѣдовательно, *Лѣтописецъ Нестора* (о которомъ упоминаетъ Поликарпъ)—это (недошедшая до насъ, но использованная составителемъ Повѣсти) *Печерская лѣтопись* (доведенная, по вашему мнѣнію, *до 1110 года*).

Я позволю себѣ усумниться и въ этомъ вашемъ предположеніи.

Повѣсть временныхъ лѣтъ ко времени Поликарпа должна была имѣть широкое распространеніе и, безъ сомнѣнія, находилась въ Печерскомъ монастырѣ (гдѣ списываніе книгъ особенно было распространено) даже не въ одномъ экземплярѣ. Повѣсть эта съ самаго начала своего составленія носила названіе *Лѣтописца* („написахъ книги си *Лѣтописецъ*“). Печерское преданіе усвояло ее преп. Нестору, что *заактировано* (письменно заявлено) было именно Поликарпомъ и что, главнымъ образомъ, и дало

основаніе для дальнѣйшихъ по данному вопросу недоразумѣній (т. е. *и въ то время* ссылка понимаема была, какъ ссылка на Повѣсть временныхъ лѣтъ, а не на предполагаемую Печерскую лѣтопись,—отсюда—мнѣніе о Несторѣ, какъ составителѣ означенной Повѣсти).

Далѣе.

Сѣтуя о забвеніи Печерскою обителію своихъ угодниковъ и желая восполнить этотъ пробѣлъ, Поликарпъ пишетъ Акиндину: „аще бо азъ премолчю отъ мене забвена будуть. а к тому не помянутся имена ихъ. яко же было и до сего дни. Се же речеся въ ѵ҃ѣі лѣто твоего игуменства. еще не бысть помяновеніа ѵ҃ρ и ѵ҃ѯ лѣтъ. Нынѣ же твоеа ради любве утаеннаа слышана быша“.

О чемъ здѣсь говорится?

Надо полагать, *не о времени* составленія, не разъ упоминаемаго Поликарпомъ житія преп. Антонія,—какъ думаете вы,—но о *времени* занесенія въ Повѣсть временныхъ лѣтъ сказаній о нѣкоторыхъ кіево-печерскихъ угодникахъ. Въ Повѣсть сказанія о сихъ угодникахъ (о Даміанѣ и проч.) занесены подъ 1074 годомъ; присоединивъ къ сему числу лѣтъ еще 160 (указываемый Поликарпомъ промежутокъ времени отъ „непомяновеніа“) получится *1234-й годъ*, каковой годъ можетъ считаться согласнымъ со временемъ настоятельства въ Печерской обители Акиндина (въ Лаврентьевской лѣтописи *подъ 1231-мъ годомъ* онъ упоминается какъ присутствовавшій при посвященіи въ Ростовскіе епископы Кирилла). Если же признать вполнѣ вѣрнымъ (*документальнымъ*) указаніе преосв. Филарета о кончинѣ Досиѳея, *предшественника* Акиндина по печерскому настоятельству, *въ 1219 году*, т. е. за 15 лѣтъ *до 1234 года*, къ которому по указаннымъ соображеніямъ („се же речеся въ *15 лѣто* твоего игуменства“) относится посланіе Поликарпа,—то во всемъ и „числа сходятся“ [1]).

---

[1]) Вы, Алексѣй Александровичъ, пишите: „Неясно, откуда преосвященный Филаретъ могъ заключить о смерти Досиѳея въ 1219 году“.—Думаю, что онъ не имѣлъ *документальныхъ* относительно сего данныхъ, но руководствовался соображеніями, имѣющими источ-

Разумѣется, можно говорить, что и въ предполагаемой Печерской лѣтописи Нестора, которою пользовался составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, сказанія объ указанныхъ печерскихъ угодникахъ читались тоже подъ 1074 годомъ; но разсказъ составителя Повѣсти подъ означеннымъ годомъ имѣетъ столь существенныя отличія отъ несомнѣнно принадлежащаго Нестору сочиненія (житіе св. Ѳеодосія), что вы, Алексѣй Александровичъ, отстаивая свою точку зрѣнія на Печерскую лѣтопись, должны были придти къ заключенію, что послѣдняя содержитъ въ себѣ только „обрывки первоначальнаго Несторова текста, который въ Печерской лѣтописи вообще, надо полагать, былъ искаженъ или исправленъ“ („*Кое что* въ Печерской лѣтописи было написано Несторомъ, что дало Поликарпу основаніе назвать Нестора лѣтописцемъ“).

Кромѣ указанной ссылки на Лѣтописца, „иже написа Несторъ“, Поликарпъ дѣлаетъ еще двѣ ссылки на *Лѣтописецъ*, не опредѣляемый имъ при этомъ ближе (безъ упоминанія, что онъ писанъ Несторомъ).

А) Въ сказаніи о Моисеѣ Угринѣ, упомянувъ о смерти Болеслава и бывшемъ послѣ того мятежѣ въ лядской землѣ,— Поликарпъ говоритъ: „*яко же и въ лѣтописци поведаетъ*“. Извѣстіе, сообщаемое Поликарпомъ, тождественно съ тѣмъ, которое читается въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 1030 годомъ, поэтому въ поясненіи не нуждается.

Б) Въ сказаніи о Пименѣ многострадальномъ, между прочимъ, говорится: „во время же преставленіа его явишася *три столпы* надъ трапезницею и оттуду на верхъ церкви пріидоша. *о нихъ же речено бысть въ лѣтописци.* сѣвѣсть же Господь знаменіе сіе показавыи, или сего ради блаженнаго или иное кое смотрѣніе Божіе бысть“.

никъ и опору въ извѣстныхъ фактахъ: 1074+160=1234—15=1219; т. е. руководствовался тѣмъ же, чѣмъ и я. Поэтому означенное указаніе преосв. Филарета, будучи *вѣрнымъ* (я стою на своей точкѣ зрѣнія) не есть *документальное* въ настоящемъ значеніи этого слова.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1110 годомъ, означенное явленіе передается въ другой версіи.

„Явися—читаемъ здѣсь—*столпъ огненъ* отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в часъ 1 нощи;... сей же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку лицемь, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангельскъ; ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ... Тако и се явленье нѣкоторое показываше, емуже бѣ быти, еже и бысть: на 2-е бо лѣто не сь ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты"?...

Это различіе между Поликарпомъ и составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ даетъ основаніе вамъ, Алексѣй Александровичъ, думать, что у того и другого былъ одинъ источникъ—*Печерская лѣтопись*, гдѣ „дѣйствительно говорилось о трехъ столпахъ". „Поликарпъ держался ближе къ источнику, а составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ (или, можетъ быть, позднѣйшій редакторъ), признавшій чудесное явленіе за явленіе ангела, не точно передалъ извѣстія своего источника, сказавъ объ одномъ столпѣ вмѣсто трехъ".

Я полагаю, во 1-хъ, что составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ не имѣлъ нужды въ особомъ источникѣ для занесенія въ свою лѣтопись означеннаго явленія, такъ какъ былъ если не очевидцемъ, то современникомъ этого для него *мѣстнаго* (или, точнѣе, *почти мѣстнаго* [1]) явленія), разносимаго притомъ стоустою молвою. Во 2-хъ, указаннымъ отклоненіямъ Поликарпа отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ вы, Алексѣй Александровичъ, придаете слишкомъ большое значеніе, какого они, по моему мнѣнію, имѣть

---

[1]) Я рѣшительно стою на сторонѣ тѣхъ, которые считаютъ выдубицкаго игумена Сильвестра составителемъ нашей первоначальной лѣтописи, въ подкрѣпленіе каковаго мнѣнія можно привести *новыя* соображенія,—но рѣчь объ этомъ оставляю до другого, не отдаленнаго времени.

не могутъ, такъ какъ легко объяснимы, причемъ ключъ къ уразумѣнію главнаго отклоненія даетъ самъ Поликарпъ.

а) Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ говорится *объ одномъ* столпѣ, но перемѣнившемъ *три мѣста*; отсюда при сокращенномъ, сравнительно съ Повѣстью, изложеніи (а оно очень сокращенное: не говорится не только о громѣ и молніи, но и о томъ, что столпъ или столпы были *огненные*) Поликарпу легко было допустить указанную неточность.

б) Существенное отклоненіе въ толкованіи причины чуднаго явленія столповъ, безъ сомнѣнія, было *сознательное*. Поликарпу, всемѣрно заботившемуся о прославленіи кіево-печерскихъ угодниковъ, *желательно было связать чудесное явленіе въ Печерской обители съ фактомъ кончины многострадальнаго Пимена*, что онъ дѣлаетъ, но такъ какъ дѣлаетъ вопреки источника, на который самъ же ссылается, то выражается очень осторожно, ставя какъ бы вопросительный знакъ. „Съвѣсть же Господь,—говоритъ онъ,—знаменіе сіе показавый или сего ради блаженнаго *или ино какое смотрѣніе Божіе бысть*“. Послѣднія слова явственно показываютъ, что Поликарпу *извѣстно было и иное толкованіе явленія*, а отсюда, при указанной ссылкѣ на лѣтописецъ (=Повѣсть временныхъ лѣтъ) явствененъ и его источникъ.

Разумѣется, сказаннымъ отнюдь не отрицается возможность существованія лѣтописи и Печерскаго монастыря.

А затѣмъ я позволяю себѣ обратиться къ вамъ, Алексѣй Александровичъ, какъ авторитету высокому, съ покорнѣйшею просьбою выслушать слѣдующія мои „умствованія“ по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ нашей первоначальной лѣтописи (Повѣсти временныхъ лѣтъ).

А) По моему мнѣнію, прекрасное изслѣдованіе Бестужева-Рюмина (О составѣ русскихъ лѣтописей) не чуждо и существеннаго недостатка—*односторонности*. Авторъ *исключительно* сосредоточиваетъ свое вниманіе на выясненіи составныхъ частей лѣтописи (зачастую довольствуясь при этомъ,—что̀ неизбѣжно,—приблизительною вѣроятностію) и совсѣмъ отказывается опредѣ-

лить степень личнаго участія составителя лѣтописи при его работѣ, считая это даже невозможнымъ („степень личнаго участія составителя въ этомъ трудѣ,—т. е. Повѣсти временныхъ лѣтъ,—*опредѣлить пока невозможно*"). Но внимательное изученіе нашей первоначальной лѣтописи не оправдываетъ такого скептицизма. „Личное участіе" составителя первоначальной лѣтописи довольно явственно выступаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности тѣхъ, гдѣ онъ прибѣгаетъ къ пріемамъ, такъ сказать, дипломатическимъ. Крупнѣйшій изъ такихъ пріемовъ лѣтописи выяснится при дальнѣйшей бесѣдѣ моей съ Е. Е. Голубинскимъ. Теперь же отмѣчу его дипломатическій пріемъ размѣровъ болѣе скромныхъ.

Подъ 1093-мъ годомъ лѣтописецъ, сообщая свѣдѣнія о кончинѣ вел. князя Всеволода, между прочимъ, говоритъ, что онъ въ старости „нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати, сему не ведущу в болѣзнехъ своихъ".

Историкъ Соловьевъ, объясняя это мѣсто, говоритъ, что „нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ *молодыми* (юными) именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ и окружилъ себя юношами"... Подъ молодыми людьми разумѣются у лѣтописца люди *новые:* „новая дружина, приведенная Всеволодомъ изъ Чернигова и Переяславля, которая противополагается *первой* (оставшейся послѣ смерти прежняго кіевскаго князя)".

Объясненіе очень искусственное (отступленіе отъ прямыхъ рѣчей лѣтописца: юные=новые; вступилъ Всеволодъ на великокняжескій столъ,—во второй разъ, прочно,—*въ 1078 году*, а смыслъ юныхъ=дружины, прибывшей съ нимъ, полюбилъ *въ старости*).

По моему мнѣнію, въ прикровенныхъ (дипломатическихъ) рѣчахъ лѣтописца *объ новыхъ любимцахъ* в. князя слышится явственный намекъ на младшаго сына Всеволода, отъ втораго брака, *Ростислава*, жившаго при отцѣ и далеко по своимъ нравственнымъ качествамъ несхожаго съ своимъ старшимъ братомъ, набожнымъ, справедливымъ и сострадательнымъ къ народу Вла-

міромъ Мономахомъ (и, разумѣется, также на покорную его велѣніямъ дружину).

Въ оправданіе *моего* пониманія указаннаго мѣста въ первоначальной лѣтописи приведу слѣдующія данныя и соображенія.

а) Прежняя, старая („первая своя“) дружина в. князя Всеволода противополагается лѣтописцемъ людямъ *юнымъ*, т. е. дружинѣ новой, отстранившей отъ в. князя прежнюю.—У кого могла быть эта *юная* дружина какъ не у *юнаго* (23-лѣтняго) Ростислава? Это *первое*. А затѣмъ, какъ могли бы укрыться отъ в. князя, хотя и болѣзненнаго, такія вопіющія дѣла, какъ грабежи и продажа людей, безъ сомнѣнія, вызывавшія ропотъ и жалобы,—*если бы эти дѣла были совершаемы не самыми близкими по своимъ родственнымъ связямъ и вліянію на князя лицами* (въ данномъ случаѣ сыномъ Ростиславомъ)?—Не эти-ли лица (буде въ означенныхъ неправдахъ они не были повинны) прежде всего довели бы до свѣдѣнія в. князя о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ?

б) Что Ростиславъ былъ человѣкъ способный къ указаннымъ поступкамъ (былъ человѣкъ выдающійся по своей жестокости), объ этомъ свидѣтельствуетъ его злодѣяніе, учиненное надъ Григоріемъ чудотворцемъ, который, *по приказанію Ростислава его дружиною утопленъ былъ* (съ привязаннымъ на шею камнемъ) *въ Днѣпрѣ*. (См. въ Печерскомъ патерикѣ житіе означеннаго святого. Здѣсь Ростиславъ называется *злымъ убійцею*). Слѣдуетъ отмѣтить и *подчеркнуть*, что лѣтописцу, какъ современнику, притомъ въ тѣснѣйшихъ связяхъ находившемуся съ Кіево-Печерскою обителію, означенное злодѣяніе не могло быть неизвѣстнымъ, между тѣмъ въ лѣтописи онъ объ немъ умалчиваетъ. (Отсюда понятны его указанныя *дипломатически-прикровенныя* рѣчи объ *юныхъ* людяхъ, творившихъ вопіющія неправды при состарѣвшемся Всеволодѣ).

Б) Объ освященіи созданной княземъ Всеволодомъ церкви въ Выдубицкомъ монастырѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи дословно читаемъ слѣдующее: „В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаіла манастыря Всеволожа митрополитомь Иваномь, а игуменьство тогда держащю того монастыря Лазъреви“. Въ

другихъ лѣтописныхъ спискахъ, сходныхъ съ Лаврентьевскимъ, а также Ипатскомъ и сходныхъ съ нимъ, послѣ словъ: „священа бысть церкы .....митрополитомъ Иваномь (или Иоанномъ) прибавлено: „и епископы Лукою, Исаиемъ, Иваномъ".

Какое изъ этихъ чтеній правильное?

Будемъ умствовать.

Упоминаемые здѣсь епископы Лука, Исаія и Иванъ (Іоаннъ) были въ данное время епископами—первый Бѣлгородскимъ, второй—Ростовскимъ и третій—Черниговскимъ.

Что в. князь Всеволодъ, окончивъ свою ктиторскую, не малыхъ средствъ стоившую ему церковь, позаботился освященіе ея обставить большею торжественностію, это вполнѣ понятно,—и посему присутствіе на освященіи ея митрополита, безъ сомнѣнія, со всѣмъ почетнымъ кіевскимъ духовенствомъ (въ особенности игуменами мѣстныхъ монастырей), есть обстоятельство, какъ бы само собою подразумѣваемое. Если же признать запись лѣтописи объ участіи съ митрополитомъ при освященіи означенной церкви *еще и трехъ епископовъ* не возбуждающею сомнѣнія (а такое сомнѣніе *возможно)*, то это значило бы, что Всеволодъ счелъ нужнымъ придать означенному освященію не только обычно большую торжественность, но торжественность *исключительно большую*. При этомъ приглашеніе къ освященію и участіе въ немъ епископовъ *Бѣлгородскаго* и *Черниговскаго* могло бы быть легко объяснимымъ: каѳедра перваго находилась всего въ 23—24-хъ верстахъ отъ Кіева, и онъ, безъ сомнѣнія, былъ здѣсь нерѣдкимъ гостемъ; нельзя считать большимъ и 120-ти верстное разстояніе, отдѣлявшее (и отдѣляющее) нашъ городъ отъ Чернигова,—къ тому же у Всеволода съ послѣднимъ (а отсюда и съ мѣстнымъ епископомъ) были тѣсныя связи: онъ, хотя и недолго, предъ вступленіемъ на великокняжескій столъ княжилъ въ Черниговѣ, а въ данное время тамъ княжилъ его старшій сынъ Владиміръ Мономахъ.

Что касается до Ростовскаго епископа Исаіи (преподобнаго), то—разумѣется—приглашеніе его в. княземъ Всеволодомъ для освященія своей ктиторской церкви *изъ епархіи весьма отдаленной отъ Кіева* есть дѣло трудно мыслимое. Прибытіе преп.

Исаіи въ Кіевъ около разсматриваемаго времени,—что фактъ несомнѣнный,—состоялось по другому однородному случаю,—именно, вызвано было *величайшимъ торжествомъ въ Кіево-Печерской обители:* предстоявшимъ освященіемъ ея великолѣпной („небеси подобной“) каменной церкви, построеніе и украшеніе которой стоило столь многихъ трудовъ!

Для уясненія сказаннаго достаточно припомнить, что *преп. Исаія былъ постриженникомъ Кіево-Печерскаго монастыря* (предъ поступленіемъ на Ростовскую каѳедру игуменствовавшій въ кіевскомъ Изяславовомъ монастырѣ св. Димитрія) и принадлежалъ—какъ есть всѣ вѣроятія думать—къ числу тѣхъ *лучшихъ* его постриженниковъ, которые,—подобно Симону, епископу Владимірскому и Суздальскому,—и по вступленіи на святительскія каѳедры не переставали обращать взоры къ сродной имъ по духу обители и всецѣло своими помыслами стремились къ ней. Безъ сомнѣнія, преп. Исаія принималъ участіе въ жертвахъ на построеніе Кіево-Печерской церкви, и о предстоявшемъ ея освященіи былъ своевременно извѣщенъ.

По свидѣтельству лѣтописи, освященіе Кіево-Печерской церкви состоялось „въ лѣто 6597“ (1089-е отъ Рождества Христова); въ Печерскомъ патерикѣ указанъ кромѣ того и самый день освященія—*14-е августа*. Освященіе Выдубицкой (Всеволожей) церкви, по той же лѣтописи, какъ мы видѣли, пріурочивается къ лѣту 6596-му (1088-му).

Если устранимъ свидѣтельство Патерика о прибытіи преп. Исаіи въ Кіевъ *только предъ самымъ освященіемъ*, какъ по данному вопросу ненадежное [1]), и предположимъ, что освященіе церкви Выдубицкой состоялось *въ концѣ 6596* года, каковое время падаетъ на *генварь—февраль мѣсяцы 1089 года* отъ Рождества Христова (имѣемъ въ виду *мартовское* лѣтосчисленіе, *какого держится лѣтописецъ*),—то и въ такомъ случаѣ преп.

---

[1]) Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ прибытіе преп. Исаіи (равно какъ и *другихъ указанныхъ епископовъ*) въ Печерскую обитель предъ самымъ освященіемъ церкви („какъ разъ къ чину“) объясняется чудеснымъ образомъ.

Исаія, бу́де онъ участвовалъ при освященіи Выдубицкой церкви, долженъ бы прибыть на возвѣщенное ему торжество въ Печерскую обитель за нѣсколько мѣсяцевъ (за полгода или нѣсколько болѣе) до него, что представляется *мало вѣроятнымъ* (имѣемъ въ виду неудобства продолжительнаго отсутствія изъ епархіи).

Уже это обстоятельство возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ достовѣрности лѣтописной замѣтки относительно участія въ освященіи Выдубицкой церкви преп. Исаіи. Сомнѣніе это еще болѣе увеличивается при выясненіи *характерной особенности* означенной замѣтки, послѣ чего и вполнѣ (какъ мы сказали) допустимое участіе въ помянутомъ освященіи и другихъ епископовъ—Луки Бѣлгородскаго и Іоанна Черниговскаго представляется уже *тоже сомнительнымъ*. Я склоненъ думать, что та часть лѣтописной замѣтки объ освященіи Выдубицкой церкви, гдѣ упоминается объ участіи въ немъ, кромѣ митрополита, еще трехъ епископовъ *есть позднѣйшая интерполяція* (вставка).

Характерную особенность разсматриваемой замѣтки составляетъ то, что здѣсь при перечисленіи трехъ епископовъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ митрополитомъ при освященіи Выдубицкой церкви, обозначены *только ихъ имена*, но не указываются *занимаемыя ими каѳедры*, что представляется въ высшей степени *страннымъ*, каковы бы ни были источники, откуда лѣтописцемъ заимствованы свѣдѣнія объ освященіи Всеволожей церкви: изъ церковныхъ ли замѣтокъ Выдубицкаго монастыря (какъ предполагаетъ Безстужевъ-Рюминъ), или изъ устныхъ разсказовъ, или даже воспроизведены по памяти (лѣтописецъ былъ современникомъ описываемаго событія). Неестественно сказать: церковь освящали *епископы Лука, Исаія, Иванъ*, не обозначивъ, *какіе* это были епископы, притомъ *впервые доселѣ* упоминаемые въ лѣтописи, чего въ другихъ мѣстахъ лѣтописецъ и не допускаетъ [1]).

---

[1]) Подъ 6581 (1073) годомъ лѣтописецъ, говоря объ основаніи Печерской церкви, упоминаетъ объ епископѣ Михаилѣ, не обозначая его каѳедры; но ранѣе подъ *1072* годомъ онъ названъ Гурьгевскимъ (Не обозначена каѳедра Михаила подъ 1073 годомъ, вѣроятно, потому, что онъ въ это время завѣдовалъ епархіальными дѣлами митрополіи кіевской, «митрополиту Георгію тогда сущю въ Грѣцѣхъ»).

По поводу сказаннаго можетъ быть сдѣлано очень серьезное возраженіе,—именно, если неестественнымъ представляется перечисленіе лѣтописцемъ, въ указанномъ мѣстѣ, епископовъ безъ обозначенія ихъ каѳедръ, то развѣ менѣе естественнымъ представляется это со стороны его интерполятора?

Отвѣтъ на это возраженіе заключается въ разъясненіи, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, произошла въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи интерполяція (вставка).

Въ неинтерполированной замѣткѣ лѣтописца объ освященіи Всеволожей церкви читалось:

„В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаіла монастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащю того монастыря Лазъреви".

Но вслѣдъ за симъ, черезъ весьма немного строкъ (въ печати всего черезъ *двѣ строки*) находится сообщеніе объ освященіи Печерской церкви, которое въ началѣ гласитъ слѣдующее: „Въ лѣто 9597. Священа бысть церкви печерская святыя Богородица монастыря Ѳеодосьева, Иваномъ митрополитомъ, и *Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ, и епископумъ Ростовъскимъ Исаіемъ и Иваномъ Черниговъскимъ епископомъ,* и Антоніемъ Гурьговскимъ игуменомъ, при благороднѣмъ князѣ Всеволодѣ" и проч. [1]).

Это лѣтописное сообщеніе объ одновременномъ почти освященіи митрополитомъ Іоанномъ двухъ церквей, но въ одномъ случаѣ (освященіе церкви Выдубицкой) безъ указанія на то, чтобы участвовали при семъ и епископы, а въ другомъ (освященіе церкви Печерской) съ перечисленіемъ указанныхъ трехъ епископовъ, и *могло дать поводъ переписчику или читателю лѣтописи* (разумѣю переписчиковъ и читателей склонныхъ дѣлать восполненія и исправленія оригинала, каковые между тѣми и другими, безъ сомнѣнія, были) могло дать поводъ *представлять дѣло такъ, что оба означенныя освященія двухъ церквей со-*

---

[1]) См. Лѣтопись по Ипатскому списку; въ Лаврентьевскомъ *очевидный* пропускъ нѣсколькихъ словъ.

вершены были митрополитомъ при одинаково торжественной обстановкѣ, т. е., въ сослуженіи съ тремя епископами. Отсюда и произошла указанная интерполяція, причемъ такъ какъ въ лѣтописи при перечисленіи епископовъ, участвовавшихъ при освященіи Печерской церкви, обозначены были не только ихъ имена, но и занимаемыя ими каѳедры (ихъ титулы), но при интерполяціи послѣднія, какъ переписчику—дополнителю извѣстныя (какъ обозначенныя на той же страницѣ) были опущены. Если же интерполяція сдѣлана была кѣмъ либо изъ читателей (что представляется болѣе вѣроятнымъ), то на опущеніе епископскихъ титуловъ, кромѣ указанной и главной причины, могъ повліять и недостатокъ мѣста въ рукописи (въ особенности при вставкѣ надстрочной). Разумѣется, то обстоятельство, что не во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ говорится объ освященіи Выдубицкой церкви, кромѣ митрополита, еще и тремя епископами,—есть важный фактъ въ пользу моего мнѣнія, ибо объяснять краткую редакцію разсматриваемаго мѣста намѣреннымъ сокращеніемъ первоначальнаго текста лѣтописи затруднительно въ виду малоестественности подобнаго *(въ данномъ случаѣ)* сокращенія.

Вопросъ о нашихъ лѣтописяхъ есть вопросъ *чрезвычайно важный*, но вмѣстѣ и *чрезвычайно сложный*. Написаны уже, начиная съ XVIII столѣтія, цѣлыя груды по этому вопросу. Будутъ писать и впредь какъ о *великомъ*, такъ и *маломъ*, къ сему вопросу касательство имѣющемъ.

Очень важно-бы установить исходную точку на характеръ *и ходъ* работы составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Нельзя-ли предположить, что сей составитель велъ свою работу такъ, какъ (уповательно) велъ бы ее я, вы и многіе другіе вообразивъ себя живущими въ 11—12 столѣтіяхъ и занятыми означеннымъ трудомъ,—то есть, собравъ нужный для своей цѣли матеріалъ и не теряя надежды увеличить его *во время самой работы*, изыскивая къ сему *всѣ средства*,—писали бы означенную Повѣсть оставляя *большіе пробѣлы* для восполненій, какъ *документальныхъ*, такъ и *иного рода*, для осуществленія чего

удобнѣе было бы писать сію Повѣсть на одной страницѣ, оставляя другую пустою и заполняя ее когда къ тому представлялась возможность, дѣлая при этомъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ основного текста потребныя указанія, въ видѣ тѣхъ или иныхъ выносныхъ знаковъ?

Разумѣется, при такомъ ходѣ работы могли быть заносимы и такіе не подвергавшіеся обработкѣ матеріалы, въ которыхъ пространственнѣе трактовалось о событіяхъ, уже разсказанныхъ составителемъ Повѣсти, и такіе, которые находились въ несоотвѣтствіи съ мнѣніемъ самого составителя и т. п.

Такая точка зрѣнія на ходъ работы лѣтописца (если бы оказалась справедливою) могла бы освѣтить многіе недоумѣнные вопросы. Отмѣчу для примѣра: сказаніе объ ослѣпленіи Василька, при комментированіи такъ много мучившее нашихъ историковъ; иногда неудачный перерывъ рѣчи при внесеніи въ лѣтопись договоровъ; повѣсть о посѣщеніи Андреемъ Первозваннымъ Россіи. (Кстати объ этой Повѣсти. Я полагаю, во 1-хъ, что въ лѣтопись занесена только *часть* этой Повѣсти, во всякомъ случаѣ не занесено *начало* ея, чѣмъ и устраняются недоумѣнія или натянутыя объясненія выраженія „якоже рѣша“, и во 2-хъ, извлеченіе изъ повѣсти начинается словами: „*по горамъ симъ* бѣ путь“ и проч., а не словами: „бѣ путь“ и проч., какъ принято думать,—для уясненія чего сравн. начало отдѣла лѣтописи *перебъ извлеченіемъ* изъ повѣсти: „Поляномъ же жившимъ особѣ“.., съ началомъ отдѣла *послѣ извлеченія* изъ повѣсти: „Полемъ же жившемъ особѣ *и володѣющемъ* роды своими“)...

Означенная точка зрѣнія на ходъ работы лѣтописца могла бы привести къ чрезвычайно важному выводу, что Повѣсть временныхъ лѣтъ мы имѣемъ *почти* въ томъ же видѣ (т. е. что интерполяціи, вставки и проч. были незначительны), въ какомъ она вышла изъ рукъ составителя.

Но все это мысли въ моей головѣ только наклюнувшіяся и надлежащей устойчивости не получившія.

А за симъ, Алексѣй Александровичъ, почтительнѣйше вамъ кланяюсь и обращаюсь съ рѣчами къ Е. Е. Голубинскому.

Бесѣда профессора Голубева съ академикомъ Е Е. Голубинскимъ.

Глубокоуважаемый Евгеній Евсигнѣевичъ! Съ вами я имѣю честь и удовольствіе быть знакомымъ лично, и не разъ поучался и услаждался вашими бесѣдами въ Сергіевомъ Посадѣ. Вы столпъ нашей церковной исторіографіи, и къ сооруженному вами колоссальному монументу, именуемому: „Исторія русской церкви“, не заростетъ широкая тропа, проложенная изслѣдователями, жаждущими источника воды живой. Характеръ и основа вашихъ трудовъ, всюду явственно видимые,—*стремленіе къ уразумѣнію исторической истины.* Въ этомъ стремленіи для васъ не существуетъ авторитетовъ, какъ бы они велики ни были, если мнѣнія ихъ не согласуются съ историческими данными или, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, оказываются несостоятельными. „Здравый смыслъ, говорите вы, авторитетнѣе всякаго авторитета“. Поэтому я вполнѣ увѣренъ, что къ моей бесѣдѣ съ вами, гдѣ я имѣю въ виду высказать свое несогласіе съ нѣкоторыми разсужденіями, изложенными въ 1-мъ томѣ вашей Исторіи русской церкви (стремлюсь тоже *къ уразумѣнію исторической истины)*,—вы отнесетесь благосклонно.

Первѣе всего я хочу побесѣдовать съ вами *о св. Ольгѣ и ея крещеніи.*

Вы, согласно съ лѣтописью, относите бракъ Игоря съ Ольгою *къ 903 году*; рожденіе отъ нихъ сына Святослава *къ 942-му;* кончину Ольги—*къ 969-му*,—причемъ замѣчаете (Исторія рус. церкви, изд. *второе*, исправленное и дополненное), что она „скончалась въ преклонной старости, *будучи лѣтъ 70-ти—75-ти*“.

Если Ольга, скончавшаяся *въ 969 году* (что несомнѣнно) имѣла отъ роду *70 – 75* лѣтъ, то въ *903 году* ей должно быть *4—9 лѣтъ*. Не слишкомъ ли это ранній возрастъ для вступленія въ супружество съ вполнѣ возмужавшимъ, вступившимъ уже въ *третье* десятилѣтіе Игоремъ?

Въ *первомъ* изданіи той же Исторіи русской церкви вы предполагаете, что Ольга скончалась лѣтъ *80-ти*, слѣдовательно,

въ 903 году ей было *14 лѣтъ*, каковой возрастъ, разумѣется, не препятствовалъ состояться браку ея съ Игоремъ. Но если отъ этого брака родился Святославъ *въ 942 году*, слѣдовательно *чрезъ 39 лѣтъ* послѣ брака, когда Ольга перешагнула уже *во второе пятидесятилѣтіе* своей жизни,—то не представляется-ли это, если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ трудно мыслимымъ?

Послѣднее обстоятельство смущало еще Карамзина, который склоненъ былъ думать, что Святославъ родился значительно ранѣе 942 года, во время Игоревой кончины ему могло быть лѣтъ 12 и „Ольга родила его будучи по крайней мѣрѣ сорока трехъ лѣтъ".

Но съ такимъ предположеніемъ, достаточно произвольнымъ въ противорѣчіи стоитъ сказаніе лѣтописи, что Святославъ, послѣ смерти отца „бѣ дѣтескъ" [1]).

Словомъ, куда ни кинь—всюду клинъ.

Не возможенъ-ли другой выходъ изъ означеннаго затрудненія?

Я полагаю, что лѣтописецъ, произвольно дополнилъ или интерполировалъ находившійся у него подъ руками источникъ, гдѣ говорилось о бракѣ Игоря. Въ источникѣ могло значиться: „приведоша Игорю жену отъ Пскова" или *безъ означенія* (что вѣроятнѣе) имени этой жены, или обозначалось и самое имя. Въ первомъ случаѣ, имѣя въ виду *общеизвѣстность Ольги, какъ жены Игоря и женщины выдающейся, знаменитой* (такъ сказать, подъ вліяніемъ этой общеизвѣстности), лѣтописецъ сдѣлалъ къ источнику извѣстное добавленіе: „*именемъ Ольгу*"; а во второмъ случаѣ,—по тѣмъ же побужденіямъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ,—учинилъ интерполяцію въ имени.

Есть всѣ вѣроятія думать, что Игорь женился на Ольгѣ гораздо позднѣе означеннаго времени, т. е., 903-го года, и она

---

[1]) Я не считаю указаніе лѣтописи о годѣ рожденія Святослава (по списку *Ипатскому*; въ *Лаврентьевскомъ* этого указанія *нѣтъ*) надежнымъ; но рожденіе это не можетъ быть отодвигаемо назадъ значительно, какъ дѣлаетъ Карамзинъ.

осталась послѣ него не состарѣвшеюся женщиною, *а молодою или сравнительно молодою вдовою*,—съ каковымъ предположеніемъ согласуются: и сохранившіяся о ней легенды, какъ о женщинѣ, отличавшейся красотою, и свѣдѣнія объ ея энергичной дѣятельности, свойственной болѣе молодости или лѣтамъ среднимъ, чѣмъ старости, лѣтамъ преклоннымъ.

Это первое.

А затѣмъ я затрудняюсь согласиться съ вами, Евгеній Евсигнѣевичъ, по вопросу о томъ, почему Святославъ вышелъ, по вашему выраженію, „ни въ отца, ни въ мать“, расположенныхъ къ христіанству, а оказался „горячимъ язычникомъ по убѣжденію и принципу“. Объясняя это, вы говорите: „Святославъ былъ варяжскій рыцарь въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова... Стремленіе къ славѣ предковъ естественно должно было тѣснымъ образомъ связать его и съ ихъ религіей и съ ихъ преданіями, которыя были именно религіей и преданіями героевъ. Святославъ не только не могъ бросить ихъ и промѣнять на христіанство, но напротивъ тѣмъ болѣе долженъ былъ стать ихъ ревностнымъ приверженцемъ, чѣмъ болѣе стремился возстановить въ себѣ и въ своей дружинѣ старыхъ славныхъ Норманновъ“... и т. д. Разумѣется, это прекрасная характеристика Святослава, но она не рѣшаетъ затронутаго вопроса, который и сводится именно къ тому, *почему* Святославъ явился такимъ, какимъ вы его изображаете; *почему* расположенная къ христіанству мать *не смогла* передать ему своихъ убѣжденій, „не успѣла сдѣлать изъ него ни внѣшняго, ни внутренняго христіанина“; *почему* съ воспитаніемъ внука Ярополка Ольгѣ, по вашему выраженію, была „совсѣмъ другая удача“... Послѣднее вы объясняете тѣмъ, что „чрезвычайно рѣдки примѣры, дабы два человѣка сряду—отецъ и сынъ выходили такими своеобразными людьми, каковъ былъ Святославъ, и историческо-физіологическая вѣроятность (если можно такъ выразиться) вся на той сторонѣ, что Ярополкъ, не будучи другимъ, изъ ряда вонъ выходящимъ удальцомъ, былъ просто обыкновеннымъ человѣкомъ“.—Извините, Евгеній Евсигнѣевичъ, но это отзывается какъ бы фразою.

Мое мнѣніе по данному вопросу (которое выражу самыми краткими словами) таково.

Ольга *не могла* вліять въ извѣстномъ направленіи на Святослава, потому что отъ его воспитанія была *устранена*, если не совсѣмъ, то *въ степени весьма значительной*.

Послѣ смерти Игоря, расположеннаго къ христіанству и имѣвшаго въ своей дружинѣ значительное количество христіанъ, наступила несомнѣнная реакція въ пользу язычества, вызванная, всего вѣроятнѣе, неудачными походами означеннаго князя, въ чемъ могли быть обвиняемы его дружинники изъ христіанъ. Лицамъ, стоявшимъ во главѣ этой реакціи, естественно было желать, чтобы ихъ князь, находившійся *въ дѣтскомъ возрастѣ*, воспитанъ былъ согласно *съ ихъ взглядами, съ ихъ убѣжденіями*. Отсюда—и соотвѣтствующія заботы для достиженія означенной цѣли. Что воспитаніе Святослава было подъ особеннымъ контролемъ, указаніе на это находится и въ лѣтописи, гдѣ читается: „Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, *и кормилець его Асмудъ*, и воевода бѣ Свѣнелдъ".

О Свѣнельдѣ вы, Евгеній Евсигнѣевичъ, говорите, что „если онъ не былъ такимъ же внутреннимъ христіаниномъ, какъ Игорь и Ольга, то во всякомъ случаѣ необходимо думать, что онъ былъ не изъ враговъ, а изъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ друзей христіанства".

Почему „необходимо думать"?

То обстоятельство, что Свѣнельдъ, будучи въ послѣдніе годы княженія Игоря *воеводою*, въ этомъ же званіи пребывалъ и *въ теченіи всей жизни Святослава*, отнюдь этого не подтверждаетъ. Правда, Святославъ не воздвигалъ „настоящаго гоненія" на христіанъ, но гоненіе нравственное было несомнѣнно: „аще кто хотяше креститися, не броняху, но *ругахуся тому*", т. е, христіане въ глазахъ сего князя были какъ бы въ презрѣніи. А при такомъ положеніи, едва-ли могло найтись много охотниковъ изъ христіанъ, даже изъ лицъ, расположенныхъ къ христіанству, которые горѣли бы желаніемъ состоять на службѣ у Святослава. Въ его договорѣ съ Цимисхіемъ (771 г.), въ рѣзкую противоположность договору Игоря (944 г.), о христіанской дружинѣ не слышимъ *ни единого звука*. Сказанное о дружинѣ—съ бо́льшимъ основаніемъ должно быть прилагаемо къ

вождямъ сей дружины. *Это первое.* А затѣмъ, извѣстное намъ о Свѣнельдѣ не говоритъ за то, чтобы онъ походилъ *на Игоря*: „отроці Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы (дружина Игорева) нази".

Теперь о крещеніи св. Ольги.

Мнѣніе ваше, Евгеній Евсигнѣевичъ, о крещеніи Ольги *не въ Константинополѣ*, а *въ Кіевѣ* считается въ наукѣ *общепринятымъ*.

Возникаютъ у меня сомнѣнія и по данному вопросу.

Наша лѣтопись, мнихъ Іаковъ, греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, западный лѣтописецъ—продолжатель Регинона (не говоримъ о слѣдовавшихъ сему послѣднему) *всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ.*

Основаніемъ для вашего мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что Константинъ Порфирогенитъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Объ обрядахъ или церемоніяхъ Византійскаго двора", описывая пріемы Ольги, ни единымъ словомъ не даетъ знать, чтобы она пріѣзжала въ Константинополь для крещенія и дѣйствительно тамъ была крещена. Между тѣмъ, „если бы Ольга тогда крестилась въ Константинополѣ, то это дало бы мѣсто не только обыкновеннымъ, но еще совершенно особымъ, весьма рѣдко могущимъ случаться, придворнымъ церемоніямъ, и слѣдовательно Константинъ не только долженъ былъ бы упомянуть о нихъ, но и описать ихъ съ особою и нарочитою тщательностію". Изъ описанія пріема Ольги (9 сентября 957 г.) видно, что это былъ ея первый пріемъ, а на немъ она была со священникомъ, очевидно, что она прибыла въ Константинополь уже христіанкою.

Разумѣется, отсутствіе въ упомянутомъ сочиненіи Константина Порфирогенита описанія торжественныхъ церемоній, которыя *должны бы быть* при крещеніи Ольги въ Константинополѣ, фактъ *многознаменательный*. Но не можетъ-ли онъ быть объясняемъ иначе, нежели дѣлаете это вы, Евгеній Евсигнѣевичъ?—

Будемъ умствовать.

Должно признать несомнѣнными слѣдующіе факты:

1) Святославъ былъ „горячимъ язычникомъ по убѣжденію и принципу“, и „не имѣлъ ни малѣйшей охоты и наклонности покровительствовать христіанству“.

2) Вслѣдствіе этого желаніе Ольги открыто принять христіанство не могло быть для него пріятно, хотя этому желанію, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, допустимъ по обычному уваженію сына къ матери, воспрепятствовать онъ не могъ.

Это одна сторона дѣла; посмотримъ другую.

1) Языческія воззрѣнія Святослава и его отношенія къ христіанству въ Константинополѣ доподлинно были извѣстны.

2) Доподлинно должно быть извѣстно и то, что фактъ поѣздки Ольги въ Константинополь для указанной цѣли Святославу не могъ быть пріятенъ.

3) Византійское правительство, достаточно запуганное предшествовавшими набѣгами на Константинополь русскихъ, всячески должно было стремиться къ поддержанію мирныхъ съ ними отношеній.

Отсюда выводъ: не поставлено-ли было Византійское правительство въ сильное затрудненіе пріѣздомъ Ольги для принятія крещенія въ Константинополь?—Съ одной стороны—событіе радостное: мать могущественнаго русскаго князя прибываетъ въ Византію съ цѣлію воспріятія православной вѣры; а съ другой—сей могущественный князь смотритъ на это косо. А если такъ, то не пущены ли были въ ходъ пріемы дипломатическіе, задачею которыхъ было достигнуть того, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы?.. Сказать проще, не совершено-ли было крещеніе Ольги въ Константинополѣ при обстановкѣ сравнительно скромной, въ присутствіи, напр., патріарха и можетъ быть нѣкоторыхъ изъ царственныхъ особъ, напр., сына Константина Порфирогенита Романа, который тоже носилъ титло императорское (почему можетъ быть, продожитель Регинона говоритъ, что Ольга крещена была въ Константинополѣ при императорѣ Романѣ)? Словомъ, не потому ли у Порфирогенита мы не находимъ описанія торжественныхъ церемоній при крещеніи Ольги, *что такихъ церемоній не было*, а потому и описаны имъ только тѣ церемоніи, которыя ей оказаны были, какъ *матери* могущественнаго князя, но не какъ *новокрещеной*,

хотя оказаны послѣ крещенія (отсюда при ней и священникъ)?— Далѣе, не слишкомъ ли означенная дипломатія медлила съ разрѣшеніемъ затрудненія, чѣмъ и объясняется долгое „стояніе въ суду“ Ольги, ожидавшей иного пріема и потому этимъ очень оскорбившейся? Не въ связи ли съ этимъ оскорбленіемъ и вытекавшими отсюда послѣдствіями должно быть поставляемо посольство Ольги къ Оттону I, каковое посольство вы, Евгеній Евсигнѣевичъ, считаете „неразрѣшимою загадкою“?—

Я высказываю свои сомнѣнія и ставлю вопросы, — не болѣе.

Перехожу къ другому вопросу, касающемуся великаго князя св. Владиміра и его сыновей Бориса и Глѣба.

Я буду кратокъ до послѣднихъ предѣловъ. Представлю только канву для рѣчей въ извѣстномъ направленіи, надѣясь быть понятнымъ съ полусловъ.

1) Извѣстно „Сказаніе страстей и похвала объ убіенію святую мученику Бориса и Глѣба“, принадлежащее перу Іакова монаха и составленное около 1072 года. Оно содержитъ разсказъ объ упомянутомъ убіеніи съ нѣкоторыми добавочными статьями, но не говоритъ *о рожденіи и начальныхъ годахъ жизни* мучениковъ: не имѣетъ *формы житія*.

Почему?

„Трудно сказать,—говорите вы, Евгеній Евсигнѣевичъ,— почему монахъ Іаковъ, выступая какъ первый составитель сказаній о святыхъ, не искалъ чести быть и первымъ настоящимъ жизнеописателемъ. Вѣроятно, онъ еще не отважился совсѣмъ подражать образцамъ греческимъ, не чувствуя въ себѣ силъ состязаться съ ними“.

Такъ-ли? Я ставлю только вопросъ.

2) Извѣстно „Чтеніе о житіи и погубленіи блаженую страстотерпцу Бориса и Глѣба“, принадлежащее перу Нестора и писанное послѣ Сказанія мниха Іакова. Это Несторово сочиненіе „представляетъ у насъ первый опытъ настоящаго житія“. Оно, „представляя собой подражаніе житіямъ греческимъ, носитъ ихъ характеръ и страдаетъ ихъ недостатками“. Но имѣется и суще-

ственное отличіе житія Нестора отъ житій греческихъ. Онъ не говоритъ *о рожденіи Бориса и Глѣба*, а прямо начинаетъ рѣчи съ ихъ дѣтства.

Почему?

„По всей вѣроятности, потому,—полагаете вы, Евгеній Евсигнѣевичъ,— *что по рожденію Борисъ и Глѣбъ* еще принадлежали язычеству, и что такимъ образомъ оно, не представляя никакихъ данныхъ для рѣчей, исполненныхъ назиданія, было еще, такъ сказать, внѣ и по ту сторону сферы житійской".

Такъ-ли?—Я опять ставлю только вопросъ.

3) О сыновьяхъ Владиміра лѣтописецъ говоритъ:

а) *подъ 980 годомъ:* „Бѣ же Володимеръ побѣжденъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предъславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; отъ Грекинѣ Святополка; отъ Чехинѣ Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава; *а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба*".

и б) *подъ 988 годомъ*: ...„Володимеръ просвѣщенъ (чрезъ принятіе христіанства) самъ, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, *Борисъ*, *Глѣбъ*, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, *а Бориса Ростовѣ*, *а Глѣба Муромѣ*, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери".

Прошу обратить вниманіе *на годы*, годъ которыми лѣтописецъ сообщаетъ означенныя свѣдѣнія, и явственное его желаніе сгруппировать эти свѣдѣнія *воедино*, не вдаваясь въ частности и какъ бы намѣренно игнорируя *хронологическія даты*.

4) Въ Несторовомъ житіи о Борисѣ и Глѣбѣ повѣствуется о нихъ, какъ о младшихъ сыновьяхъ Владиміра: „пусти же благовѣрныи князь сыны своя, когождо на свою область, а святу сею Бориса и Глѣба у себе держаше, занеже единаче *дѣтеска бѣста*",— причемъ говорится, что между Борисомъ и Глѣбомъ по лѣтамъ была не значительная разница: „бѣ же Глѣбъ *велъми дѣтескъ*,

а блаженный Борисъ *въ разумѣ сы.* исполнь благодати Божия. *взимаше бо книги и чтяше. бяше бо и грамотѣ наученъ*“.— Въ житіи сообщается о Борисѣ, что онъ, возросши („преспѣвша верстою“), по настоянію отца, вступилъ въ бракъ, чего *о Глѣбѣ не говорится.*

5) Въ службѣ свв. мученикамъ Борису и Глѣбу, составленной митрополитомъ Іоанномъ, между прочимъ, читается:

„Младъ убо тѣломъ. душама же купно святая“...

Уношескы храборовавши. и мужескы побѣдивша злаго ратоборца“.

6) У Владиміра отъ Рогнѣды было четыре сына и двѣ дочери. Если даже предположительно допустимъ, во 1-хъ, что дочери родились позднѣе сыновей, во 2-хъ, что сыновья были погодки, и въ 3-хъ, что сожительство Владиміра съ Рогнѣдою началось нѣсколько ранѣе, чѣмъ указываетъ лѣтописецъ, то и при этихъ натяжкахъ, мы рожденіе одного только Бориса можемъ пріурочить ко времени до принятія Владиміромъ крещенія, т. е., до 987-го или, по лѣтописи, 988 года.

7) „По святомъ крещеньи поживе блаженый князь Владимеръ *28 лѣтъ*“. Слѣдовательно, если бы Борисъ и Глѣбъ рождены были до Владимірова крещенія, то первому изъ нихъ при мученической кончинѣ было-бы около 35 лѣтъ, а второму не менѣе 28-ми. Не будетъ ли это находиться въ противорѣчіи съ вышеизложеннымъ?

Въ связи съ этимъ прошу васъ, Евгеній Евсигнѣевичъ, обратить вниманіе на слѣдующія данныя и соображенія.

а) Въ лѣтописи подъ 1072 годомъ повѣствуется о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба въ новую церковь. Когда при этомъ открыта была рака и церковь исполнилась благоуханія, „митрополита ужасть обиде, *бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима*“.

Ставлю вопросъ: не можетъ-ли эта нетвердость вѣры митрополита быть объясняема съ точки зрѣнія вышеизложеннаго?

б) Владиміръ, *просвѣтитель Руси*, „былъ причисленъ къ лику святыхъ *не тотчасъ послѣ своей смерти и даже весьма не скоро*“.

Почему?

„Что было этому причиной,—говорите вы,—не можемъ сказать положительно, но съ вѣроятностію предполагаемъ, что она заключалась въ его изобильныхъ пирахъ. Память о нихъ долго жила въ народѣ, и они-то и могли затруднять совѣсть народную признать Владиміра святымъ".

Не думаю.

Гостепріимство искони было въ обычаяхъ (такъ сказать, въ натурѣ) у русскаго человѣка,—и къ пирамъ во славу Божію, не говоря о простомъ народѣ, даже духовенство относилось снисходительно, иногда—пожалуй—одобрительно, о чемъ нѣкоторыя указанія можно находить въ лѣтописи (князь учинилъ въ монастырѣ „пиръ не малъ и трапезу съ приготовленіемъ"). Даже такой аскетъ, какъ преп. Ѳеодосій, не чуждъ былъ этого гостепріимства (чудесное появленіе меда при посѣщеніи Печерской обители княземъ Изяславомъ).

Ставлю опять вопросъ: нельзя-ли объяснять медлительность въ канонизаціи Владиміра съ точки зрѣнія вышеизложеннаго?

в) Владиміръ принялъ крещеніе около 30 лѣтъ отъ роду. Въ это время онъ имѣлъ нѣсколько женъ. Какъ онъ поступилъ съ ними?

Вы, Евгеній Евсигнѣевичъ, считаете этотъ вопросъ *очень неважнымъ* и рѣшаете его просто: *всѣхъ отослалъ отъ себя*,—причемъ однѣхъ, которыя хотѣли идти замужъ, можно думать, выдалъ за бояръ, а другимъ, которыя не хотѣли идти замужъ, устроилъ приличное существованіе.

Я, напротивъ, думаю что это вопросъ очень важный, долженствовавшій быть для Владиміра наиболѣе сложнымъ при принятіи имъ крещенія, можно сказать *роковымъ*, такъ такъ неизбѣжно вызывалъ *драмы* и *семейныя* и *сердечныя*.

Чтобы понять драмы семейныя, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя жены Владиміра были не только его женами, *но и матерями* его дѣтей.

Чтобы уразумѣть драмы сердечныя, нужно не забывать о широтѣ и пылкости натуры Владиміра. Между его женами могли быть *особенно имъ любимыя*, а если *могла быть*, то это еще важнѣе. А съ другой стороны не нужно забывать и того, что бракъ

Владиміра на *26-лѣтней* греческой царевнѣ, дотолѣ ему незнакомой, былъ бракомъ изъ политическихъ разсчетовъ, къ которому царевна едва-ли имѣла какую-либо склонность. При этомъ обратите вниманіе на отсутствіе свѣдѣній объ этой царевнѣ *послѣ брака* (отмѣчается только время ея кончины; кончина отмѣчается и *Рогнѣды*).

Разумѣется, Владиміръ, какъ человѣкъ искренне, по убѣжденію принявшій христіанство, не могъ не знать, что нарушеніе 7-й заповѣди есть грѣхъ, и объ этомъ грѣхѣ ему долженъ былъ напоминать его духовникъ, каковымъ, уповательно, былъ Анастасъ, находившійся въ особомъ фаворѣ у Владиміра. Но не имѣлъ ли послѣдній въ лицѣ этого, хорошо по своимъ нравственнымъ качествамъ извѣстнаго человѣка слишкомъ снисходительнаго духовника (потаковника)?

. . . . . .

Позвольте распрощаться съ вами, глубокоуважаемый Евгеній Евсигнѣевичъ. Я вижу большое торжество на лицѣ проф. Титова, который мыслитъ: „наконецъ-то попался голубчикъ! Снимать ореолъ святости, которымъ окруженъ равноапостольный Владиміръ! О, о, о!!!“ ..

Но я по этому вопросу не буду вступать въ бесѣду съ симъ профессоромъ, а побесѣдую съ человѣкомъ болѣе снисходительнымъ, добрымъ и благоразумнымъ—съ однимъ хорошо извѣстнымъ мнѣ отцемъ протоіереемъ богоспасаемаго града Кіева.

Начинаю бесѣду, придавъ ей діалогическую форму.

Проф. Голубевъ. Какъ вы, отецъ протоіерей, относитесь къ моимъ разсужденіямъ относительно св. Владиміра и его сыновей Бориса и Глѣба?

Отецъ протоіерей. Я не буду возражать вамъ, Степанъ Тимоѳеевичъ, съ научной точки зрѣнія. Это пусть дѣлаютъ, если найдутъ нужнымъ, наши историки. Я смотрю на другое. Извините, но своими разсужденіями вы, повидимому, колеблете наши вѣрованія о святости Владиміра.

Проф. Голубевъ. Это, отецъ протоіерей, только *повидимому*. Разсмотримъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Я позволю себѣ спросить васъ: считаете-ли вы себя человѣкомъ безгрѣшнымъ?

Отецъ протоіерей. Что вы говорите, Степанъ Тимоѳеевичъ. Кто изъ насъ безъ грѣха?!

Проф. Голубевъ. Правду вы говорите, отецъ протоіерей,—кто изъ насъ безъ грѣха.—Грѣшны вы, грѣшенъ я, разумѣется, гораздо болѣе васъ, всѣ мы грѣшны.—А теперь я васъ спрошу: при своихъ-то грѣхахъ, не надѣемся-ли мы на неизреченное милосердіе Божіе, не уповаемъ-ли послѣ своей кончины получить „упокоеніе со святыми“?

Отецъ протоіерей. Уповаемъ, Степанъ Тимоѳеевичъ, сильно уповаемъ. Какая-бы и жизнь наша была безъ этого упованія? Не жизнь, а мученіе.

Проф. Голубевъ. Правда: не жизнь, а мученіе. Имѣя твердую вѣру въ Искупителя, признавая и ощущая спасительность божественныхъ таинствъ, стараясь, по мѣрѣ силъ и возможности, жить по христіански,—мы и согрѣшая, иногда много согрѣшая, надѣемся на милость Божію.

А теперь—о Владимірѣ.

Онъ принялъ христіанство, убѣдившись въ его истинности и въ надеждѣ удостоиться царства небеснаго. „Добро симъ—одесную, горе же симъ—ошую“,—сказалъ онъ, взирая на картину страшнаго суда, показанную ему греческимъ философомъ. Безъ сомнѣнія, подобно намъ, онъ жилъ упованіемъ на милосердіе Божіе, хотя, подобно намъ, и согрѣшалъ.

А за симъ позвольте предложить вамъ, отецъ протоіерей, такой вопросъ: уповая на милосердіе Божіе, можемъ-ли мы съ вами надѣяться послѣ своей смерти быть, подобно в. князю Владиміру, прославленными, т. е. церковію канонизованными?

Отецъ протоіерей. Помилуйте, Степанъ Тимоѳеевичъ,—объ этомъ грѣшно и думать, безумно думать.

Проф. Голубевъ. Именно, грѣшно и безумно. За что мы будемъ канонизованы, люди грѣшные, уповающіе только на милосердіе Божіе. Что такое, для блага Церкви выдающееся нами сдѣлано?—Вотъ мы и подошли, отецъ протоіерей, къ существеннѣйшему различію между нами и многими другими православными съ одной стороны, и в. княземъ Владиміромъ съ другой. Всѣ мы, подобно ему, при христіанской жизни суть люди не безгрѣшные,

уповающіе только на милосердіе Божіе. Но у него есть предъ нами выдающееся преимущество, возносящее его на высоту для никого изъ насъ недосягаемую: онъ не только открылъ *себѣ* врата въ царство небесное, но открылъ ихъ и для *многихъ милліоновъ людей*—былъ крестителемъ Руси, просвѣтителемъ ея въ духѣ христіанства. А это такой, поистинѣ равноапостольскій подвигъ, который достоинъ величайшаго прославленія; предъ этимъ подвигомъ прегрѣшенія Владиміра, прегрѣшенія свойственныя человѣку, меркнутъ также, какъ луна и звѣзды при появленіи солнца. А дальнѣйшій выводъ изъ сказаннаго тотъ, что у многихъ изъ насъ представленія о прославленныхъ святыхъ неправильныя: *святой*, слѣдовательно и *безгрѣшный*. Безгрѣшныхъ людей нѣтъ, и не можетъ быть.—А по поводу моихъ рѣчей о Владимірѣ, вызвавшихъ настоящую бесѣду съ вами, отецъ протоіерей, прошу васъ припомнить великаго ветхозавѣтнаго праведника царя Давида. Его грѣхъ, въ который онъ вовлеченъ былъ красотою Вирсавіи, гораздо выше однороднаго грѣха Владиміра св.; между тѣмъ историческія книги св. Писанія о семъ грѣхѣ отнюдь не умалчиваютъ и тѣмъ даютъ соотвѣтствующія указанія и намъ историкамъ.

Удовлетворены-ли вы, отецъ протоіерей, моими объясненіями, и правъ-ли я?

Отецъ протоіерей. Вполнѣ удовлетворенъ, Степанъ Тимоѳеевичъ,—и вы правы.

Проф. Голубевъ Благодарю васъ. Какъ хорошо поговорить съ хорошимъ, умнымъ и добрымъ человѣкомъ. Сейчасъ всѣ недоразумѣнія и разсѣеваются.

XXI.

. . . . . .

XXII.

А теперь обращаюсь къ профессору Титову.

Вы, проф. Титовъ, злоумышляли нанести тяжкій ударъ авторитету проф. Голубева, провозгласивъ его на всю Россію уче-

нымъ не только невѣжественнымъ (на что онъ не обратилъ бы вниманія), но *и нечистоплотнымъ* (что дѣло совсѣмъ иное). Полагаю, что цѣли своей вы не достигли, и проф. Голубевъ имѣетъ право заявить и заявляетъ, что онъ держитъ въ своей рукѣ *научный свѣтильникъ*, хотя, можетъ быть, сообразно съ дарованнымъ ему Господомъ талантомъ, и *очень скромныхъ размѣровъ*,— но дающій *свѣтъ ясный*, потому что онъ вливаетъ въ сей свѣтильникъ масло *чистое* и возжигаетъ его рукою, простертою къ огню, даруемому людямъ, *пламенѣющимъ любовію* къ Исторической Истинѣ.

А вы, проф. Титовъ, какой свѣтильникъ въ своей рукѣ держите?

Поставивъ этотъ вопросъ, я вспомнилъ прекурьёзнѣйшій случай.

Засѣданіе Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, на которомъ въ качествѣ члена присутствуетъ и проф. Титовъ. Я читаю длинный рефератъ, касающійся одного тоже якобы открытія. По окончаніи реферата, очевидно, достаточно всѣхъ утомившаго, мнѣ однимъ изъ членовъ сдѣлано было замѣчаніе, зачѣмъ я выступилъ съ тяжелою артиллеріею противъ открытія, несостоятельность котораго обнаружена мною первыми положеніями: дѣло де для всѣхъ очевидное.—„Не совсѣмъ, говорю, очевидное. Вотъ Ѳ. И. Титовъ печатно заявилъ о важности этого открытія, какъ проливающаго *обильный свѣтъ* и на то-то, и на то-то, и на то-то“.—„А почему вы думаете,—отвѣчаетъ мнѣ профессоръ (въ то время доцентъ) Титовъ, что я разумѣю *настоящій свѣтъ*; можетъ быть я говорю *о свѣтѣ ложномъ*?—Отвѣтъ сей въ комментаріяхъ не нуждается.—Едва-ли слѣдуетъ ширить рѣчи и о томъ, съ какимъ свѣтильникомъ въ рукѣ проф. Титовъ писалъ статью, направленную противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“. Какъ чадилъ и смердилъ сей свѣтильникъ, мы видѣли предостаточно.

А теперь, проф. Титовъ, позвольте мнѣ высказать свое мнѣніе о васъ не какъ объ авторѣ разсмотрѣнной мною вашей статьи, а какъ *объ ученомъ вообще*. Намѣренъ это я сдѣлать въ вашихъ интересахъ, чтобы хотя отчасти сгладилось то тяже-

лое впечатлѣніе, какое получается отъ всего сказаннаго выше по вашему адресу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не все же время вы проводите за преклоненіями Вельзевулу? Безъ сомнѣнія, приносите вы и дѣйствительную пользу наукѣ. Профессоръ, исключительно преклоняющій свои колѣна передъ Вельзевуломъ, немыслимъ.

Приступая къ выполненію своего намѣренія—опредѣлить вашъ удѣльный въ научномъ отношеніи вѣсъ, я, разумѣется, буду *совершенно объективенъ*.

Извѣстный ученый А. П. Лебедевъ въ своей вступительной лекціи по исторіи Церкви, прочитанной въ Московскомъ Университетѣ, чуть не съ горечью констатируетъ, что „какъ трудно сдѣлаться знаменитостью, посвятивъ себя изученію общей церковной исторіи, такъ легко пожать лавры на изученіи церковной исторіи Русской“. Не было еще примѣра,—говоритъ онъ,—чтобы какой-либо недаровитый человѣкъ стяжалъ себѣ извѣстность, занимаясь изученіемъ общей церковной исторіи... „Но чего нѣтъ и не можетъ быть въ указанномъ случаѣ, это самое встрѣчается, когда и не богато одаренный способностями прильнетъ усердно къ изученію русской церковной исторіи. Бываетъ, что иной питомецъ высшей духовной школы съ посредственными дарованіями, по какой-нибудь случайности или почувствовавъ расположеніе къ занятію отечественной церковной исторіей, выйдетъ съ серпомъ на это поле, начнетъ изъявлять притязаніе *зватися отъ человѣкъ учителю*, притязаніе на уваженіе и значеніе, и не по долгомъ времени въ самомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ репутацію ученаго человѣка, оставаясь, разумѣется, по прежнему посредственностію въ умственномъ отношеніи. И такіе примѣры у насъ въявѣ“.

Одинъ изъ такихъ явственныхъ примѣровъ, притомъ величины довольно внушительной, представляете собою и вы, проф. Титовъ.

Волею судебъ вы „прильнули къ изученію русской церковной исторіи“.

Будучи человѣкомъ очень трудолюбивымъ, направивъ свои работы на поиски въ разныя, притомъ многочисленныя мѣста за

матеріаломъ новымъ, свѣжимъ, владѣя перомъ, хотя расплывчатымъ, но очень легкимъ, а потому скоро, даже иногда скоропалительно систематизируя этотъ матеріалъ, вы написали достаточное число сочиненій, принесшихъ, безъ сомнѣнія, не незначительную пользу наукѣ, спеціалистомъ которой состоите. Но значеніе вашихъ трудовъ почти исключительно *документальное*. Критическій элементъ, т. е. то, что составляетъ *жизненный* нервъ ученыхъ работъ (сей *царь царствующихъ*) въ нихъ отсутствуетъ (по временамъ видна его только тѣнь). Разумѣется, ваши труды читаются съ удовольствіемъ, иногда даже съ неослабѣвающимъ интересомъ. Но почему? Да потому, что читая, напр., вашего Макарія Булгакова, благодаря обильнымъ выдержкамъ изъ документальныхъ данныхъ, знакомишься съ мыслями и воззрѣніями этого замѣчательнаго іерарха. А ваши собственныя сужденія... ну, вѣдь иногда можно ихъ и пропустить.

Другой недостатокъ вашихъ трудовъ, отчасти стоящій въ связи съ указаннымъ, неустойчивость во взглядахъ. Видно, что наука для васъ не есть *цѣль сама по себѣ*, а только *средство*. Отсюда—мѣняніе *стяговъ*, отсюда—возможность появленія такихъ статей, какъ направленная противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“.

Мѣсто, занимаемое вами, проф. Титовъ, въ наукѣ, я изображу наглядно, такъ сказать, образно.

Картина страшнаго суда. Одни идутъ въ царство мрака, другіе—въ царство свѣта. Но между тѣми и другими, предъ дверями рая, находится человѣкъ, привязанный ко столбу. На столбѣ надпись: *блуда ради лишенъ царствія небеснаго, милостыни ради избавленъ вѣчныя муки*. Ни туда, ни сюда.

Таково, по моему мнѣнію, и мѣсто, занимаемое вами, проф. Титовъ, въ наукѣ: мѣсто серединное, т. е.,—*ни туда, ни сюда*. Причислить васъ ко мраку, никоимъ образомъ нельзя: противъ сего вопіютъ многіе ваши труды. Открыть вамъ двери рая, тоже нельзя: нѣтъ въ вашихъ трудахъ *жизненнаго нерва, сего царя царствующихъ*.

А выводъ изъ всего сказаннаго такой: вы, проф. Титовъ есть *повѣствователь*, и повѣствователь иногда даже *очень хорошій;* но ученый—*плоховатый*, иногда даже *очень* плоховатый.

Что мое мнѣніе объ отсутствіи у васъ, проф. Титовъ, означеннаго жизненнаго нерва, а также относительно взгляда вашего на науку не какъ на цѣль, саму въ себѣ, а какъ *на средство*, есть мнѣніе безпристрастное, объективное,—сіе можетъ быть подкрѣплено свидѣтельствами и съ другихъ сторонъ, притомъ свидѣтельствами, въ своей *значимости* сомнѣній не возбуждающими.

Въ жизни насъ, профессоровъ, есть три важныхъ момента. Это во-первыхъ, оцѣнка насъ съ научной точки зрѣнія по окончаніи курса, предъ поступленіемъ на каѳедру, а затѣмъ оцѣнка нашихъ сочиненій на степень магистра и доктора.

Кинемъ взглядъ на эти важнѣйшіе моменты въ вашей, проф. Титовъ, жизни: съ какою научною оцѣнкою *вы ихъ проходили.*

Въ протоколахъ Кіевской дух. Академіи отъ 14 іюня 1891 года помѣщенъ „Отзывъ ординарнаго проф. А. В. Розова объ отчетѣ о научныхъ занятіяхъ, профессорскаго стипендіата Ѳеодора Титова по древней общей гражданской исторіи".

Никогда не приходилось мнѣ читать отзыва о научныхъ занятіяхъ нашихъ профессорскихъ стипендіатовъ болѣе неодобрительнаго.

„Что такое представляетъ собою Отчетъ г. Титова?—ставитъ вопросъ А. В. Розовъ,—и отвѣчаетъ:

„Первыя семь страницъ его заняты перечисленіемъ сочиненій, которыя г. Титовъ, по его словамъ, будто-бы не только просмотрѣлъ, но и проштудировалъ въ годъ своего стипендіатства, или скорѣе въ то далеко непродолжительное время, какое оставили ему для занятій *опасныя болѣзни, которыми онъ страдалъ.* Относительно этого утвержденія г. Титова замѣчу, что онъ не особенно внимательно читалъ перечисленныя имъ въ отчетѣ книги, и между прочимъ тѣ, которыя были прямо рекомендованы ему мною для штудированія, потому что эти послѣднія, внимательно прочитанныя, избавили бы его программу и слѣдующую за ней часть отчета отъ нѣкоторыхъ немаловажныхъ недостатковъ, замѣчающихся въ нихъ. Боюсь, что г. Титовъ заботился *лишь о количествѣ труда, а не о качествѣ его*"....

„При сопоставленіи программы съ выполненіемъ ея дѣлается оче-

виднымъ, что несмотря на проштудированіе будто бы г. Титовымъ *126 сочиненій*, программа и опытъ выполненія ея создавались на дѣлѣ на основаніи весьма ограниченнаго количества пособій, что́, впрочемъ, я не поставилъ бы въ вину г. Титову, если бы онъ, во 1-хъ, *искренно указывалъ, что́ и откуда онъ заимствовалъ* (!!!) и, во 2-хъ, если бы пользовался всегда лучшими, а не худшими пособіями"... Существенный недостатокъ работы г. Титова—это отсутствіе мысли „*о необходимости тщательнаго вдумыванія въ смыслъ и значеніе пріобрѣтаемыхъ имъ при штудированіи историческихъ сочиненій свѣдѣній* (!!!)".

Замѣтимъ и подчеркнемъ, что *повѣствовательный* талантъ г. Титова подмѣченъ и А. В. Розовымъ: онъ говоритъ объ „умѣньи его *пересказывать* прочитанное *сжато, ясно и вѣрно*". То обстоятельство, что въ настоящее время проф. Титовъ оставилъ сжатость, можетъ свидѣтельствовать только о развитіи у него *повѣствовательнаго* таланта.

Второй моментъ—магистерское сочиненіе.

Объ этомъ моментѣ, проф. Титовъ, можно было бы разсказать много и любопытнаго и комичнаго. Но на мои уста наложена печать молчанія рецензентомъ вашего не разъ передѣлываемаго магистерскаго сочиненія: онъ не желаетъ бередить ранъ старыхъ. Поэтому я ограничусь только констатированіемъ слѣдующихъ двухъ положеній:

1) Сочиненіе ваше на степень магистра проходило съ *тучами величайшими*.

и 2) Существенный недостатокъ его тотъ же, что указанъ мною при общей характеристикѣ вашихъ трудовъ—отсутствіе *жизненнаго* научнаго нерва, сего *царя царствующихъ*.

Третій моментъ—докторская диссертація. Но сія диссертація заслуживаетъ, чтобы рѣчамъ о ней отведенъ былъ особый отдѣлецъ.

XXIII.

Необходимость выдѣлить „сказаніе" о докторской диссертаціи проф. Титова въ особый отдѣлецъ вызывается нѣсколькими соображеніями.

Во-первыхъ, существуетъ легенда, что проф. Голубевъ ставилъ всяческія препятствія проф. Титову на пути къ полученію имъ докторской диссертаціи.

Является вопросъ: правда-ли это? Напротивъ, въ данномъ случаѣ не простиралъ-ли проф. Голубевъ свою *благостную* руку до предѣловъ, далѣе которыхъ, безъ ущерба для своей ученой репутаціи, *онъ идти уже не могъ?*

Во вторыхъ, не впадаетъ-ли проф. Голубевъ, при характеристикѣ сего момента въ жизни проф. Титова, въ „непримиримое противорѣчіе“ *съ оффиціальными и уже напечатанными документами*, къ сему дѣлу относящимся,—изъ каковыхъ документовъ явственно открывается, *со сколь великою честію и славою* получена была симъ профессоромъ докторская степень и сколь *необычайно высоко* оцѣнена была самая его диссертація въ сферахъ высшихъ?

Отвѣтъ на сіе для вящей наглядности можетъ быть изображенъ въ слѣдующемъ „комидійномъ представленіи“.

Дѣйствіе первое.

Явленіе 1-е.

Профессоръ Титовъ, напечатавъ три тома „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ“ и снабдивъ ихъ предисловіемъ въ 14, а „изслѣдованіемъ“ въ 149 страницъ, *отказывается отъ слѣдуемаго ему за корректуру и переписку документовъ вознагражденія въ суммѣ 938 рублей.* (Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи за 1904—1905 учебный годъ, стр. 203).

Явленіе 2-е.

Коммиссія, назначенная Совѣтомъ „Академіи“ *для наблюденія за печатаніемъ* собранныхъ профессоромъ Ѳ. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“,—т. е. *для наблюденія за ходомъ типографскихъ работъ и денежныхъ разсчетовъ за эти работы*,—коммиссія, состоящая изъ профессоровъ І. Н. Король-

кова, спеціалиста *по греческому языку*, К. Д. Попова, спеціалиста по *Патристикѣ* и А. А. Дмитріевскаго спеціалиста по *Литургикѣ*, исполнивъ *возложенную на нее задачу*,—именно, представивъ Совѣту подробный отчетъ о разсчетахъ съ типографіею,—нашла возможнымъ *выступить и за предѣлы означенной задачи*.

Она нашла возможнымъ представить слѣдующую характеристику изданныхъ проф. Титовымъ „Памятниковъ“ и на основаніи этой характеристики преподать ему *добрый совѣтъ*.

Характеристика и совѣтъ были дословно нижеслѣдующія:

„Высокія научныя качества изданнаго проф. о. Ѳ. И. Титовымъ I тома Памятниковъ православія и русской народности побуждаетъ комиссію выразить живѣйшее желаніе относительно продолженія печатанія этого замѣчательнаго предпріятія, отличающагося широтою задачи и талантливымъ ученымъ выполненіемъ ея. Въ самомъ дѣлѣ. Исторія православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв. совершенно не разработана. О. Титовъ поставилъ для себя задачею разыскать въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ документы, относящіеся къ православію и русской народности въ западной Россіи въ означенное время, изучить ихъ, издать главнѣйшіе и на изслѣдованіи ихъ возсоздать истинную, основанную на документахъ, исторію борьбы западной Россіи за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв. и тѣмъ расчистить путь и дать богатый матеріалъ для ученыхъ, желающихъ трудиться на этомъ пути. Симпатичная, великая и многоплодотворная по своимъ послѣдствіямъ задача! Прекраснымъ началомъ выполненія ея служитъ изданный въ трехъ книгахъ 1 томъ актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв. съ обширнымъ изслѣдованіемъ и картою Западной Россіи, составленною весьма подробно и обстоятельно. Настоящій томъ Памятниковъ, заключая въ себѣ 746 актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи, содержитъ самые разнообразные матеріалы: одни изъ нихъ говорятъ о происхожденіи и началѣ монастырей, другіе о внѣшней ихъ судьбѣ, иные о внутреннемъ ихъ устройствѣ, иные о значеніи монастырей и участіи ихъ въ борьбѣ Западной Россіи за вѣру и народность, иные о церковныхъ братствахъ, находящихся при монастыряхъ, другіе содержатъ въ себѣ описаніе книжныхъ собраній, существовавшихъ въ обителяхъ, иные о земельныхъ владѣніяхъ монастырей и т. п. Означенные акты изданы въ хронологическомъ порядкѣ, снабжены подробнымъ оглавленіемъ,

а въ концѣ 3 части приложенъ указатель личный, географическій и предметный для всѣхъ трехъ частей перваго тома.

Многоразличное содержаніе актовъ изслѣдуется въ обширномъ введеніи, *которое о. Титовъ справедливо назвалъ изслѣдованіемъ;* въ немъ авторъ съ обширной эрудиціей и ученою опытностію уясняетъ вопросы о границахъ Кіевской епархіи, объ устройствѣ и бытѣ заграничныхъ монастырей, ихъ управленіи, служебной администраціи, о церковныхъ братствахъ, о передачѣ заграничныхъ монастырей въ вѣдѣніе Бѣлорусскихъ епископовъ, о заграничныхъ протопопіяхъ и приходскихъ церквахъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв., о варшавскихъ капелланіяхъ и варшавскихъ капелланахъ.

Вообще изслѣдованіе о. Титова о заграничныхъ монастыряхъ *можно назвать превосходною ученою диссертаціею, въ которой авторъ опытною и искусною рукою ученаго изслѣдователя начертываетъ новыя прекрасныя страницы исторіи православной и русской народности въ западной Россіи въ XVII—XVIII вв. Авторъ могъ бы, еслибы того пожелалъ, представитъ настоящій свой трудъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.*

Присужденіе автору высшей ученой степени, хотя отчасти, вознаградило бы его *за вполнѣ безкорыстное* и самоотверженное отношеніе его къ порученному ему дѣлу".

Явленіе 3-е.

Въ томъ же засѣданіи Совѣта, въ которомъ прочитанъ былъ означенный докладъ Коммиссіи *„отъ 13-го декабря"* (1904 года), заслушано было нижеслѣдующее „прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи священника Ѳеодора Титова" *отъ 12 декабря*:

„*Узнавъ отъ членовъ коммиссіи*, наблюдавшей за печатаніемъ собранныхъ мною церковно-историческихъ актовъ и разсматривавшей первый печатный томъ сихъ актовъ, что *они признали возможнымъ присудить мнѣ за нихъ степень доктора церковной исторіи*, я, съ своей стороны, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять первый томъ, въ трехъ частяхъ, напечатанныхъ мною „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.", содержащій въ себѣ „изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской евархіи XVII—XVIII вв.", съ приложеніемъ актовъ, для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи".

Постановленіе Совѣта: „Поименованное сочиненіе проф. священника Ѳ. Титова передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору С. Голубеву, съ предоставленіемъ ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію".

Явленіе по счету 4-е, но по времени немного предшествовавшее 3-му.

Профессоръ Голубевъ приглашается ректоромъ Академіи преосв. Платономъ и между ними происходитъ нижеслѣдующій разговоръ.

Преосв. Платонъ. Читали вы, Степанъ Тимоѳеевичъ, сочиненіе Ѳ. И. Титова? Какъ находите его: можно дать за него докторскую степень?

Проф. Голубевъ. Читалъ, Ваше Преосвященство, и нахожу его для степени докторской плоховатымъ (объясняется почему).

Преосв. Платонъ. Нельзя-ли Степанъ Тимоѳеевичъ, пропустить Ѳедора Ивановича? Признаться, я хотѣлъ было обойтись безъ васъ, но знаете, какъ-то не ловко: вы извѣстный спеціалистъ по исторіи западно-русской церкви. Пойдутъ толки.

Проф. Голубевъ. Сочиненіе, говорю вамъ, плоховатое. Но Ѳедоръ Ивановичъ писалъ много. Можно это принять во вниманіе и по совокупности дать удовлетворительный отзывъ.

Преосв. Платонъ. Пожалуйста, Степанъ Тимоѳеевичъ. Прошу васъ, хоть по совокупности.

Проф. Голубевъ. Хорошо.

Преосв. Платонъ. Честное слово?

Проф. Голубевъ. Сказалъ пропущу—и пропущу. (Въ самомъ дѣлѣ, думаю, не боги же горшки обжигаютъ).

Явленіе 5-е.

Сіе явленіе преисполнено для проф. Голубева сценъ многихъ и весьма для него непріятныхъ. Онъ въ половинѣ января (1905 г.) серьезно заболѣлъ, еле встаетъ съ постели; а между тѣмъ съ разныхъ сторонъ, преимущественно отъ преосв. ректора постоянныя и письменныя и, при посѣщеніи болящаго, словесныя

напоминанія, чтобы рецензія на сочиненіе проф. Титова изготовлена была *въ наискорѣйшемъ времени.*—Проф. Голубевъ резонно замѣчаетъ, что не можетъ онъ испечь рецензію какъ блинъ, что нѣтъ и основаній спѣшить: свободной ординатуры нѣтъ, да если бы и освободилась, *то на нее кандидатъ уже есть, старѣйшій по службѣ и преимуществующій по научнымъ заслугамъ, профессоръ Д. И. Богдашевскій;* поэтому мѣсяцемъ раньше или позже получитъ проф. Титовъ докторскую степень, для него это *дѣло безразличное (o sancta simplicitas!).* Но объясненіямъ проф. Голубева не внимаютъ. Тяжелая сцена въ засѣданіи Совѣта 7 апрѣля (въ протоколахъ слѣдовъ не оставившая). Проф. Голубевъ заявляетъ, что рецензія *до каникулъ* будетъ имъ представлена. Слухи, что высокопоставленныя лица даже въ Петербургѣ медлительностію (sic!) проф. Голубева недовольны, и т. д. и т. д.

Явленіе 6-е.

. . . . . .

Явленіе 7-е.

3 іюля къ засѣданію Совѣта проф. Голубевъ представляетъ довольно обширный отзывъ о сочиненіи проф. Титова: „Памятники православія“ и проч.

Привожу нѣкоторые отрывки изъ этого (ненапечатаннаго) отзыва.

„Ближайшимъ поводомъ къ появленію въ свѣтъ разсматриваемаго изданія „Актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.“, съ присовокупленіемъ изслѣдованія о сихъ монастыряхъ, „послужило,—по заявленію проф. Ѳ. И. Титова,—предложеніе г. оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева Кіевской духовной Академіи составить для рус-

скаго народа истинную, основанную на подлинныхъ документахъ, исторію борьбы Западной Руси за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв.“ Принявъ на себя, въ качествѣ спеціалиста по исторіи русской церкви, исполненіе этого порученія проф. Титовъ нашелъ, что исторія западно-русской церкви въ XVII—XVIII вв. и, въ частности борьба Западной Руси за вѣру и народность въ это время, почти совершенно неразработана въ своихъ первоисточникахъ, и пришелъ къ вполнѣ вѣрному заключенію, что для выполненія этого пробѣла необходимо обратиться къ „рукописнымъ источникамъ и архивнымъ матеріаламъ“. Собираніемъ этого матеріала проф. Титовъ, съ присущимъ ему трудолюбіемъ, очень долгое время и занимался. Въ теченіи *семи лѣтъ*, съ 1897-го года по 1903 г. включительно, преимущественно во время лѣтнихъ каникулъ и во время восьмимѣсячной спеціальной командировки въ 1901 году, онъ усердно работалъ въ нѣкоторыхъ архивахъ петербургскихъ, московскихъ, варшавскихъ, виленскихъ, могилевскихъ и кіевскихъ, и за границею въ архивахъ и библіотекахъ—львовскихъ, краковскихъ, вѣнскихъ и дрезденскихъ. Результаты этихъ многолѣтнихъ работъ были очень плодотворны: проф. Титовымъ собрана масса рукописнаго матеріала, относящагося до исторіи западно-русской церкви, преимущественно за конецъ XVII и XVIII столѣтій. Настоящій, весьма объемистый томъ (въ 3-хъ частяхъ) заключаетъ въ себѣ только меньшую часть этого матеріала, объединяемаго нашимъ ученымъ подъ общимъ заглавіемъ: „Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.“ Въ этомъ томѣ помѣщены—какъ замѣчено—„*Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи*“ за указанное время. Выдѣлить въ особый, притомъ начальный томъ матеріалы, спеціально относящіеся до исторіи означенныхъ монастырей, побудилъ издателя, по его словамъ, тотъ фактъ, что монастыри сіи „были, съ одной стороны основою и оплотомъ православія и русской народности въ Западной Руси въ XVII—XVIII вв., а съ другой—центрами борьбы православно-русскаго народа въ Польшѣ за вѣру и народность“. Слѣдовательно, имѣли „величайшее значеніе“.

Всѣхъ актовъ въ разсматриваемомъ томѣ напечатано 746. За исключеніемъ первыхъ двухъ они относятся ко времени 1684—1800 гг. Къ сожалѣнію, за конецъ XVII столѣтія розыскано (по крайней мѣрѣ, напечатано) документовъ, касающихся монастырей, немного: за шестнадцатилѣтній періодъ всего 9

(№№ III—XI). Это можетъ быть объясняемо отчасти недосмотромъ при работѣ, а главнымъ образомъ извѣстнымъ составомъ тѣхъ хранилищъ, на которыя издателемъ обращено было особенное вниманіе.—Одни изъ напечатанныхъ проф. Титовымъ документовъ (выражаясь его словами) „говорятъ о происхожденіи и началѣ заграничныхъ монастырей, другіе—о внѣшней ихъ судьбѣ, иные—о внутреннемъ устройствѣ ихъ, иные—о значеніи монастырей и участіи ихъ въ борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность, иные—о церковныхъ братствахъ, находившихся при монастыряхъ, иные содержатъ въ себѣ описаніе книжныхъ собраній, существовавшихъ въ обителяхъ, иные о земельныхъ владѣніяхъ монастырей, и т. д.“ Словомъ, содержаніе документовъ „разнообразное“.

Разумѣется, никакъ нельзя сказать, что изданные проф. Титовымъ акты вполнѣ восполняютъ существующіе въ печати пробѣлы по исторіи разсматриваемыхъ имъ монастырей; но—безъ сомнѣнія—они довольно значительно сокращаютъ эти пробѣлы,—и это не малая заслуга передъ наукою со стороны трудолюбиваго собирателя сихъ актовъ, разсѣянныхъ по разнымъ, другъ отъ друга отдаленнымъ мѣстамъ.

Что касается самаго изданія документовъ,—*пріемовъ*, коимъ слѣдовалъ при этомъ издатель,—то, имѣя въ виду, что разсматриваемый томъ есть начальный, за которымъ должны появляться въ свѣтъ другіе томы, я позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній и дезидератовъ въ надеждѣ, что на нихъ при дальнѣйшихъ работахъ нашимъ ученымъ можетъ быть обращено вниманіе.

Проф. Титовъ при изданіи документовъ беретъ за образецъ наши археографическія коммиссіи: издаетъ акты,—„за рѣдкими исключеніями, мотивированными въ текстѣ“,—въ строго хронологическомъ порядкѣ, отмѣчая въ концѣ документовъ ихъ мѣстонахожденіе. Тѣмъ дѣло и кончается. Разумѣется, это способъ изданія документовъ *наилегчайшій*, но его отнюдь нельзя назвать *лучшимъ*, въ особенности если документы относятся къ такой малоразработанной области, каковую представляетъ исторія западно-русской церкви. При восполненіи пробѣловъ въ сей области желательно, чтобы дѣлалось это съ возможно бо́льшею пользою для науки: мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ изданіе тѣхъ или другихъ документальныхъ данныхъ, *соединенное со всесторонними ихъ изученіемъ*. Благодаря такому изученію, первѣе всего опредѣляется *историческая значимость* тѣхъ или иныхъ документовъ, а отсюда является возможность: 1) выдѣлить изъ

нихъ *основные*, имѣющіе наибольшее историческое значеніе; 2) сгруппировать около сихъ послѣднихъ (въ примѣчаніяхъ къ нимъ) болѣе или менѣе значительныя выдержки изъ другихъ *однородныхъ* ненапечатанныхъ документовъ меньшей исторической важности, поколику это нужно для восполненія и освѣщенія основныхъ документовъ, и 3) привлечь для послѣдней цѣли также напечатанные матеріалы. Словомъ, представляется возможность дать по тому или иному вопросу до извѣстной степени цѣльную и яркую документальную картину,—что не достигается при пріемѣ, которому слѣдуетъ нашъ ученый въ своемъ изданіи. Для примѣра укажемъ на документы, помѣщенные проф. Титовымъ подъ №№ 19 и 20, которые настоятельно требуютъ сопоставленія ихъ съ документомъ, напечатаннымъ въ „Бѣлорусскомъ Архивѣ древнихъ грамотъ“ (ч. I, Москва, 1824 г.) подъ № 53, какъ имѣющимъ тѣсную, неразрывную связь съ означенными документами и представляющимъ какъ-бы историческое послѣдствіе изъ фактовъ, сообщаемыхъ ими. Отсутствіе такого сопоставленія естественно отражается и на самомъ изслѣдованіи автора, побуждая его ставить точку тамъ, гдѣ наличность давнымъ давно обнародованныхъ данныхъ не дозволяетъ этого дѣлать (см. изслѣд. стр. LXXXII).

Затѣмъ нѣкоторые документы въ разсматриваемомъ изданіи крайне нуждаются въ комментаріяхъ, объясненіяхъ, вообще въ изысканіяхъ, вызываемыхъ содержаніемъ сихъ документовъ, требующемъ освѣщенія согласно съ обращающимися въ наукѣ данными. Для примѣра укажемъ на документы, гдѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о прошломъ монастырей, ихъ настоятеляхъ и т. п. Документы эти, представляя собою оффиціальныя донесенія лицъ, бо́льшею частію случайно (по требованію начальства), на скорую руку знакомившихся съ исторіею тѣхъ или иныхъ монастырей, заключаютъ въ себѣ, на ряду съ свѣдѣніями достовѣрными, много недостовѣрнаго, неточнаго, а иногда и прямо ошибочнаго. Проходить молча мимо подобныхъ документовъ *ученому* издателю не подобаетъ, коль скоро наличность обнародованныхъ данныхъ даетъ возможность къ тексту этихъ документовъ присоединить соотвѣтствующія восполненія и исправленія. Нашему же издателю наличность обнародованныхъ данныхъ предоставляла не только возможность, но и широкій просторъ для работы въ указанномъ направленіи, и—безъ сомнѣнія,—по исполненіи такой работы, изданные имъ документы, иногда сами по себѣ малозначущіе, благодаря научной обстановкѣ, которая имъ

была бы сообщена, много содѣйствовали бы интересамъ научнымъ. Безъ этого же не только значительно съуживается историческое значеніе нѣкоторыхъ документовъ, но иные изъ нихъ могутъ даже послужить поводомъ для недоразумѣній (см., напр., документъ подъ № 692).

. . . . . .

Разумѣется, всестороннее изученіе документовъ дѣло очень не легкое, требующее большой ерудиціи, а при широкой постановкѣ—даже огромной. Въ данномъ случаѣ мы высказываемъ свои desiderata.

Но упущено нашимъ ученымъ при изданіи документовъ и совершенно ему (какъ достаточно ознакомившемуся съ рукописными данными о заграничныхъ монастыряхъ) посильное.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Документы, относящіеся до западно-русской исторіи за конецъ XVII и XVIII столѣтія сохранились во многихъ сотняхъ тысячъ. Въ частности документы, касающіеся западно-русскихъ монастырей за указанное время, можно считать десятками тысячъ. Профессоромъ Титовымъ, не взирая на его выдающееся трудолюбіе, осмотрѣны только нѣкоторыя хранилища интересующаго его матеріала (изъ важнѣйшихъ хранилищъ, обильныхъ этимъ матеріаломъ, не осмотрѣна, напр., Императорская Публичная Библіотека). Безъ сомнѣнія, и въ нѣкоторыхъ осмотрѣнныхъ хранилищахъ далеко не все, относящееся къ темѣ собирателя, было имъ найдено (это неизбѣжно; наиболѣе поверхностно собирателемъ осмотрѣнъ Кіевскій центральный Архивъ). Тѣмъ не менѣе, по заявленію издателя, розысканныхъ имъ актовъ по исторіи пограничныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XIII в. в., находящихся въ слѣдующихъ хранилищахъ—I) *русскихъ*: а) старомъ архивѣ Кіевской консисторіи; б) архивѣ св. Синода; в) архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ; г) Государственномъ архивѣ; д) С.-Петербургскомъ главномъ архивѣ министерства Иностранныхъ Дѣлъ; е) въ Московской Синодальной Библіотекѣ; ж) въ Типографской Библіотекѣ въ Москвѣ; з) въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства Иностранныхъ Дѣлъ; и) въ Московскомъ Архивѣ министерства Юстиціи; і) въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ; к) въ Главномъ Архивѣ царства Польскаго; л) въ Виленскомъ центральномъ Архивѣ; м) Кіевскомъ центральномъ Архивѣ, особенно въ дѣлахъ Археологической коммиссіи, здѣсь хранящихся; н) въ Архивѣ Кіево-Печерской Лавры; о) въ архивномъ собраніи библіотеки Кіево-Софійскаго собора; п) въ Музейной библіотекѣ

Кіев. духовной Академіи; р) въ Могилевскомъ губернскомъ архивѣ; с) въ архивѣ Могилевской дух. консисторіи; т) въ Могилевскомъ церковномъ древне-хранилищѣ; II) *заграничныхъ:* а) въ библіотекѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ; б) въ рукописномъ отдѣленіи Львовскаго университета; в) въ архивѣ Львовскаго Ставропигіальнаго Института; г) въ городскомъ Львовскомъ архивѣ; д) въ частной библіотекѣ Павликовскихъ; е) въ частной библіотекѣ графа Баворовскаго; ж) въ Музеѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ; з) въ Дрезденской королевской библіотекѣ,—розысканныхъ въ указанныхъ хранилищахъ актовъ по исторіи заграничныхъ монастырей, по заявленію проф. Титова, „*оказалось настолько много, что не было рѣшительно никакой возможности напечатать ихъ всѣ*“. Дѣйствительно, изъ 28 перечисленныхъ здѣсь хранилищъ *восемнадцать* (всѣ заграничныя и болѣе половины русскихъ) не упоминаются проф. Титовымъ въ его указаніяхъ подъ документами объ ихъ мѣстонахожденіи, т. е. изъ означенныхъ хранилищъ собирателемъ *не издано ни одного документа.* Изъ остальныхъ осмотрѣныхъ собирателемъ хранилищъ документы (по нашему подсчету) извлечены въ слѣдующемъ количествѣ: а) изъ стараго архива Кіевской дух. консисторіи почти половина, именно 330; б) изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—192; в) изъ Архива св. Синода—168; г) изъ архивнаго собранія библіотеки Кіево-Софійскаго собора—36; д) изъ архива греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Синодѣ—4; е) изъ архива Могилевской дух. Консисторіи—4; ж) изъ Музейной библіотеки Кіев. дух. Академіи—3; з) изъ дѣлъ Кіев. Археологической Коммиссіи—3; и) изъ Архива Кіево-Печерской Лавры—1. Мѣстонахожденія *пяти* документовъ подъ №№ 137, 476, 504, 585 и 614, очевидно, по недосмотру не отмѣчены. Полагаемъ, что первый изъ сихъ документовъ извлеченъ изъ Московскаго Архива мин. Иностранныхъ Дѣлъ; 2, 4, и 5 изъ стараго архива Кіев. консисторіи, 3-й—изъ архива св. Синода).

Издатель, указывая на невозможность напечатать всѣ розысканые имъ документы о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в., заявляетъ, что имъ въ данное время печатаются документы *наиболѣе важные* и прямо относящіеся къ исторіи внѣшней и внутренней означенныхъ монастырей. Часть же ихъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе, содержащая матеріалы для исторіи православной церкви въ Польшѣ вообще, будетъ напечатана въ послѣдующихъ томахъ памятниковъ (стр. XI).

Но разумѣется въ послѣдующихъ томахъ по указанной причинѣ (подавляющему обилію матеріала) можетъ быть помѣщена сравнительно незначительная часть розысканныхъ документовъ о монастыряхъ; большинство же ихъ для изслѣдователей, пожелавшихъ спеціально заняться изученіемъ тѣхъ или заграничныхъ обителей, будетъ сокрыта. А это очень жаль. Извѣстно какъ трудно собираніе рукописныхъ матеріаловъ и какимъ великимъ облегченіемъ для ученыхъ служатъ самыя краткія, но точныя указанія (№ рукописи, обозначеніе листовъ и т. п.) о мѣстонахожденіи тѣхъ или иныхъ необнародованныхъ данныхъ для изслѣдуемыхъ темъ. Поэтому проф. Титову, столь много потрудившемуся при розыскиваніи помянутыхъ документовъ и не имѣющему возможности ознакомить со всѣми ими ученый міръ (вслѣдствіе ихъ обилія),— нужно бы сдѣлать точныя указанія о мѣстонахожденіи ненапечатанныхъ документовъ, что для него было дѣломъ очень легкимъ, а для будущихъ изслѣдователей весьма полезнымъ. Такія указанія удобно могли бы быть размѣщены подъ документами соотвѣтственно ихъ содержанію (подъ документомъ объ извѣстномъ монастырѣ могли бы быть сгруппированы всѣ розысканныя собирателемъ данныя объ этомъ монастырѣ).

Означенное пожеланіе наше усугубляется въ виду того, что проф. Титовъ при выборкѣ для печатанія документовъ руководствуется иногда соображеніями, которыя никоимъ образомъ одобрены быть не могутъ. Такъ онъ, заявивъ, что въ старомъ архивѣ Кіевской Консисторіи въ указныхъ книгахъ „есть немало *весьма цѣнныхъ* матеріаловъ для исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи 17—18 вв.“, „совсѣмъ не беретъ отсюда документовъ для своего изданія“. Почему? Да потому, какъ онъ объясняетъ, что „означенныя книги сохранились хорошо и, повидимому, обезпечены отъ печальныхъ случайностей и на будущее время“. Столь странное объясненіе въ комментаріяхъ не нуждается. Скажемъ только, что „весьма цѣнные матеріалы“ на тему, спеціально разрабатываемую нашимъ авторомъ, онъ могъ въ бо́льшемъ количествѣ ввести въ свое изданіе даже не увеличивая его размѣровъ. Для этого нужно было: во 1-хъ выдѣлить (какъ было упомянуто нами выше) изъ множества издаваемыхъ нашимъ ученымъ документовъ *основные*, сгруппировавъ около нихъ въ выдержкахъ, требуемыхъ сущностію дѣла, документы второстепенные. Такъ, напр., проф. Титовымъ помѣщено много документовъ, касающихся тяжебныхъ дѣлъ между слуцкимъ архимандритомъ Павломъ Волчанскимъ съ одной стороны, и слуцкимъ духовенствомъ, братствомъ и княземъ К. Радзивиломъ съ другой (№№ 610,

619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 633, 634, 635, 637, 639, 641, 642, 644, 645, 646, 647, 649, 651, 653, 673, 674). Изъ этихъ многихъ документовъ достаточно было бы выбрать пять-шесть основныхъ, присовокупивъ въ подстрочныхъ къ нимъ примѣчаніяхъ, требуемыя сущностію дѣла, выдержки изъ остальныхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдержки эти *безъ всякаго ущерба для научныхъ интересовъ* могли быть ограничены тремя-четырьмя строками. Во 2-хъ, нѣкоторые документы, опять безъ всякого ущерба для дѣла, могли бы быть и вовсе исключены изъ изданія. Для примѣра укажемъ, даже приведемъ въ подлинникѣ цѣлый документъ (благо онъ не великъ), подтверждающій наше замѣчаніе. Вотъ этотъ документъ (№ 605, стр. 1406—1407):

„Высокопреосвященнѣйшій владико, милостивій господинъ отецъ и архіпастырь мой!

Новимъ годомъ ваше святителство, яко отца и архіпастира моего, по должности моей синовской, поздравляя, от искренности синовской желаю вашему святителству долголѣтнаго здравія и всякаго желаемаго благопоспѣшенія. При коемъ моемъ искренномъ синовскомъ и раболѣпномъ желаніи, імѣю долгъ пребывать навсегда высокопреосвященства вашего, (с. р.) милостиваго господина и архіпастыря моего, искренно желательнѣйшій и покорнѣйшій слуга и богомолецъ Павелъ, архимандритъ Слуцкій.

1768 года, генваря 4 дня".

Такъ какъ изъ многочисленныхъ документовъ извѣстно, что въ данное время Слуцкимъ архимандритомъ былъ никто другой какъ Павелъ Волчанскій (только неизвѣстность этого факта и могла бы дать нѣкоторое основаніе для обнародованія документа), то какой смыслъ печатать означенное безцвѣтное письмо? Подобныхъ документовъ XVIII в., имѣющихъ ничтожную значимость, такая масса, что ими хоть прудъ пруди.

При печатаніи актовъ авторъ, „старался по возможности, придерживаться точной орѳографіи подлинниковъ, позволивъ себѣ единственное отступленіе отъ послѣднихъ въ разстановкѣ знаковъ препинанія", такъ какъ въ иныхъ случаяхъ это оказывалось безусловно необходимымъ для того, чтобы сообщить тексту смыслъ. „Къ сожалѣнію,—говоритъ проф. Титовъ,—настоящее изданіе не обошлось безъ опечатокъ, которыя въ значительной степени были вызваны невозможностію для редактора, при печатаніи актовъ, держать корректуру, свѣряя ее съ оригиналомъ. Нѣкоторыя

опечатки (ошибки?) могли произойти, и отъ прямого недосмотра или же неправильнаго чтенія документовъ, часто писанныхъ трудно разбираемою скорописью XVII—XVIII в. в." „Ни мало не самообольщаясь на счетъ безупречности своего изданія", издатель проситъ о снисхожденіи (стр. XII—XIII).

Что касается этой стороны, то здѣсь дѣло обстоитъ наиболѣе благополучно. Въ общемъ документы изданы удовлетворительно (наилучше изданы документы, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностраныхъ Дѣлъ). Разумѣется, опечатки, недосмотры и ошибки встрѣчаются; но въ историческихъ памятникахъ того времени, которое обслѣдуется нашимъ ученымъ, они—коль скоро не искажаютъ смысла подлинника—существеннаго значенія для историка не имѣютъ. Что же касается филологовъ, то они не будутъ, *да и не должны* при своихъ работахъ пользоваться подобными изданіями безъ сличенія напечатанныхъ въ нихъ документовъ съ подлинниками, ибо здѣсь разнаго рода недосмотры и ошибки—дѣло весьма обычное. Иллюстрирую сказанное примѣромъ. Проф. Титовъ говоритъ, что онъ не рѣшается исправлять документы, между прочимъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ „носятъ на себѣ очевидные слѣды провинціальнаго западно-русскаго говора въ 17—18 в. в." (стр. XII). Безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ имъ въ документѣ подъ № 381 (стр. 848 и слѣд.) сохраняются слѣдующія орѳографическія особенности: „*Ніе* знаю" (вмѣсто *не* знаю); *мніе* (вмѣсто *мне* или *мнѣ*); *тибіе* (вмѣсто *тибе*); *нидзіели* (вмѣсто *нидзели*) *по отъездіе* (вмѣсто *по отъезде*); *по головіе* (вмѣсто *по голове*); *церкіевныи* (вмѣсто *церквныи*) и т. д.—Разумѣется, филологъ прежде чѣмъ воспользоваться для своихъ работъ означенными орѳографическими особенностями указаннаго памятника непремѣнно обратится къ подлиннику, основательно предполагая, не смѣшано-ли въ данномъ случаѣ издателемъ іотированное *е* съ *іе* (такъ какъ въ то время іотированное *е* изрѣдка—индѣ къ дѣлу, а индѣ и не къ дѣлу—еще было употребляемо).

Рѣзюмируемъ сказанное о документахъ.

Хотя при изданіи ихъ и могли бы быть примѣнены пріемы лучшіе, чѣмъ какимъ слѣдуетъ издатель, тѣмъ не менѣе документы всегда остаются документами. А такъ какъ между ними въ разсматриваемомъ томѣ есть немало цѣнныхъ, довольно значительно сокращающихъ пробѣлы по исторіи заграничныхъ монастырей, то наука будетъ благодарна издателю за ихъ обнародованіе, и благодарность эта будетъ возрастать crescendo по мѣрѣ появленія въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ „Памятниковъ" трудолюбиваго собирателя".

Затѣмъ въ моемъ отзывѣ слѣдовалъ обзоръ самаго *изслѣдованія* проф. Титова „о заграничныхъ монастыряхъ XVII—XVIII в.в.“ Изслѣдованіе это по объему не велико: умѣщается *на 149 страницахъ* довольно разгонистаго шрифта; но если изъ этого числа исключить замѣчанія о приходскихъ церквахъ и Варшавской капелланіи, то на долю монастырей приходится только *115 страницъ*.

Задавшись вопросомъ: какимъ образомъ авторъ достигъ того, что очень широкая тема, избранная имъ для диссертаціи, могла быть втиснута въ столь тѣсныя рамки?—я констатировалъ, что достигается это слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ, авторъ не касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ своей темы: о борьбѣ латино-уніатовъ съ православными изъ-за владѣнія монастырями, о переходѣ послѣднихъ изъ однихъ рукъ въ другія, т. п. Безъ сомнѣнія, говорилъ я, пробѣлъ этотъ будетъ восполненъ проф. Титовымъ въ предисловіяхъ къ будущимъ томамъ „Памятниковъ“, гдѣ предстоятъ большія рѣчи о борьбѣ Западной Руси за вѣру и народность.

Во вторыхъ, авторъ не сообщаетъ историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ, ихъ происхожденіи, выдающихся событіяхъ ихъ прошлаго и т. п.

Исключивъ изъ своего изслѣдованія указанные пункты, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе *на общемъ обзорѣ* заграничныхъ монастырей, неизмѣнно оставшихся православными въ XVII—XVIII в. в. Онъ какъ бы поднимается на высоту и съ нея окидываетъ взоромъ сразу всѣ монастыри, высказывая при этомъ тѣ или иныя общія, бо́льшею частію, краткія положенія и замѣчанія.—Иллюстрировавъ такой пріемъ соотвѣтствующими выдержками изъ „изслѣдованія“ проф. Титова, я писалъ: „Разумѣется, подобныя обобщенія имѣютъ свою цѣну но—по нашему мнѣнію—имъ должны предшествовать обстоятельныя изслѣдованія. Очевидно, они авторомъ и произведены, но пока не занесены еще на бумагу, и трудъ его въ значительной части является какъ бы заключительною главою этихъ изслѣдованій. Тамъ, гдѣ затронутые авторомъ вопросы по своему характеру неизбѣжно вызывали на указанныя изслѣдованія, трудъ его пріобрѣтаетъ бо́льшую цѣн-

ность. Такъ, напр., трактатъ о спорахъ кіевскихъ митрополитовъ съ бѣлорусскими епископами представляетъ цѣнныя дополненія къ существующимъ по сему предмету свѣдѣніямъ".

Поднявшись на высоту можно не досмотрѣть многаго даже вблизи лежащаго отъ разсматриваемыхъ пунктовъ, тѣмъ болѣе находящагося отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.—Случается это,—писалъ я,—и съ нашимъ авторомъ, причемъ недосмотры бываютъ не только мелкіе, но и крупные. Указавъ нѣсколько такихъ недосмотровъ, я остановилъ свое вниманіе на двухъ важнѣйшихъ положеніяхъ автора по вопросу о значеніи заграничныхъ монастырей.

1) Заграничные православные монастыри—говоритъ проф. Титовъ—служили (въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ) лучшими и почти *единственными* центрами русской культуры за разсматриваемое время; они были лучшими *выразителями*, *представителями и хранителями ея*. „Заграничные монастыри—объясняетъ авторъ—совмѣщали въ себѣ все: они были, если можно такъ выразиться, и святилищами, и университетами, и академіями, и музеями русскаго народа. Хранившіяся въ нихъ святыни, особенно чудотворые образы привлекали къ себѣ массы благочестивыхъ поклонниковъ. Насельники ихъ были бо́льшею частію и сами грамотными и другихъ охотно учили грамотѣ. Въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ изъ нихъ, существовали школы и типографіи, въ которыхъ хотя и весьма слабо, но негасимо теплился огонекъ русской образованности. Живописныя изображенія, какими украшены были храмы монастырей, служили образцами, которымъ стремились подражать мастера русской народной живописи. Проповѣдничество, державшееся въ монастыряхъ, и въ иныхъ изъ нихъ поставленное даже образцово, служило лучшею школою, въ которой западно-русскій народъ научался, утверждался и вдохновлялся истинами своей вѣры" (стр. 125).

По поводу этихъ краснорѣчивыхъ рѣчей я позволилъ себѣ въ своемъ отзывѣ, предложить автору нѣсколько вопросовъ,—именно: западно-русскій народъ, силою привлеченный въ унію, переставъ-ли быть русскимъ? Не въ тѣже ли онъ ходилъ храмы и не тоже ли слушалъ въ нихъ богослуженіе, что и прежде? Не

тѣмъ ли же молился иконамъ? И далѣе—у кого было болѣе школъ, въ которыхъ обученіе производилось на русскомъ языкѣ: у православныхъ или уніатовъ? У кого было болѣе типографій и у кого гораздо производительнѣе была ихъ дѣятельность? Какой культурѣ служили многочисленныя (пріобрѣтаемыя и православными) изданія богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ? Какой, напр., культурѣ служили изданныя Почаевскою Лаврою Четь-Минеи св. Димитрія Ростовскаго? Вліянію ли только заграничныхъ православныхъ монастырей слѣдуетъ приписать, что массы народныя (въ значительной части, можетъ быть, и не видѣвшія означенныхъ монастырей) радостно возвращались въ православную церковь при первой къ тому возможности?

Причины живучести русской культуры—говорилъ я—были иныя чѣмъ полагаетъ авторъ: они коренились *въ самомъ народѣ*, и роль заграничныхъ православныхъ монастырей въ дѣлѣ „охраненія“ этой культуры была сравнительно скромная.

2) Заграничные монастыри Кіев. епархіи XVII—XVIII в.в., говоритъ проф. Титовъ, „*служили также училищами благочестія для окрестнаго православно-русскаго населенія*“. Разумѣется,—писалъ я въ своемъ отзывѣ,—иноческія обители должны служить и служатъ училищами благочестія. Но степени этого служенія бываютъ различныя, что зависитъ отъ того или иного умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія самыхъ обителей. Отсюда иногда это служеніе стоитъ на высокомъ уровнѣ, а иногда умаляется до minimum'а. Что касается до заграничныхъ обителей, то въ разсматриваемое время почти всѣ они были въ крайнемъ упадкѣ, особенно въ отношеніи религіозно-нравственномъ. Объ этомъ многочисленныя свидѣтельства идутъ съ разныхъ сторонъ.

Охарактеризовавъ заграничные монастыри въ этомъ отношеніи, я отмѣтилъ, что и самъ проф. Титовъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи нѣсколько фактовъ распущенности монаховъ. Такъ на стр. 67 онъ говоритъ: „Если братіи не нравился игуменъ, то съ нимъ не церемонились: ему отказывали въ повиновеніи, или неожиданно нападали на его келлію, били, все имущество его или грабили, или портили и затѣмъ самого его, иногда избитаго,

искалѣченнаго, прогоняли изъ монастыря". Авторъ упоминаетъ и о наѣздахъ иноковъ однихъ заграничныхъ монастырей на другіе, причемъ нападающіе иноки „били, мордовали, калѣчили, прочь разгоняли, кровавыя раны задавали, самый монастырь до основанія разоряли и грабили" и т. д. Но проф. Титовъ, приведши означенные факты, тотчасъ „оговаривается, что подобные безпорядки въ жизни монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв. *не должны нисколько смущать* читателей", потому что это было въ Польшѣ, а здѣсь царилъ свободолюбивый, анархически шляхетскій духъ, которымъ невольно заражались иноки (стр. 68). Но вѣдь смущайся не смущайся, а факты остаются фактами, и черное нельзя назвать бѣлымъ. А отсюда слѣдуетъ выводъ, что о заграничныхъ монастыряхъ, какъ *училищахъ благочестія*, можно говорить не иначе, какъ съ нѣкоторыми оговорками.

Важнѣе замѣчаніе автора, что „въ монастыряхъ были часто подвижники, проводившіе высоко-нравственную жизнь (старцы-схимники) и оказывавшіе на народъ глубокое благотворное вліяніе" (стр. 125). Но, къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ о сихъ подвижникахъ никакихъ свѣдѣній, и даже не указываетъ, гдѣ бы можно было найти эти свѣдѣнія. (Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не скупъ на ссылки. Такъ въ подтвержденіе того факта, что первый раздѣлъ Польши совершился въ 1772 году, онъ цитируетъ Полное Собраніе Законовъ Рос. Имперіи).

Конечную часть своего отзыва объ „изслѣдованіи проф. Титова" привожу въ полномъ видѣ:

„Выскажемъ общее наше мнѣніе о диссертаціи проф. Титова. Она представляетъ собою стройно, прекраснымъ языкомъ, съ большимъ одушевленіемъ и добрыми чувствами написанную статью, касающуюся заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи 17—18 вв. и не лишенную научныхъ достоинствъ; но *статью*, а отнюдь не обстоятельное, серьезное научное изслѣдованіе объ означенныхъ монастыряхъ.

Къ изслѣдованію приложена карта, изображающая Зап. Русь въ XVII—XVIII стол., съ показаніемъ мѣстечекъ и селеній, гдѣ въ указанное время сохранились православные монастыри и церкви.

Мы лишены возможности вести объ этой картѣ какія-либо рѣчи, и вотъ почему: оригиналъ этой карты сочиненъ въ 1769 году И. Трускотомъ; но авторъ, издавая эту карту, измѣнилъ ее (какъ заявляетъ) въ немногихъ отношеніяхъ, между прочимъ, нанесъ на карту неотмѣченныя въ оригиналѣ мѣстности и населенія, *не указавъ, что именно имъ измѣнено и дополнено* Такимъ образомъ, на карту нельзя смотрѣть какъ на оригиналъ. (она измѣнена); нельзя смотрѣть и какъ на трудъ автора. Неизвѣстно и къ какому году она должна быть отнесена (относить къ XVII—XVIII стол. (какъ дѣлаетъ авторъ) нѣтъ возможности, благодаря перемѣнамъ за этотъ длинный періодъ въ принадлежности монастырей и церквей уніатамъ или православнымъ).

Приложены къ изслѣдованію также планы нѣкоторыхъ монастырей и церквей. За эти приложенія автору будутъ благодарны наши археологи.

Все сказанное о диссертаціи проф. Ѳ. И. Титова—можетъ возбудить небезъосновательныя сомнѣнія объ ея достаточности для полученія авторомъ той ученой степени, на соисканіе которой она представлена. Но мы сомнѣніе это склонны рѣшить въ пользу автора, имѣя въ виду слѣдующее:

1) Проф. Титовъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей въ нашей Академической средѣ. Ежегодно появляется въ свѣтъ нѣсколько его произведеній, писанныхъ на разнообразныя темы,— и хотя большинство этихъ произведеній имѣетъ въ виду широкую публику, но лучшія изъ нихъ, вслѣдствіе обилія заключающагося въ нихъ свѣжаго матеріала, преимущественно самимъ авторомъ извлеченнаго изъ рукописей, имѣютъ большую цѣнность (Макарій Булгаковъ, митрополитъ Московскій; Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ Мелитопольскій. Оба сочиненія удостоены нашею Академіею полной Макарьевской преміи).

2) Архивныя розысканія—тяжелая работа, требующая большой энергіи. Проф. Титовымъ производились эти розысканія въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга архивахъ и библіотекахъ въ теченіе многихъ лѣтъ и результаты этихъ усиленныхъ работъ были очень плодотворны. Имъ собрана масса рукописнаго матеріала. Разсматриваемый нами томъ Памятниковъ—томъ огромный—есть только начальный. За нимъ имѣютъ появляться (и, благодаря выдающемуся трудолюбію автора, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени) новые томы съ новыми цѣнными матеріалами. *По нашему мнѣнію, присужденіе проф. Титову искомой имъ*

степени доктора церковной исторіи было бы достойнымъ поощреніемъ къ продолженію имъ работъ въ указанномъ направленіи".

Этотъ отзывъ объ „изслѣдованіи" проф. Титова въ засѣданіи Совѣта Академіи, происходившемъ 3 іюня 1905 года *утромъ*, не читается. Чтеніе его предполагается на вечернемъ Совѣтскомъ засѣданіи.

Дѣйствіе второе.

(Промежутокъ между 1-мъ и 2 дѣйствіемъ 6 часовъ).

Явленіе 1-е.

Вечернее засѣданіе Совѣта Академіи того же 3 іюня, ознаменованное неожиданнымъ появленіямъ нижеслѣдующаго документа:

„Прошеніе экстра-ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи священника Ѳеодора Титова отъ **14 апрѣля** (sic!!!) 1905 года".

„*12 декабря* минувшаго года я, *по настоятельному предложенію преосвященнаго Ректора Академіи и по иниціативѣ комиссіи профессоровъ Академіи, разсматривавшей изданные мною* „Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв., т. I, въ трехъ частяхъ, съ „изслѣдованіемъ о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв., представилъ означенное сочиненіе для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи. Нынѣ истекъ четырехъ-мѣсячный срокъ, *который назначенъ Уставомъ Академій* [1]) для окончательнаго разсмотрѣнія ученыхъ

---

[1]) Въ дѣйствующемъ Академическомъ Уставѣ я такого требованія не встрѣчалъ. Практика же *всѣхъ Академій*, а въ томъ числѣ и нашей, показываетъ, что магистерскія и докторскія диссертаціи разсматриваются иногда по полугоду, *году и даже болѣе*, не возбуждая, сколько мнѣ извѣстно, протестовъ со стороны жаждущихъ ученыхъ степеней (у насъ докторская диссертація М. А. Олесницкаго разсматривалась *очень долго*).

диссертацій и въ теченіе котораго Совѣтъ Академіи, очевидно, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ разсмотрѣть представленнаго мною сочиненія. Почему *покорно прошу* Совѣтъ Академіи совсѣмъ прекратить дѣло о разсмотрѣніи представленнаго мною выше означеннаго сочиненія".

Совѣтомъ покорное прошеніе проф. Титова удовлетворяется.

Проф. Голубевъ сидитъ, молчитъ и про себя думаетъ: „Творецъ Небесный! Еще *14 апрѣля* проф. Титовъ любезно снялъ съ души моей великую тяготу. Чего же ради я, чтобы исполнить данное Совѣту слово, недавно отъ одра болѣзни вставшій, въ теченіе 48 часовъ, безъ сна (sic!), отрываясь отъ письменнаго стола только для принятія пищи и питія, писалъ отзывъ объ „изслѣдованіи" проф. Титова, всемѣрно заботясь о пропускѣ сего профессора въ доктора?

Примѣчаніе къ сему явленію.

Въ „Извлеченіяхъ изъ журналовъ Совѣта Кіев. дух. Академіи" за 1904—1905 г., *тисненію преданныхъ*, упомянутое прошеніе проф. Титова *не помѣщено*: его можно видѣть только въ *видѣ рукописномъ* въ упомянутыхъ журналахъ за означенный учебный годъ.

Явленіе 2-е

Продолженіе того же засѣданія Совѣта Академіи.

Чтеніе на немъ нижеслѣдующаго прошенія профессора Титова *отъ 2 іюня* 1905 года:

„Представляя при семъ въ количествѣ 60 экземпляровъ свое сочиненіе, въ двухъ книгахъ, подъ заглавіемъ: а) Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. Томъ первый. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв., первая половина тома (1655—1725 г.) и б) Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ XVII—XVIII вв. Томъ второй. Кіевская митрополія-епархія въ XVII—XVIII в. ($168^5/_6$—1795 г.), первая половина тома. Кіевъ, 1905 г.", покорнѣйше прошу принять его для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи".

Явленіе 3-е.

Преосв. Платонъ. (непосредственно послѣ прочтенія означеннаго прошенія) „Я думаю, что Совѣтъ будетъ просить васъ, Владиміръ Зеноновичъ (проф. Завитневичъ), читать сочиненіе Ѳедора Ивановича?

Проф. Завитневичъ. Я съ удовольствіемъ, Ваше Преосвященство, готовъ.

Нѣсколько голосовъ. Просимъ, просимъ.

Проф. Голубевъ. Вотъ и прекрасно.

Преосв. Платонъ. Вотъ и прекрасно. А другого рецензента я, согласно Уставу, назначу уже самъ.—Г. Секретарь, какія у насъ тамъ есть еще дѣла?

Дѣйствіе третье.

(Промежутокъ между 2 и 3-мъ дѣйствіемъ 3 мѣсяца и 13 дней).

Явленіе 1-е.

Засѣданіе Совѣта Академіи 15 сентября.

Назначенный преосв. Платономъ рецензентъ, спеціалистъ по *нравственному богословію*, т. е. самъ преосв. Платонъ, читаетъ обширнѣйшую рецензію на сочиненіе проф. Титова, въ которой, между прочимъ, заявляетъ, что „изъ трудовъ профессора о. Титова *онъ узналъ*, что религіозно-церковная жизнь западнорусскаго народа за указанный періодъ времени была чрезвычайно богата весьма свѣтлыми явленіями и событіями, представляющими собою обильнѣйшій и полный научнаго интереса историческій матеріалъ, а *въ трудахъ другихъ ученыхъ, касавшихся того же предмета, онъ увидѣлъ сравнительную скудость историческихъ данныхъ* изъ означенной области“... Рецензенту „очевидно стало, что новаго далъ нашей церковно-исторической наукѣ проф. Титовъ въ своихъ трудахъ, содержанію которыхъ чуждъ элементъ вымысла, фантазіи, элементъ непровѣреннаго или недостовѣрнаго. *Все проф. Титовъ критически провѣряетъ и все подвергаетъ строгой оцѣнкѣ*“. Согласно съ этимъ основнымъ взглядомъ разсматривается не только докторское сочиненіе проф. Титова, но и вообще вся его научно-литературная дѣятельность.

Вся рецензія есть ни что иное, какъ сплошной дифирамбъ означенной дѣятельности.

Явленіе 2-е.

Чтеніе отзыва В. З. Завитневича, кое въ чемъ и несогласнаго съ первымъ рецензентомъ. Такъ при оцѣнкѣ научнаго достоинства 1-го тома разсматриваемой диссертаціи проф. Завитневичъ заявляетъ, что она, какъ „разсчитанная *на широкую публику, освобождена отъ критическаго элемента и потому не имѣетъ внѣшнихъ признаковъ научнаго изслѣдованія*“. Правда, этотъ суровый для *ученаго* сочиненія приговоръ смягчается замѣчаніемъ о многочисленныхъ цитатахъ къ сочиненію, что даетъ основаніе *предполагать* о сокровенной критической работѣ автора; но *качества* этой критики остаются невыясненными. Не забываетъ рецензентъ указать и на ту странность, что 2-й томъ диссертаціи проф. Титова представляетъ *дословную перепечатку цѣлыхъ десятокъ страницъ тома перваго*, хотя всячески старается смягчить значеніе этого своего указанія (неотмѣченнымъ обѣими рецензентами остается то обстоятельство, что въ новую диссертацію проф. Титова вошла цѣликомъ и диссертація прежняя: „Изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII вв.).

Примѣчаніе къ сему 3-му дѣйствію.

Я не считаю себя вправѣ входить въ оцѣнку отзывовъ поименованныхъ рецензентовъ: каждый пишетъ сообразно съ своимъ пониманіемъ извѣстнаго предмета. Но я не могу не исправить одной, а пожалуй и двухъ *невольныхъ* ошибокъ преосв. Платона, допущенныхъ имъ въ своемъ отзывѣ, такъ какъ ошибки эти имѣютъ для меня значеніе *біографическое*.

Преосв. Платонъ пишетъ: „Достойно замѣчанія, что проф. Титовъ не просилъ и не получилъ ни одной копѣйки на расходы по поѣздкамъ, на переписку и корректуру документовъ, равно какъ отказался, по желанію ректора Академіи, *отъ предложенія Археографической Коммиссіи напечатать эти акты за до-*

вольно значительную плату, которая съ излишкомъ могла бы покрыть всѣ означенные расходы... И нынѣ за этотъ трудъ, дѣйствительно, великій трудъ, онъ не ищетъ денежной да и вообще никакой награды".

Истинная исторія, доподлинно проф. Голубеву извѣстная, гласитъ слѣдующее.

Проф. Титовъ неоднократно и усиленно просилъ проф. Голубева оказать ему *покровительство:* походатайствовать передъ г. Редакторомъ Археографической коммиссіи о напечатаніи сею коммиссіею собираемыхъ имъ документовъ. Проф. Голубевъ, зная о трудахъ проф. Титова по собиранію документовъ, но не будучи знакомъ съ сими документами, по крайней мѣрѣ, съ громаднымъ большинствомъ ихъ, совѣтовалъ проф. Титову повременить съ этимъ дѣломъ, пока документы не будутъ приведены въ порядокъ, но въ концѣ концовъ, чуть не ежедневно осаждаемый означенными просьбами, поѣхалъ къ г. Редактору. Дѣло послѣ переговоровъ кончилось тѣмъ, что согласіе г. Редакторомъ было дано, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы документы были предварительно мною разсмотрѣны и аппробованы, словомъ нравственная отвѣтственность за сіе дѣло возлагалась на меня. Обо всемъ этомъ было сообщено мною проф. Титову, который меня горячо поблагодарилъ. Проходитъ нѣсколько дней. При встрѣчѣ проф. Титовъ заявляетъ мнѣ, что онъ прежде печатанія документовъ въ Археографической коммиссіи счелъ нужнымъ доложить объ этомъ преосв. ректору (Димитрію), и тотъ выразилъ желаніе, чтобы документы, какъ имѣющіе важное церковно-историческое значеніе, изданы были *отъ имени Академіи*, на что обѣщалъ изыскать средства отъ Св. Синода, а въ крайнемъ случаѣ не пожалѣетъ и своихъ (извѣстно, что преосв. Димитрій *былъ* и *есть* великій ревнитель славы нашей Almae Matris, всецѣло ей преданный, всею душою съ ней сроднившійся). „Разумѣется, замѣтилъ проф. Титовъ, тутъ о большомъ вознагражденіи нечего и думать: хорошо если бы окупились поѣздки. *Но я хочу послужить родной Академіи*".—„Доброе дѣло,—говорю я. Дѣйствительно, вы приносите нѣкую жертву: въ Археографической коммиссіи у насъ плата довольно хорошая. Кромѣ платы за пере-

писку полагается по 25 рублей за печатный листъ".—„Какъ, восклицаетъ проф. Титовъ, развѣ въ Комиссіи платятъ и за печатаніе документовъ? Я полагалъ, что платятъ только за предисловіе (изслѣдованіе). Неужели по 25-ти рублей"?—„Да, говорю, по 25 рублей".—Тутъ проф. Титовъ окончательно растерялся и началъ говорить вещи совсѣмъ несуразныя: какъ бы хорошо, если бы дѣло это съ преосв. Дмитріемъ *разстроить* и т. п. Я удивленно посмотрѣлъ на ревнителя славы Академической. Онъ понялъ, что зарапортовался.—При встрѣчѣ съ г. Редакторомъ, на его вопросъ о документахъ о. Титова я, volens-nolens, долженъ былъ выяснить всѣ обстоятельства дѣла. „Хорошо, что такъ случилось,—сказалъ г. Редакторъ. Намъ, Степанъ Тимоѳеевичъ, *отъ этакихъ людей нужно быть подальше*".

Я не могъ не признать основательности означеннаго совѣта и съ этого времени къ проф. Титову и его предпріятіямъ сталъ относиться съ бо́льшею осторожностію и осмотрительностію. Поэтому, когда присланъ былъ мнѣ на квартиру для подписи отзывъ „о высокой цѣнности и научной важности собранныхъ проф. Титовымъ актовъ",—*выдержки изъ котораго приводитъ преосв. Платонъ въ своей рецензіи*,—я, какъ не разсматривавшій документовъ сего профессора, начерталъ слѣдующее: „*Вполнѣ полагаюсь на мнѣніе Н. И. Петрова*" (подпись котораго подъ отзывомъ уже находилась). Преосвященному Дмитрію такая подпись не понравилась. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и выставилъ мнѣ на видъ, что я какъ бы „одною рукою даю, а другою данное отнимаю". Я отвѣтилъ преосв. Димитрію, что въ цѣнности документовъ, собранныхъ проф. Титовымъ, не имѣю основаній сомнѣваться, но все-таки этихъ документовъ я не разсматривалъ, а потому и сдѣлалъ упомянутую подпись. „Нѣтъ,—возразилъ преосв. Димитрій,—поступите иначе: *отзывъ спѣшный*. Онъ будетъ переписанъ, и вы его подпишите". „Извольте, говорю Ваше Преосвященство".

Такъ было дѣло. Преосвященному Димитрію я не сдѣлалъ *ни малѣйшаго намека* объ обстоятельствахъ, побудившихъ меня съ осторожностію относиться къ предпріятіямъ проф. Титова и пріемамъ, употребляемымъ имъ для осуществленія сихъ пред-

пріятій, хотя и сознавалъ, что моя уклончивая подпись могла быть объясняема преосвященнымъ въ смыслѣ для меня нежелательномъ.

Почему я такъ поступилъ?

Во первыхъ, потому, что я отнюдь не желалъ охлаждать ревности преосв. Димитрія, направленной въ данномъ направленіи, ибо изданіе документовъ считаю дѣломъ для науки очень полезнымъ, хотя бы при этомъ и не осуществлялись указанныя мною *desiderata*.

А во вторыхъ, безъ крайней необходимости (подобной той, которая представилась при объясненіяхъ съ г. Редакторомъ Археографической Коммиссіи) мнѣ не желалось открывать наготы своего товарища, которому пришлось оказать предъ тѣмъ такъ много разнообразныхъ услугъ.

Повторяю, что указанныя ошибки преосв. Платона, допущенныя имъ въ его рецензіи на диссертацію проф. Титова, суть ошибки *невольныя*.

Дѣйствіе четвертое.

(Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіемъ проходитъ 1 мѣсяцъ и 20 дней).

Явленіе 1-е.

Засѣданіе Совѣта Академія 5 ноября 1905 года. Читаются два указа св. Синода на имя Высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго.

Указъ первый гласитъ, что Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства *отъ 23 сентября* сего года за № 2121, по ходатайству Совѣта Кіевской духовной Академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора сей Академіи протоіерея Ѳеодора Титова въ степени доктора церковной исторіи. Приказали: ... *утвердить*, и проч.

Содержаніе втораго указа: Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ *25 сентября* сего года за № 6709 по ходатайству Вашего

Преосвященства о назначеніи экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи Ѳеодора Титова *ординарнымъ профессоромъ сверхъ штата съ присвоеннымъ этой должности окладомъ жалованья*. Приказали: ... *удостоить*, и проч.

Примѣчаніе къ сему явленію.

Нашу бюрократію обвиняли *въ медлительности*, затяжкѣ дѣлъ и т. п., въ частности въ очень долгомъ задерживаніи диссертацій на ученыя степени. Сколь несправедливое обвиненіе!

Представленіе Кіевскаго митрополита объ удостоеніи проф. Титова докторской степени и ординатуры помѣчено *23-мъ сентября*, могло прибыть въ Петербургъ *не ранѣе 25 сентября*, и въ *тотъ же день*, т. е. *25 сентября*, получаетъ уже достодолжное движеніе! Положимъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ диссертаціею ученаго, выражаясь его словами, *„преисполненнаго глубочайшей сыновней и молитвенной благодарности къ св. Синоду и г. Оберъ-Прокурору его К. П. Побѣдоносцеву“*,—положимъ, имѣемъ дѣло съ диссертаціею, иниціатива составленія которой *„всецѣло принадлежитъ его высокопревосходительству оберъ-прокурору, св. Синода, статсъ-секретарю, дѣйствительному тайному совѣтнику Константину Петровичу Побѣдоносцеву, которому въ день 25 лѣтняго его безпримѣрнаго въ исторіи служенія Церкви, Отечеству и просвѣщенію русскаго народа“*, авторъ и посвятилъ свой трудъ,—положимъ все это такъ, но тѣмъ не менѣе знаменательно: въ мгновеніе ока.—Нѣтъ, что ни говорите, а нападки на нашу бюрократію несправедливы.

Явленіе 2-е.

Члены академическаго Совѣта по прочтеніи послѣдняго изъ приведенныхъ указовъ приходятъ въ настроеніе приподнятое, а нѣкоторые положительно возмущены: какимъ это образомъ, безъ ходатайства и вѣдома Совѣта, проф. Титовъ получилъ ординатуру? Какимъ образомъ обойденъ профессоръ старѣйшій по

службѣ, старѣйшій по докторству, несоизмѣримо преимуществующій предъ проф. Титовымъ по своимъ ученымъ заслугамъ, *учитель* послѣдняго.

Преосв. Ректоръ окончательно теряется. Только и говоритъ: „*это—не я, это—не я; это—митрополитъ, это—митрополитъ*“!

Профессоръ Голубевъ, очень хорошо понимающій, что въ данномъ случаѣ митрополитъ столько же повиненъ, сколько и новорожденный младенецъ, принимаетъ боевой видъ, и между нимъ и преосв. Ректоромъ происходитъ слѣдующій небольшой словесный турниръ.

Проф. Голубевъ. Позвольте, Ваше Преосвященство, спросить васъ, извѣстно-ли вамъ было о готовившемся представленіи митрополита относительно ординатуры проф. Титова?

Преосв. Ректоръ. Я зналъ, но не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія, *рѣшительно никакого*; я только *не препятствовалъ* митрополиту.

Проф. Голубевъ. А если знали и *не препятствовали*, т. е. не разъяснили митрополиту, что у насъ есть старѣйшій и достойнѣйшій кандидатъ для занятія ординатуры, и обходъ его будетъ для него *тяжкою, незаслуженною обидою*,—то я позволю себѣ въ присутствіи Совѣта заявить Вашему Преосвященству, что такое ваше дѣяніе есть *черная страница въ исторіи нашей Академіи*.—Я не войду въ Синодъ съ рѣзкою докладною запискою объ этомъ дѣлѣ въ томъ только случаѣ, если Совѣтъ будетъ ходатайствовать объ удостоеніи званія ординарнаго профессора Д. И. Богдашевскаго (упомянутый старѣйшій по службѣ и ординатурѣ, сравнительно съ о. Титовымъ, профессоръ).

Преосв. Ректоръ. Я уже думалъ объ этомъ. Такъ, безъ сомнѣнія, и будетъ.

Инцидентъ исчерпанъ. — Къ проф. Голубеву подходитъ проф. Завитневичъ и, горячо пожимая ему руку, тихимъ голосомъ говоритъ: *благодаримъ васъ, благодаримъ*. Проф. Голубевъ взираетъ на проф. Завитневича. Занавѣсъ падаетъ.

Что сказать относительно этого комидійнаго представленія? — Да ничего. Слѣдуетъ плюнуть и отойти, что проф. Голубевъ и дѣлаетъ.

XXIV.

„Не десять ли очистишася, да девять гдѣ“?— Слова эти невольно пришли мнѣ на память, когда я писалъ объ особенномъ покровительствѣ К. П. Побѣдоносцева къ проф. Титову.

Дѣло въ нижеслѣдующемъ.

Къ 5-му марта прошлаго года я, какъ членъ Предсоборнаго Присутствія, прибылъ въ Петербургъ и *спустя около недѣли* по пріѣздѣ посѣтилъ К. П. Побѣдоносцева. Я не пользовался расположеніемъ этого сановника въ бытность его оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Онъ считалъ меня *небезопаснымъ либераломъ* и по этому поводу я былъ даже (въ 1885 году) вызываемъ въ Петербургъ *для объясненій*. Но я всегда высоко чтилъ и глубоко уважалъ этого недавно почившаго старца за его горячую любовь къ Царю и отечеству и великую ревность о православіи. Эти свои чувства я и счелъ *благовременнымъ* выразить сему старцу въ надеждѣ (въ чемъ и не ошибся), что ему, уже не у дѣлъ стоящему, доставитъ удовольствіе выслушать какъ бы оцѣнку своей дѣятельности отъ человѣка, имъ до извѣстной степени,—по крайней мѣрѣ, въ былое время,—гонимаго. Принятъ я былъ съ распростертыми объятіями. Бесѣда продолжалась около часа. Нѣтъ надобности передавать ея содержаніе. Я имѣю въ виду отмѣтить только, какимъ интересомъ преисполненъ былъ сей старецъ къ проф. Титову. „Пріѣхалъ-ли Ѳедоръ Ивановичъ Титовъ“?—спросилъ онъ меня въ началѣ бесѣды. „Пріѣхалъ“,—говорю.—„Да вѣрно-ли вы знаете, что пріѣхалъ Ѳедоръ Ивановичъ Титовъ?“—повторилъ вопросъ Константинъ Петровичъ въ концѣ бесѣды. „Какъ вѣрно не знать“,—отвѣчаю,—„когда я ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ“. „А когда вы пріѣхали?—Я сказалъ. Задумался старецъ.

Спустя дня три В. Ѳ. Пѣвницкій, при встрѣчѣ со мною, сообщилъ, что онъ былъ у К. П. Побѣдоносцева, который очень

интересуется проф. Титовымъ: спрашивалъ, пріѣхалъ-ли онъ, когда пріѣхалъ и т. п. Тогда я счелъ не лишнимъ преподать проф. Титову добрый совѣтъ. „Ѳедоръ Ивановичъ,—говорю,—былъ у К. П. Побѣдоносцева я, былъ у него и В. Ѳ. Пѣвницкій. Константинъ Петровичъ очень интересуется вами. Спрашивалъ: пріѣхали-ли вы? Посѣтите его. *Утѣшьте старца*".

Не знаю, по всей вѣроятности, моему доброму совѣту проф. Титовъ и послѣдовалъ,—тѣмъ не менѣе я не могу не воскликнуть: *о вы, сыны въка сего, по вѣтру носъ держащіе! О вы, тельцы упитанные, много матокъ сосущіе и тотчасъ забывающіе тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ млеко истощевается!*

XXV.

. . . . . .

XXVI.

Я состою профессоромъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній—Кіевской Духовной Академіи и Университета св. Владиміра.

То и другое учебныя заведенія имѣютъ свои учено-литературные органы. Первое—*Труды Кіевской Духовной Академіи*, второе—*Кіевскія Университетскія Извѣстія*.

Статья проф. Титова, направленная противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ", есть явленіе,—какъ я заявилъ,—*безпримѣрное въ ученомъ журналѣ*, и первѣе всего *по брани*, которою преисполнена. Подобная статья можетъ только *грязнить*, и *грязнитъ* журналъ, ее пріютившій.

Ставлю вопросъ: могла-ли такая статья быть помѣщена въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ?*

Никоимъ образомъ.

Почему?

Да потому, что редакторъ нашего Университетскаго органа В. С. Иконниковъ очень серьезно относится къ принятымъ на себя обязанностямъ и въ этомъ отношеніи, охраняя достоинство редактируемаго имъ журнала, простираетъ свою заботливость до крайнихъ предѣловъ. Даже рѣзкія выраженія, безъ ущерба для

дѣла могущія быть опущенными, онъ проситъ авторовъ сгладить или смягчить, и авторы статей внимаютъ совѣтамъ своего многоопытнаго редактора. Такіе случаи мнѣ извѣстны.

Редакторъ нашего Академическаго журнала проф. В. П. Рыбинскій — редакторъ новый, *малоопытный*, очевидно, еще не вполнѣ сознающій значеніе принятыхъ на себя обязанностей. Онъ, повидимому, думаетъ, что за статьи, помѣщаемыя въ редактируемомъ имъ журналѣ профессорами Академіи, отвѣтственны только *послѣдніе*. Это вполнѣ справедливо относительно *научнаго достоинства* сихъ статей, но за ихъ *нечистоплотность* отвѣтственность падаетъ *на редактора* еще болѣе, чѣмъ на автора. Неужели редакторы ученыхъ журналовъ существуютъ для того, чтобы подписывать свое имя подъ книжками журнала и получать за сіе соотвѣтствующее вознагражденіе?—Если они такъ думаютъ, то я позволю замѣтить, что они не стоятъ на высотѣ своего положенія, и полагаю, что такое мое мнѣніе не можетъ не раздѣляться всѣми, имѣющими очеса незатуманенныя [1]).

А теперь я позволю себѣ обратиться къ профессору В. П. Рыбинскому не какъ редактору нашего Академическаго журнала, а какъ автору помѣщенной въ семъ журналѣ, за декабрь прошлаго года, статьи подъ заглавіемъ: „По академическимъ вопросамъ“,—статьи характера полемическаго, имѣющей въ виду мое „отдѣльное мнѣніе“ по означеннымъ вопросамъ.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Когда началось, такъ называемое, освободительное движеніе, оно коснулось и нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, что, между

---

[1]) Да не подумаетъ кто-либо (прочтя вышеозначенное), что я не доволенъ появленіемъ статьи проф. Титова, направленной противъ моихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ (я не могу быть недоволенъ тѣмъ, чѣмъ оказана мнѣ величайшая услуга). Я говорю только *о крайней неумѣстности* появленія означенной статьи *въ нашемъ Академическомъ журналѣ*. Проф. Титовъ могъ осыпать меня бранью, сколько его душѣ угодно, выпустивъ эту брань *подъ личною своею отвѣтственностію*.

прочимъ, выразилось въ составленіи профессорами „проектовъ“ новаго устава духовныхъ Академій. Не подлежитъ сомнѣнію, что существующій уставъ нашихъ Академій требуетъ, соотвѣтственно съ назрѣвшими потребностями времени, нѣкоторыхъ измѣненій и восполненій. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что всѣ мы профессора при составленіи означенныхъ проектовъ *одушевлены были однимъ желаніемъ*—поставить наши православныя духовныя Академіи *на подобающую имъ высоту*. Но сколько головъ, столько умовъ. Естественно, что между нами по данному вопросу произошла разноголосица. Образовалось двѣ партіи: прогрессивная и консервативная. Прогрессивная въ нашей Академіи (да и въ другихъ) оказалась преобладающею. Я, хотя доселѣ и числился либераломъ, да еще небезопаснымъ, примкнулъ однако къ меньшинству, т. е. партіи консервативной, и по поводу „проекта“ новаго академическаго устава, составленнаго прогрессистами, и по другимъ, тѣсно связаннымъ съ симъ проектомъ, вопросамъ входилъ съ особыми мнѣніями. Я говорилъ, что наши прогрессисты, при составленіи ими новаго академическаго устава, допустили слѣдующую большую ошибку: подмѣтили недуги нашихъ Академій *второстепенные*, даже *третьестепенные*, но упустили изъ вида недугъ ихъ *главный*. Отсюда проектируемыя ими измѣненія въ академическомъ строѣ, минуя *главное* и *существенное*, не достигаютъ намѣченной ими цѣли, а иногда даже и *отдаляютъ отъ нея*.

Главный недугъ нашихъ Академій,—говорилъ я,—это замѣчаемая *шатость* религіозныхъ началъ православной церкви, вслѣдствіе излишняго увлеченія западною (протестантскою) наукою слѣды каковой шатости можно усматривать даже въ нашей (наиболѣе устойчивой) Академіи, что́ я иллюстрировалъ очень характернымъ фактомъ (о которомъ ниже). Я не раздѣлялъ мнѣнія прогрессистовъ, что ректоромъ *духовной* Академіи можетъ быть лицо *свѣтское*, а что касается нашей Академіи (именно *нашей*), какъ имѣющей давнюю, съ начала ея основанія почти *трехсотлѣтнюю традиціонную связь* съ кіево-братскимъ монастыремъ, ректора оной мыслилъ и мыслю вмѣстѣ и *настоятелемъ сего монастыря*, т. е., какъ за послѣднія десятилѣтія повелось, *епископомъ*, и т. д. и т. д.

Упомянутая статья проф. Рыбинскаго направлена противъ таковыхъ моихъ мнѣній и напечатана, какъ замѣчаетъ авторъ, „по желанію большинства членовъ корпораціи Кіевской Академіи“,—слѣдовательно, является трудомъ какъ-бы коллективнымъ. Статья имѣетъ въ виду показать: 1) что я, проф. Голубевъ, проекту большинства стараюсь придать тенденціозное освѣщеніе и 2) что я, проф. Голубевъ, бросая всей (??) академической корпораціи упреки въ шатости религіозныхъ началъ православной церкви, привожу въ доказательство сего фактъ сомнительной достовѣрности, чуть ли не измышленный („*удивительный фактъ*, говоритъ проф. Рыбинскій, вышелъ удивительнымъ главнымъ образомъ потому, что авторъ отдѣльнаго мнѣнія сильно его *пріукрасилъ* и, можно сказать, *на половину дополнилъ*“; и въ другомъ мѣстѣ по этому поводу: „факты не должны быть *измышляемы* или *преувеличиваемы*“).

Статья заканчивается слѣдующею тирадою:

„Вѣковыя традиціи и начала, о которыхъ съ такимъ чувствомъ говоритъ авторъ „Отдѣльнаго мнѣнія“, конечно, весьма почтенны и достойны всяческаго уваженія. Но это отнюдь не значитъ, что старина должна на вѣки остаться неприкосновенной и во всѣ времена копироваться съ буквальною точностію. Иначе, чтобы быть послѣдовательнымъ, проф. Голубеву и его союзникамъ [1]) придется ратовать, пожалуй, *за возстановленіе старой академической розги*“.

На эту статью, вызывавшую на полемику, я не отвѣчалъ.

Почему?

Да потому, что отстаивать *свои взгляды* относительно академической реформы людямъ *консервативнаго* образа мыслей предъ людьми направленія *прогрессивнаго*, это,—какъ я убѣдился на опытѣ,—значитъ толочь воду въ ступѣ. Можно-ли было убѣдить одного изъ членовъ Предсоборнаго Присутствія, усматривавшаго „величайшее зло Академій въ томъ, что онѣ обслу-

---

[1]) Мое „Отдѣльное мнѣніе“ подписали профессора: В. Ѳ. Пѣвницкій, К. Д. Поповъ и теперь покойный М. Ф. Ястребовъ.

живаютъ *интересы Церкви*", въ нелѣпости такого мнѣнія?—Ни за что: онъ сроднился съ этою мыслію, она вошла въ его плоть и кровь. Здѣсь не столько разсужденія, сколько время и опытъ обнаружатъ (и теперь уже обнаруживаютъ) несостоятельность извѣстныхъ мнѣній и, будемъ надѣяться, направятъ теченіе Академической жизни въ надлежащее русло.

Собственно нуждалось въ разъясненіи обвиненіе меня чуть не въ измышленіи, по крайней мѣрѣ, въ преувеличеніи „удивительнаго факта", приводимаго въ подкрѣпленіе моего мнѣнія о замѣчаемой въ Академіяхъ шатости религіозныхъ началъ православной церкви. Но обвиненіе это сшито столь бѣлыми нитками, что онѣ, несмотря на всевозможное стараніе означеннаго профессора затушевать ихъ, явственно были видны и глазомъ невооруженнымъ.

Тѣмъ не менѣе я въ долгу передъ проф. Рыбинскимъ и „большинствомъ членовъ корпораціи Кіевской Академіи", и теперь, благодаря представившемуся случаю, нахожу благовременнымъ сей долгъ уплатить даже съ *процентами*, временемъ и жизненнымъ опытомъ (о которыхъ упоминалось) накопленными.

Сначала о „фактѣ".

Проф. Голубевъ факта не измѣнилъ и не „дополнилъ": онъ передалъ его въ *сокращенномъ* видѣ.

Въ полномъ видѣ и въ полной наготѣ, безъ всякихъ украшеній, фактъ является таковымъ.

Засѣданіе Совѣта Академіи. Профессоръ Голубевъ читаетъ рецензію на сочиненіе студента Ивана Троицкаго, писанное на тему: „Обличеніе лжеученія штундистовъ", и даетъ о немъ высокопохвальный отзывъ (проф. Рыбинскій поправляетъ: „хорошій, даже очень хорошій"; замѣтимъ, что сочиненіе было напечатано и выдержало нѣсколько изданій).—Читаетъ рецензію о томъ же сочиненіи другой профессоръ, бракуетъ его и не признаетъ заслуживающимъ степени кандидата *потому, что оно* якобы не православно. Почему не православно? Да потому, что авторъ источниками православнаго вѣроученія считаетъ не только св. Писаніе, но и св. Писаніе. По выслушаніи этой рецензіи профессоръ Д. В. Поспѣховъ встаетъ и говоритъ: „Господи,

Боже мой! столько-то лѣтъ я живу на бѣломъ свѣтѣ и ничего подобнаго слышать не приходилось", и т. д. Идутъ рѣчи о томъ, что такую рецензію *принять нельзя* и профессора, ее написавшаго, просятъ составить другую, что въ томъ же засѣданіи Совѣта онъ и исполняетъ. Между тѣмъ поднимается вопросъ, какой баллъ долженъ быть выставленъ на сочиненіи студента Троицкаго, и рѣшается, что—*четыре*. Какимъ образомъ оказался минусъ при 4-хъ, не знаю. Вѣроятно, скуповатый на баллы преосв. Сильвестръ его поставилъ. Но не въ минусѣ тутъ дѣло, а въ томъ, что проф. Рыбинскій утверждаетъ:

во 1-хъ, что профессоръ М. А. Олесницкій (другой рецензентъ) отнюдь не забраковалъ сочиненія г. Троицкаго на степень кандидата богословія, но призналъ его *посредственнымъ*, оцѣнивъ балломъ *три*.

и во 2-хъ, что рецензія проф. Олесницкаго не имѣетъ такого характера, который ей приписывается проф. Голубевымъ: она нуждается только въ поправкахъ.

Относительно *перваго* пункта замѣчу, что на первой страницѣ (рукописной) рецензіи, до ея поправокъ, значилось: „Оцѣниваю сочиненіе только балломъ 2"; и на послѣдней: „Въ виду указанныхъ недостатковъ сочиненіе студента Троицкаго признаю *посредственнымъ*", что тоже соотвѣтствуетъ баллу *два* (см. Уставъ Дух. Сем. § 130). А такъ какъ для степени кандидата требуется баллъ не ниже 3-хъ, то рецензентомъ разсматриваемое сочиненіе было *забраковано*.—Переиначивая рецензію, проф. М. А. Олесницкій слова: „оцѣниваю сочиненіе только балломъ 2", *зачеркнулъ*, а вмѣсто словъ: „Въ виду указанныхъ недостатковъ сочиненіе студента Троицкаго признаю *посредственнымъ*",—написалъ: „Но въ виду того, что авторъ не мало потрудился и много написалъ, признаю сочиненіе *удовлетворительнымъ*". Въ печатныхъ протоколахъ выраженіе „много написалъ", является въ новой редакціи „много написалъ дѣльнаго". Но всѣ эти измѣненія суть измѣненія *post factum*. А отсюда выводъ, что профессоръ Голубевъ отнюдь не занимается *измышленіями и преувеличеніями* фактовъ. И безъ него находятся люди на сіе способные.

Для уясненія *второго* пункта достаточно привести слѣдующее мѣсто изъ рецензіи проф. М. А. Олесницкаго: „Студентъ Троицкій проводитъ неправильный взглядъ на св. Писаніе и св. Преданіе... *дѣло у него представляется въ такомъ видѣ, будто часть догматическихъ и нравственныхъ истинъ извѣстна намъ изъ Писанія, а часть изъ Преданія*“.

Консерваторы не могутъ не видѣть въ такомъ мнѣніи „забвенія *азбучныхъ истинъ* православнаго вѣроученія“ и не могутъ взять подъ свою защиту подобныхъ мнѣній.

Покончивши съ *фактическою* стороною обвиненія противъ меня, обращаюсь *къ этической*.

Зачѣмъ трогать старое и накидывать какъ бы нѣкую тѣнь на имя почившаго сотоварища? Развѣ нельзя иллюстрировать ту же „шатость“ примѣрами иными, тѣмъ болѣе, что въ нихъ недостатка нѣтъ?

Совершенно спокойна моя совѣсть и въ этомъ отношеніи, что будетъ явственно изъ нижеслѣдующихъ объясненій и разъясненій.

Во первыхъ, имѣя въ виду *фактъ*, а не *личность*, я въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи не называлъ по имени М. А. Олесницкаго, но выразился неопредѣленно: „профессоръ“ (нашей Академіи). Сдѣлана же мною *впослѣдствіи*, въ подстрочномъ примѣчаніи, ссылка на М. А—ича *по просьбѣ проф. Рыбинскаго*, который заявилъ мнѣ, что такъ какъ я, безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ имѣю въ виду М. А—ича, то на него и слѣдуетъ указать: могутъ де неосновательныя подозрѣнія пасть на другихъ лицъ и т. п. Эту просьбу я и исполнилъ.

А затѣмъ я уже говорилъ, что если бы для какой либо важной цѣли (а рѣчь у меня шла *о будущемъ* нашихъ Академій) нужно было взять *цѣнный* фактъ изъ *святаго святыхъ*, то я и тогда не счелъ бы это дѣломъ грѣховнымъ. А какъ указанный фактъ *цѣненъ*, это понятно безъ объясненій. Онъ со всею ясностію и наглядностію показываетъ, какъ люди *православные по убѣжденіямъ*, *православные по жизни*, но неумѣренно піющіе отъ *чуждыхъ студенецъ*, *невольно* воспринимаютъ и чуждыя ихъ вѣрѣ воззрѣнія.

А такимъ *православнымъ* человѣкомъ былъ, и такимъ я его всегда мыслилъ, и покойный М. А. Олесницкій.

Утверждая это, не противорѣчу-ли я самъ себѣ?

Ни мало. Разъясню сказанное посредствомъ примѣра.

Отличительную черту нашей Кіевской Академіи составляетъ *вѣрность ея началамъ православія*. Она, со времени ея основанія, стояла во главѣ тѣхъ учрежденій, которыя употребляли всевозможныя мѣры, чтобы отстоять и оградить свою праотцевскую вѣру отъ враждебныхъ на нихъ посягательствъ со стороны иновѣрія. Интересы православной церкви были у нея на первомъ планѣ. Но такъ какъ, особенно на первыхъ порахъ, собственныхъ научныхъ средствъ у Академіи было мало (богословская наука стояла еще не на высокомъ уровнѣ), и она, volens—nolens, должна была обращаться къ научнымъ трудамъ иновѣрнымъ, то представители кіевской учености,—скажемъ словами кіевскихъ братчиковъ,—„піюще отъ чуждаго источника, *невольно*“ (подчеркиваемъ слово: *невольно*) „заражались“ иногда чуждыми православію воззрѣніями. Отсюда—отстаиваніе кіевскими учеными римско-католическихъ мнѣній о времени пресуществленія св. даровъ, непорочномъ зачатіи пресв. Богородицы, и друг. Вѣдь это только проф. Титовъ можетъ имѣть такое „личное“ мнѣніе (которому, въ виду *многочисленныхъ* противорѣчиваго характера фактовъ, суждено остаться мнѣніемъ *единоличнымъ*), что въ данномъ случаѣ мы должны видѣть не болѣе, какъ „*свободу преподаванія*“ (sic!!). Нѣтъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ *свободою преподаванія*, а съ заблужденіями, но только *невольными*. А невольное въ вину не ставится.

Такъ же, безъ сомнѣнія, *невольны* были заблужденія и М. А. Олесницкаго.

Мнѣ кажется, *судя по фактамъ*, что *не я*, проф. Голубевъ, имѣлъ обидное для „почившаго нашего сотоварища“ мнѣніе объ его якобы *сомнительной* преданности православію, а едва ли таковое мнѣніе не сложилось у нѣкоторыхъ другихъ членовъ нашей академической корпораціи, большинство которой *въ настоящее время* (т. е., съ большимъ опозданіемъ) беретъ подъ

свою защиту М. А—ича, ограждая его отъ навѣтовъ проф. Голубева.

Фактами же для *уразумѣнія и оцѣнки* сказаннаго могутъ служить отношенія къ М. А—у, *при его жизни*, съ одной стороны, едва-ли не *большинства* членовъ академической корпораціи, а съ другой—проф. Голубева.

Для характеристики *отношеній большинства* отмѣтимъ слѣдующее:

1) *Вынужденный* обстоятельствами переходъ М. А—ича съ каѳедры нравственнаго богословія на одну изъ философскихъ каѳедръ.

2) *Забракованіе* докторской диссертаціи М. А—ича за *протестантскія* въ ней тенденціи.

3) Печатаніе отзыва о сей диссертаціи профессора М. Ф. Ястребова, наиболѣе ярко подчеркнувшаго *означенныя тенденціи*, не въ академическихъ протоколахъ, какъ слѣдовало-бы и что обычно, а въ *видѣ статьи въ академическомъ журналѣ*.

4) удостоеніе Совѣтомъ Академіи *начала* сей статьи—отзыва *Макарьевской преміи*.

5) Пропагандированіе мнѣнія, что по напечатаніи проф. М. Ф. Ястребовымъ упомянутой статьи слѣдовало бы удостоить его за нее докторской степени („Дать мнѣ,—какъ выразился М. А—ичъ,—новую пощечину“).

Отношенія же проф. Голубева къ М. А. Олесницкому были таковы:

1) Будучи убѣжденъ, что къ диссертаціи М. А—ича наша Alma Mater отнеслась съ излишнею строгостію, что онъ своими учеными трудами пріобрѣлъ *полное право* на докторство, я, въ бытность свою въ Сергіевомъ Посадѣ, высказалъ свой взглядъ на это дѣло тогдашнему ректору Московской Академіи преосвященному Арсенію (нынѣ архіепископу псковскому) и такъ какъ онъ со мною оказался согласнымъ, просилъ его посодѣйствовать М. А—ичу въ случаѣ представленія имъ своей книги для соисканія докторской степени въ означенную Академію.

2) Когда, несмотря на доброе содѣйствіе преосвященнаго Арсенія, диссертація М. А—ча въ Московской Академіи не про-

шла, онъ стопы свои съ тою же цѣлію и съ тою же книгою направилъ въ Академію Петербургскую. Будучи лѣтомъ 1902 года въ Петербургѣ, я узналъ, что въ здѣшней Академіи относительно книги М. А—ича мнѣнія профессоровъ раздѣлились: одни находили возможнымъ принять ее въ качествѣ докторской диссертаціи, другіе—нѣтъ. Одному изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, профессору означенной Академіи, я—подобно какъ и преосв. Арсенію—выяснилъ свой взглядъ по данному вопросу и просилъ о благосклонномъ содѣйствіи. Диссертація М. А—ича въ Петербургской Академіи прошла, и я надѣюсь, что ея рецензенты помнятъ, какъ проф. Голубевъ, въ бытность свою въ Предсоборномъ Присутствіи, горячо благодарилъ ихъ за приведеніе къ благополучному концу дѣла, столь много огорченій доставившаго покойному М. А—ичу, хотя, разумѣется, и не безъ вины со стороны послѣдняго.

Это одна сторона дѣла, характеризующая мои отношенія къ М. А. Олесницкому и *многимъ* извѣстная. Но кое что изъ этихъ отношеній и доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности.

Разсѣемъ отчасти этотъ мракъ.

И А. М. Олесницкій и М. Ф. Ястребовъ (односторонній рецензентъ перваго) были одинаково близки моему сердцу. хотя были людьми противоположныхъ воззрѣній.

На упомянутое начало статьи М. Ф—ича послѣдовалъ изданный брошюрою *отвѣтъ* М. А—ича съ заявленіемъ, въ концѣ: „продолженіе будетъ“. Перья заскрипѣли. (М. Ф—ичъ дополнялъ и исправлялъ свой отзывъ; М. А—ичъ имѣлъ этотъ отзывъ въ рукописи). Каждый изъ пишущихъ дѣлится написаннымъ съ профессоромъ Голубевымъ. Слушалъ, слушалъ *сей* профессоръ *сіи* писанія, да и говоритъ своему „старому другу“ проф. Ястребову: „знаете что, М. Ф—ичъ, киньте вы это дѣло. Вы сдѣлали ошибку, забраковавъ диссертацію М. А—ича,—и въ отвѣтѣ его вамъ не мало правды. Нужно поставить надъ всѣмъ этимъ крестъ“. Задумался мой старый другъ. А М. А—ичу я говорю: „проф. Ястребовъ начинаетъ высказывать сожалѣніе, что излишне строго отнесся къ вашей диссертаціи; статью, направленную противъ васъ, едва ли будетъ продолжать печатаніемъ“, и т. п.—Словомъ,

дѣло кончилось тѣмъ, что упомянутая полемика *прекратилась*, обостренныя отношенія между М. Ф—ичемъ и М. А—ичемъ понемногу начали сглаживаться, и я смѣло могу сказать, что въ могилу оба они сошли *примиренными*. (Упомянутая статья проф. Ястребова, приготовленная къ печати, его вдовою съ другими бумагами передана бывшему ректору нашей Академіи преосв. Платону, который, надо полагать, въ свою очередь передалъ ее и. д. ректора проф. Рыбинскому).

Приведу другой фактъ, характеризующій мои отношенія къ М. А. Олесницкому, а еще болѣе *его ко мнѣ*.

Время вечернее. Приходитъ ко мнѣ М. А—ичъ сильно встревоженный,—говоритъ: „пришелъ посовѣтоваться“.—„Въ чемъ дѣло?“,—спрашиваю. Дѣло же оказалось такое: преосв. Димитрій (бывшій въ то время ректоръ нашей Академіи, теперь архіепископъ Херсонскій) своимъ орлинымъ взоромъ усмотрѣлъ въ лекціяхъ М. А—ича нѣчто „стропотное“ и по этому поводу пригласилъ его къ себѣ для переговоровъ. М. А—ичъ далъ соотвѣтствующія объясненія, которыя, очевидно, преосв. Димитрія не удовлетворили. Онъ возложилъ руку на плечо М. А—ича и далъ ему совѣтъ недѣльки двѣ—три *поболѣть*, т. е., на лекціи не ходить, поуспокоиться.—„Какъ смотрѣть мнѣ на все это: какъ на *гоненіе*, или какъ на *благоволеніе?*“—вопросилъ меня М. А. Олесницкій. Я, освѣдомленный отъ него объ означенномъ инцидентѣ *во всѣхъ подробностяхъ*, отвѣтилъ: „дорогой М. А—ичъ! Смотрите на это не какъ на *гоненіе*, а какъ на *благоволеніе*, *величайшее благоволеніе*. Не такой человѣкъ преосв. Димитрій, чтобы желалъ кому нибудь зла. Онъ даетъ вамъ добрый совѣтъ. Пора перестать *чудить*“, и т. д.—М. А—ичъ совѣту моему внялъ и къ преосв. Димитрію до конца жизни питалъ добрыя, благодарныя чувства. И не напрасно. Мнѣ доподлинно извѣстно, что хотя преосв. Димитрій не принималъ активнаго (въ смыслѣ *оффиціальномъ*) участія относительно благополучнаго рѣшенія вопроса о докторской диссертаціи М. А—ича, но много сему посодѣйствовалъ своимъ добрымъ, весьма благопріятнымъ отзывомъ о немъ предъ лицами, коимъ о семъ вѣдать надлежало.

О моихъ добрыхъ отношеніяхъ къ М. А—ичу знали лица, близко къ нему стоявшія,—и вотъ почему не къ кому другому, а именно къ проф. Голубеву обращались за совѣтами и содѣйствіемъ при рѣшеніи разныхъ вопросовъ, возникшихъ послѣ смерти М. А—ича и тѣсно съ нею связанныхъ. И въ данномъ случаѣ проф. Голубевъ всегда являлся охранителемъ чести и добраго имени покойнаго.

А что изъ сего слѣдуетъ?

А изъ сего слѣдуетъ, что уязвить проф. Голубева обвиненіемъ въ томъ, будто онъ накидываетъ тѣнь „на память почившаго сотоварища М. А. Олесницкаго“, *трудновато*.

Что касается обвиненія меня въ *тенденціозномъ* якобы *освѣщеніи* проекта академическаго устава, принятаго *большинствомъ*,—то я въ отвлеченныя словопренія по этому поводу, какъ совершенно безполезныя, входить не буду. Время и *опытъ*, какъ я сказалъ, обнаружатъ кто—*консерваторы* (къ каковымъ я себя причисляю) или *прогрессисты*—правы или не правы, и поскольку, въ своихъ воззрѣніяхъ при оцѣнкѣ того *краеугольнаго камня*, который долженъ быть положенъ *во главу* при реформированіи нашихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Поэтому въ настоящее время я позволю себѣ остановиться только на *немногомъ* по данному вопросу,—только на *томъ*, что можетъ быть выяснено не отвлеченнымъ, а, такъ сказать, демонстративнымъ, наглядным образомъ, *что можетъ быть обосновано на опытѣ, въ горнилѣ искушенномъ*.

Я коснусь чрезвычайно важнаго вопроса о ректорѣ духовной Академіи.

Въ „проектѣ необходимыхъ временныхъ измѣненій и дополненій устава православныхъ духовныхъ Академій, составленномъ по порученію общаго собранія профессоровъ и прочихъ преподавателей Кіевской Духовной Академіи отъ 5 октября 1905 года, Комиссіей изъ профессоровъ Н. М. Дроздова, В. З. Завитневича, Ѳ. И. Титова, В. П. Рыбинскаго, и доцентовъ В. И. Экземплярскаго и П. П. Кудрявцева, и одобреннымъ большинствомъ членовъ профессорской корпораціи въ общемъ собраніи 5 ноября того же

года“,—въ главѣ III „о ректорѣ Академіи“, между прочимъ, читаемъ (курсивы здѣсь и всюду ниже *наши*):

„Ректоръ избирается Совѣтомъ на четыре года изъ наличнаго состава профессоровъ Академіи какъ *свѣтскихъ*, такъ состоящихъ въ духовномъ санѣ и имѣющихъ *степень доктора богословскихъ наукъ*, и утверждается въ должности св. Синодомъ“.

Въ указѣ св. Синода *отъ 30 ноября 1905 года*, № 12052, устанавливающемъ „главныя основанія“, которыя должны быть приняты къ руководству при предстоящемъ пересмотрѣ нынѣ дѣйствующаго устава Духовныхъ Академій (такъ называемыя временныя правила), между прочимъ, читается:

„Ректоръ Академіи состоитъ *въ духовномъ санѣ* и долженъ имѣть ученую степень не ниже магистра богословія. Если бы оказалась необходимость *временно* допустить къ исправленію должности ректора лицо, не имѣющее духовнаго сана, то такое временное исполненіе обязанностей ректора не можетъ продолжаться *долѣе 6 мѣсяцевъ*“.

Въ „выработанномъ въ собраніяхъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи *3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года* проектѣ устава православныхъ богословскихъ Академій“,—въ главѣ III (о ректорѣ академіи) значится:

„Ректоръ избирается Совѣтомъ на пять лѣтъ изъ наличнаго состава профессоровъ академіи, *имѣющихъ степень доктора богословскихъ наукъ* и утверждается въ должности Святѣйшимъ Синодомъ. Ректоръ состоитъ въ духовномъ санѣ. *Если же не окажется кандидата, удовлетворяющаго требованіямъ ректорской должности и желающаго занять ее, среди лицъ, состоящихъ въ духовномъ санѣ или готовыхъ принять его, то Совѣту предоставляется* избрать въ ректоры *свѣтское лицо* и ходатайствовать предъ св. Синодомъ объ утвержденіи его *съ званіемъ исправляющаго должность ректора*“.

Мнѣніе мое, проф. Голубева, по поводу означенныхъ рѣчей (проекта, принятаго большинствомъ) о ректорѣ Академіи, изложенное въ особомъ мнѣніи, гласитъ слѣдующее:

„Въ настоящее время наша Академическая коммиссія, во исполненіе Синодальнаго указа заканчиваетъ составленіе проекта

новаго Академическаго устава, и не взирая на то, *это ей вмѣнено въ обязанность* руководствоваться при этомъ главными основаніями, установленными Святѣйшимъ Синодомъ, въ числѣ которыхъ находится и указанное опредѣленіе о духовномъ санѣ ректора (имѣется въ виду указъ отъ 30 ноября 1905 г.),—по данному вопросу проектируетъ слѣдующее положеніе: „Ректоръ избирается Совѣтомъ на пять лѣтъ... Ректоръ состоитъ въ духовномъ санѣ. *Если же не окажется кандидата*, удовлетворяющаго требованіямъ ректорской должности и желающаго занять ее среди лицъ, состоящихъ въ духовномъ санѣ или *готовыхъ принять его,* то Совѣту предоставляется избрать въ ректоры *свѣтское лицо* и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи его *съ званіемъ исправляющаго должность ректора*“.

„Разумѣется все это есть не что иное, какъ *извѣстный пріемъ обойти какой либо законъ* (въ данномъ случаѣ Синодальное опредѣленіе). Подобные пріемы не новы. Въ 16 столѣтіи въ юго-западной Руси нѣкоторыя свѣтскія лица, избранныя народомъ во епископы или настоятели монастырей и утвержденныя въ сихъ званіяхъ народомъ, по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями и монастырями, не посвящаясь въ духовный санъ и именуя себя *нареченными епископами, нареченными архимандритами.*

„Разумѣется, такіе пріемы не введутъ въ заблужденіе высшую церковную власть, но они *ясно показываютъ*, что если бы временныя правила введены были въ нашей Академіи *одновременно во всемъ ихъ объемѣ* (по поводу чего писано отдѣльное мнѣніе), то ректоромъ избрано было бы *свѣтское лицо.* Положимъ, въ данномъ случаѣ академическая корпорація не выступила бы изъ предѣловъ предоставленныхъ ей правъ (по Синодальному указу обязанность ректора въ теченіе полугода можетъ исполнять и свѣтское лицо), но чтобы это послужило къ достоинству Академіи, въ этомъ я сильно сомнѣваюсь...

. . . . . .

„Я позволю себѣ высказать мнѣніе по теперешнимъ временамъ уже совсѣмъ еретическое: я полагаю, что въ нашей Ака-

деміи, именно *въ нашей*, какъ имѣющей свои *почти трехвѣковыя традиціи и особыя историческія связи съ Кіево-Богоявленскимъ монастыремъ*, не предпочтительнѣе-ли ректора монашествующіе (*въ санѣ епископа*)"?

Таково мое, проф. Голубева, освѣщеніе проекта новаго академическаго устава, принятаго большинствомъ, по *вопросу о ректорѣ Академіи*. Выражусь опредѣленнѣе: я думаю, что *большинство* не только не дорожитъ трехвѣковою традиціонною связью нашей Almae Matris съ Кіево-Братскимъ монастыремъ, *но всячески старается* ее порвать, и дѣлаетъ это, не желая имѣть во главѣ академической корпораціи лице монашествующее—*епископа*, страдаетъ какъ бы нѣкою *епископофобіею*.

Вѣрно-ли мое освѣщеніе по данному вопросу?

Судя *по объясненіямъ* большинства, невѣрно. Большинство, вооружаясь противъ прежняго режима, когда ректора-епископы назначались высшею церковною властію, имѣло въ виду, что при такомъ порядкѣ „во главѣ ученой корпораціи можетъ оказаться человѣкъ *и по лѣтамъ и по научному цензу, а слѣдовательно и по силѣ авторитета, уступающимъ многимъ членамъ Совѣта*" (проектъ академич. устава, одобренный большинствомъ. См. Труды Кіев. Дух. Акад. 1906 г., янв., *прилож.* стр. 2). А какія отъ сего могли произойти *страшно нежелательныя* (въ особенности отъ неимѣнія надлежащаго *научнаго* ценза) *послѣдствія*, это съ *большою обстоятельностію* развито коммиссіею по составленію проекта новаго академическаго устава, заслушаннаго и одобреннаго большинствомъ въ февральскихъ засѣданіяхъ Совѣта.

Вотъ что изъясняетъ по данному вопросу означенная коммиссія:

„Какъ стоящій во главѣ высшаго ученаго и учебнаго учрежденія, ректоръ долженъ обладать *и наиболѣе высокимъ авторитетомъ, въ особенности необходимымъ въ наше время*, и не только нравственнымъ, *но и ученымъ. Неимѣніе высшей ученой степени ректоромъ могло-бы ронять авторитетъ не только ректора, но и самой академіи:* а) *среди студентовъ*

академіи, б) *среди членовъ профессорской корпораціи, поставленныхъ по уставу* (§ 3, 22, 23, 26, 27) *подъ ближайшее наблюденіе и руководство ректора*, в) *во внѣ-академическомъ обществѣ* и, въ частности, г) *среди другихъ высшихъ учебныхъ заведеній*, для ректоровъ и директоровъ которыхъ обязательна ученая степень доктора. 2) Даже уставъ духовныхъ академій 1814 г. въ числѣ требованій отъ кандидата на должность ректора академіи *на первомъ мѣстѣ ставитъ ученую степень доктора богословія* (§ 12) и замѣчаетъ, что „званіе доктора богословія даетъ преимущественное право быть ректоромъ предъ всѣми другими званіями и должностями“ (§ 13). Также по уставу 1869 г. и по проекту устава 1884 г. отъ ректора академіи *требовалась степень доктора богословія*. Но если сто лѣтъ тому назадъ главнымъ требованіемъ отъ кандидата на должность ректора академіи было обладаніе высшею ученою богословскою степенью, и если такой же взглядъ настойчиво проводился при послѣдующихъ преобразованіяхъ академій, *то въ настоящее время*, когда православно-богословская наука получила въ нашемъ отечествѣ несравненно болѣе высокое развитіе, и когда контингентъ лицъ, обладающихъ высшею ученою богословскою степенью, очень расширился, *едва-ли можно отказаться отъ названнаго требованія. Такой отказъ былъ бы молчаливымъ признаніемъ того, что въ теченіе столѣтія уровень богословской науки у насъ понизился и кругъ ученыхъ лицъ, изъ которыхъ можно дѣлать выборъ, оскудѣлъ*“.

Таковы *изъясненія большинства*. Посмотримъ теперь на факты, *опытъ*, дѣйствія сего большинства.

Преосвященный Платонъ, ректоръ нашей Академіи, получилъ новое назначеніе. Освободилась ректура. Согласно временнымъ правиламъ, предстояли новые выборы ректора. Около 20-хъ чиселъ августа проф. Голубевъ къ одному своему хорошему пріятелю писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Злобою дня у насъ служатъ предстоящіе выборы новаго ректора, согласно, такъ называемымъ, временнымъ правиламъ. *Первые* выборы—*первый* пробный камень: въ нѣкоторомъ родѣ торжественный *экзаменъ*. Выйдемъ ли мы изъ него *съ честію*

или *конфузомъ*, сіе покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ есть возможность выдти изъ созданнаго обстоятельствами положенія даже *съ большею честію*. Думаю, вы, NN, догадываетесь, что я намекаю на Д. И. Богдашевскаго. Ординарный профессоръ, докторъ богословія, *извѣстный ученый*, *авторитетъ*, человѣкъ *церковный*, убѣжденій *твердыхъ*, наичестнѣйшій и благороднѣйшій,—притомъ человѣкъ *идеи*. Ради этой идеи—послужить церкви на болѣе широкомъ поприщѣ—возможно, что онъ и рѣшится на крутой поворотъ въ своей жизни".

6 сентября сего года въ нашей Almae Matris происходили выборы новаго ректора. Баллотировались *докторъ богословія человѣкъ уже немолодой* (холостякъ) Д. И. Богдашевскій и *магистръ богословія*, *человѣкъ молодой* (священникъ, не вдовецъ), А. А. Глаголевъ, причемъ проф. Богдашевскій былъ торжественно *забаллотированъ*, а проф. Глаголевъ торжественно *выбранъ*.

Забаллотированъ, слѣдовательно, человѣкъ, *и по лѣтамъ и по научному цензу* удовлетворяющій предъявленнымъ „коммиссіею" (большинствомъ) требованіямъ, и выбранъ—онымъ неудовлетворяющій, и тѣмъ, по мнѣнію того же большинства, могущій „*ронять авторитетъ не только ректора, но и академіи*: и среди *студентовъ*, и среди *членовъ академической корпораціи*, и *во внѣ академическомъ обществѣ* и въ частности *среди другихъ высшихъ учебныхъ* и т. д., и т. д. (см. выше).

Что сей сонъ означаетъ? Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о такомъ сравнительно неважномъ фактѣ, какъ предрѣшаемая забаллотировка проф. Голубева на каѳедру исторіи русской церкви, а о фактѣ *глубоко затрогивающемъ интересы Академіи*. Показать почтеннѣйшей публикѣ *два кресла*—одно старательно *украшенное* (значеніе *докторства* и проч.), а другое не менѣе старательно *очерненное* (неимѣніе докторской степени и вытекающія отсюда, а также отъ младости лѣтъ печальныя послѣдствія) и посадить своего примаса на это послѣднее кресло,—это, что ни говорите, дѣло очень тяжелое: это значитъ сознательно возложить на своего избранника вѣнецъ не только *мученическій*, но даже *великомученическій*.

А выводъ отсюда: не правъ-ли былъ проф. Голубевъ дѣлая указанное освѣщеніе проекта новаго академическаго устава, принятаго большинствомъ, *по вопросу о ректорѣ Академіи?* Не правъ-ли онъ, полагая, что *большинство* нашей академической корпораціи страдаетъ *епископофобію?*

Понятное дѣло, что въ данномъ случаѣ я отнюдь не имѣю въ виду *личность* уважаемаго А. А. Глаголева, заявившаго къ тому же мнѣ, что онъ по вступленіи на ректуру будетъ находиться со мною *въ прекрасныхъ отношеніяхъ*, какъ и доселѣ,— я говорѣ *о принципѣ.*

Проектъ составлялся въ то время, когда ректоромъ былъ преосв. Платонъ, *магистръ,* человѣкъ сравнительно *молодой, архіерей.*

Новоизбранный ректоръ *магистръ*, человѣкъ еще *болѣе молодой*[1]) *іерей.*

Неужели „большинство“ полагаетъ, что указанные дефекты (относительно предъявляемыхъ для ректуры требованій) можетъ покрыть *іерей*, а отнюдь не *архіерей*?

Я держусь мнѣнія *противоположнаго*, и нѣтъ надобности это свое мнѣніе сильно подкрѣплять. Достаточно указать на того же преосв. Платона, который избранъ былъ сплотившимися правыми партіями (*православными*) представителемъ отъ г. Кіева въ Государственную Думу именно, какъ *православный архіерей.* И *православной*-ли *духовной* Академіи (бу́де *правильно* понимаются ее задачи) страшиться имѣть во главѣ своей *православнаго архіерея*?

Я отнюдь не защитникъ старыхъ порядковъ во всемъ ихъ объемѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что часть нашей высшей іерархіи деморализована, нѣкоторые „понаскакивали“ на святительскія мѣста безъ достодолжной для сего религіозно-нравственной подготовки и путями иногда ненадлежащими. Объ этомъ давно громогласно заявлялъ проф. Голубевъ, и за это, между прочимъ, онъ считался небезопаснымъ либераломъ.—Въ настоящее время но-

---

[1]) Преосв. Платонъ родился въ 1866 году; а А. А. Глаголевъ въ 1872 году.

вые прогрессисты вполнѣ усвоили взгляды профессора Голубева по этому вопросу и даже даютъ имъ значеніе *распространительное* (съ чѣмъ сей профессоръ не вполнѣ согласенъ, ибо полагаетъ, что большинство нашихъ іерарховъ безупречно, и есть между ними свѣтила первой величины). Но держась почти одинаковыхъ взглядовъ относительно деморализаціи части нашей іерархіи, консерваторы и прогрессисты дѣлаютъ діаметрально противоположные выводы изъ этого факта. Первые говорятъ: нѣкоторые іерархи не стоятъ на высотѣ своего положенія, слѣдовательно *нужно* заботиться о томъ, чтобы *впредь этого не было*, и часть этихъ заботъ должна быть возлагаема на наши *духовныя* Академіи, имѣющія въ числѣ своихъ задачъ подготовленіе къ церковно-общественному служенію пастырей и архипастырей. Полагаю, что выводъ этотъ логиченъ, правиленъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ православной Церкви. Прогрессисты же, выходя изъ того же факта, заявляютъ: такъ какъ въ средѣ нашей іерархіи замѣчается деморализація, то—слѣдовательно—власть ее *должна быть ограничена* тѣми или иными способами (ограничена вліяніемъ на нихъ пресвитеровъ и мірянъ, переступающимъ *достодолжныя границы*). Выводъ нелогичный, неправильный, подрывающій коренныя основы православія. Этотъ выводъ прогрессистовъ, разнообразно варіируясь, по отношенію къ Академіямъ привелъ ихъ къ неудержимому желанію не имѣть во главѣ сихъ учрежденій архіереевъ, даже въ томъ случаѣ если послѣдніе могли бы оказаться людьми наидостойнѣйшими, свѣтилами первой величины. Извѣстно, что одинъ невѣрный шагъ влечетъ за собою другіе и въ концѣ концовъ можетъ завести въ дебри непроходимыя (непримиримыя противорѣчія),—что и случилось съ нашимъ академическимъ большинствомъ, торжественно учинившимъ вышеизложенное самобичеваніе.

Я не сторонникъ прежнихъ порядковъ при замѣщеніи ректурывъ нашихъ духовныхъ Академіяхъ (назначеніе ректоровъ *исключительно* по усмотрѣнію Св. Синода). Я сторонникъ начала выборнаго. Поэтому такъ и грустно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ выдвинуты были интересы партійные, а не интересы

Академіи, какъ дорогого намъ учрежденія. Все это можетъ быть учтено въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ *по данному вопросу* въ высшихъ сферахъ и, не подлежитъ сомнѣнію, будетъ такъ трактуемо объ этомъ на предстоящемъ Всероссійскомъ соборѣ, гдѣ могутъ быть припомнены многознаменательныя слова одного изъ умнѣйшихъ и церковнѣйшихъ нашихъ іерарховъ (свѣтило первыхъ величинъ): „былъ вѣкъ апостоловъ, былъ вѣкъ исповѣдниковъ и мучениковъ, былъ вѣкъ вселенскихъ соборовъ, наступилъ вѣкъ баллотировокъ“ и т. д.

Какъ быть?

Существенную для дѣла, пользу нужно, кажется, усматривать *въ золотой серединѣ*.

По освобожденіи ректуры въ духовныхъ Академіяхъ членамъ академической корпораціи предоставляется право входить въ Совѣтъ съ обстоятельно мотивированными предложеніями о томъ или другомъ кандидатѣ; предложенія эти Совѣтомъ разсматриваются; дѣлается сравнительная оцѣнка кандидатовъ; возраженія противъ нежелательности тѣхъ или иныхъ кандидатовъ излагаются *письменно*,—и все это дѣлопроизводство (безъ баллотировки кандидатовъ) представляется на усмотрѣніе Св. Синода, который—какъ находящійся уже совершенно въ курсѣ дѣла—могъ бы сдѣлать вполнѣ *сознательно* то или другое постановленіе.

Иллюстрирую свое положеніе подходящимъ къ трактуемому случаю примѣромъ: я вхожу съ предложеніемъ на ректуру Д. И. Богдашевскаго,—предложеніемъ, въ виду выдающихся достоинствъ кандидата, *блистательно мотивированнымъ*. Могли-ли послѣдовать какія-либо возраженія противъ моего предложенія, *гласно* высказанныя и *письменно* заявленныя?—Разумѣется, никакихъ, ибо ратовать противъ очевидной истины, *при свѣтѣ дня*, невозможно.—Могли-ли быть сдѣланы возраженія противъ кандидатуры А. А. Глаголева? Лично противъ него, какъ очень хорошого человѣка, нѣтъ; но какъ будущаго ректора... достаточно было привесть приведенныя выше выдержки изъ упомянутаго проэкта новаго академическаго устава. Да при такой постановкѣ дѣла, едва-ли и выдвинута была бы кандидатура А. А—ича. А почему,—догадаться не трудно.

Во многомъ расходятся консерваторы съ прогрессистами, между прочимъ, по вопросу о задачахъ и цѣли какъ высшихъ, такъ и вообще всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній. Прогрессисты толкуютъ *о широтѣ* ихъ задачъ, *увеличеніи круга* преподаваемыхъ въ нихъ свѣтскихъ предметовъ, и т. п., а консерваторы ограничиваютъ означенныя задачи исключительно служеніемъ интересамъ православной церкви, и соотвѣтственно съ этимъ трактуютъ и о кругѣ преподаваемыхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ предметахъ.

Разумѣется, въ словопренія по этому вопросу я входить не буду. Я имѣю въ виду отмѣтить слѣдующій многознаменательный фактъ.

Никогда еще пріемные экзамены въ нашей Академіи не проходили такъ слабо, какъ въ этомъ году. Были случаи, что *назначенные* для поступленія въ Академію питомцы семинарій, слѣдовательно *лучшіе*, обнаруживали *поразительное невѣжество* въ знаніи элементарныхъ знаній по *богословскимъ и церковно-историческимъ наукамъ*. Затруднялись, напр., сказать, кому принадлежатъ слова: *величитъ душа моя Господа*; не имѣли представленія *о бесѣдѣ Пресвятой Дѣвы съ Елизаветою*, не знали, кто такой былъ *Симеонъ Богопріимецъ* и т. д.

А отсюда какой выводъ?

Слѣдующій: пусть уже лучше питомцы духовныхъ Семинарій имѣютъ смутное представленіе о *Пивагоровыхъ штанахъ*, но знаютъ, кто былъ *Симеонъ Богопріимецъ*.

Остается разъяснить одно недоумѣніе: относясь съ уваженіемъ *къ старинѣ*, не предполагаютъ ли проф. Голубевъ и „его союзники“ ратовать за возстановленіе *старой академической розги“?:*

Нѣтъ, проф. Голубевъ и его союзники за возстановленіе старой академической розги, т. е. розги *березовой*, не ратуютъ, но лично проф. Голубевъ полагаетъ, что *словесная* розга по отношенію къ нѣкоторымъ питомцамъ есть дѣло сколь пользительное, столь же для ихъ руководителей по временамъ и обязательное, и проф. Голубевъ въ потребныхъ случаяхъ сею розгою пользуется. Такъ, по случаю безобразнаго инцидента во храмѣ

Божіемъ 17 октября 1905 года (инцидента тщательно сокрытаго) онъ нѣкоторымъ питомцамъ сдѣлалъ такія внушенія, что вызвалъ краску стыда на ихъ лицахъ. Не стѣсняется сей профессоръ выступать со словесною розгою даже на лекціяхъ, когда въ томъ, по его мнѣнію, надлежитъ настоятельная надобность. И представьте себѣ, доселѣ студенты его не растерзали, и не только не растерзали, но даже иногда рѣзкую рѣчь его восполняли тоже рѣчами рѣзкими („вы, Степанъ Тимоѳеевичъ, не упомянули еще что такіе-сякіе хлѣбъ нашъ ѣдятъ, *хлѣбъ Церкви* и т. д). Почему это?

Не стѣсняется проф. Голубевъ пускать въ ходъ словесную розгу, бу́де находитъ это нужнымъ, даже относительно *давнихъ* питомцевъ своей Almae Matris, притомъ *не взирая на лица* (о чемъ, примѣра ради, приводятся два факта въ подстрочномъ примѣчаніи) [1]).

---

[1]) а) Приходитъ къ проф. Голубеву *нѣкій іерей*. Проф. Голубевъ человѣкъ очень гостепріимный. Любитъ самъ выпить, любитъ и другихъ угостить. За бутылкою вина идетъ пріятная бесѣда. „Какой теперь умный человѣкъ считаетъ Христа Богомъ“!—выпаливаетъ *іерей*. Проф. Голубевъ смотритъ на сего іерея изумленными глазами. „Да развѣ, Степанъ Тимоѳеевичъ, нельзя быть *честнымъ человѣкомъ* и въ Христа, какъ въ Бога, не вѣровать“?—Проф. Голубевъ беретъ сего іерея за рукавъ рясы и говоритъ: „Отче спанталыку сбившійся! Можно быть наичестнѣйшимъ человѣкомъ и въ Христа, какъ Бога, не вѣровать; но если ты *носишь рясу*, стоишь *передъ престоломъ Божіимъ* и во Христа, какъ Бога, не вѣруешь, то знай, что ты есть *наивеличайшій негодяй*“!

Сіе есть *роза словесная*.

б) Проф. Голубевъ приглашенъ въ числѣ другихъ членовъ Предсоборнаго Присутствія къ Высокопреосвященному митрополиту Антонію на чай. Собраніе многолюдное. Находится нѣсколько лицъ и непринадлежащихъ къ членамъ означеннаго Присутствія, и между ними одинъ извѣстный проф. Голубеву іерархъ, тотъ самый, который, проникшись прогрессивными идеями, самовластно пересталъ на богослуженіяхъ именовать (послѣ 17 октября 1905 г.) Государя Императора *Самодержавнѣйшимъ*. Подходитъ въ сему іерарху проф. Голубевъ и между ними происходитъ слѣдующій діалогъ.

Консерваторы отнюдь не защищаютъ *всѣхъ* старыхъ порядковъ своей Almae Matris. Время течетъ, а со временемъ все обновляется. Но они желаютъ, чтобы коренные устои ихъ Матери были *непоколеблены*: чтобы она сохранила и свой характеръ *національно-русскій* и свое направленіе въ полномъ смыслѣ *религіозно-нравственное, строго-православное*. Они желаютъ, чтобы ихъ Alma Mater и во время празднованія ею предстоящаго трехсотлѣтняго юбилея явилась въ своемъ собственномъ одѣяніи и чтобы то историческое мнѣніе, которое сложилось о ней, не потерпѣло бы какого-либо ущерба,—именно, чтобы по прежнему говорили о ней: „Отличительная черта Кіевской Академіи состоитъ въ томъ, что она въ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ всегда была равна самой себѣ, *не увлекаясь заманчивыми новостями иноземнаго происхожденія, православіе древнее и самодержавіе русское блюла и хранила, какъ святыню завѣтную и неприкосновенную*, стараясь въ данныхъ случаяхъ только освѣщать новымъ свѣтомъ, выяснять и утверждать начала и основы того и другого... Она въ тоже время, *нисколько не стѣсняя и не связывая ума истиннаго и разумно философствующаго въ предѣлахъ ему свыше назначенныхъ*, давала настолько простора, чтобы способности и наклонности воспитанниковъ могли легко и свободно, въ стройномъ гармоническомъ порядкѣ, безъ вреднаго преобладанія однѣхъ подъ другими, развиваться, укрѣпляться и совершенствоваться... Искусство ея начальниковъ и наставниковъ главнымъ образомъ состояло въ томъ, что они умѣли зорко и неослабно слѣдить за движеніемъ умовъ и всякіе случайно и невѣрно сдѣланные шаги *останавливать во время*, или что тоже

— Здравствуйте, Ваше Преосвященство! Вотъ ужъ васъ-то я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Петербургѣ...

— Почему не ожидали?

— Да я думалъ, что вы давно уже находитесь въ *Соловецкой обители?*

— Какъ? Почему? За что?

— Ну, Ваше Преосвященство, теперь не мѣсто и не время объ этомъ распространяться. А *за что*—сами должны знать.

Сіе есть тоже *розга словесная*.

всякое, по апостолу, *возношеніе, взимающееся на разумъ Божій*, умѣли словомъ истины *плѣнять въ послушаніе вѣры*".

XXVII.

Я далъ одно неосторожное обѣщаніе: въ концѣ своей статьи еще разъ побесѣдовать съ достопочтенными отцами святыя Кіево-Печерскія Лавры относительно „обстоятельной исторіи Кіево-печерской типографіи". Прошу у нихъ извиненія, что отказываюсь выполнить это обѣщаніе. Я до такой степени физически измученъ, можно сказать, *въ конецъ измученъ* писаніемъ настоящей статьи, неожиданно разросшейся до столь большихъ размѣровъ, что еле держу въ рукѣ перо. *Духъ бодръ, но плоть немощна.* Порывы все еще юношескіе, а силы уже не прежнія. Впрочемъ, и для молодыхъ силъ написать въ теченіе *двухъ* мѣсяцевъ болѣе *четырнадцати* печатныхъ листовъ, дѣло нелегкое, а пожалуй и изъ ряда вонъ выходящее. Поэтому я всячески спѣшу пристать къ берегу. Да и вопросъ, о которомъ я хотѣлъ трактовать слишкомъ спеціаленъ, чтобы могъ заинтересовать большую публику (не для нея и предназначалась сія трактація).

Итакъ къ берегу. Но прежде причала еще нѣсколько словъ по адресу разныхъ лицъ, и первѣе всего—*читателей вообще*.

Правъ или не правъ мой давній пріятель А. А. Дмитріевскій, предупреждавшій меня, что вступая въ объясненія съ проф. Титовымъ я компрометирую себя,—это учтено будетъ временемъ. Я *не могъ* пройти молча мимо статьи, которая посягала не только на мою ученую репутацію (это могло быть, пожалуй, оставлено безъ вниманія: ученые труды мои интересующимся ими извѣстны), но *и на доброе имя*. Послѣднее обстоятельство не могло не повліять и на характеръ моихъ объясненій. *Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты.* Отсюда и *оцѣнка личности порицателя* имѣетъ большое значеніе: нужно знать, кто васъ называетъ *пошлякомъ*, *инсинуаторомъ*, *пасквилянтомъ*, *лжецомъ*, и т. д. Но этимъ своимъ правомъ—правомъ оцѣнки личности порицателя—я, по соображеніямъ характера деликатнаго и этическаго (а отнюдь не по недостатку данныхъ), воспользовался въ степени

слабой. Сосредоточивъ вниманіе на сторонѣ научной, я другихъ сторонъ касался только вскользь: приподнималъ завѣсу не болѣе того, сколько требовали обстоятельства. О тонѣ и манерѣ моего писанія и причинахъ, ихъ вызвавшихъ, сказано выше. Считаю это маленькое объясненіе съ *читателями вообще* достаточнымъ. *Sapienti sat.*

Нѣсколько словъ В. П. Рыбинскому. Въ бытность свою въ Петербургѣ я получилъ отъ васъ, Владиміръ Петровичъ, письмо, въ которомъ (между прочимъ), извѣщая меня объ имѣющей появиться въ Трудахъ Кіевск. дух. Академіи вашей статьѣ, направленной противъ моихъ „отдѣльныхъ мнѣній“,—вы выражали надежду, что это не нарушитъ нашихъ добрыхъ товарищескихъ отношеній, такъ какъ дѣло касается не личности, а *принципа*. Вы не обманулись въ своей надеждѣ. Статья ваша, хотя и была авторизована согласіемъ „большинства членовъ корпораціи Кіевской Академіи“, нисколько меня не взволновала, и несмотря на то, что она нуждалась въ *существенныхъ фактическихъ поправкахъ*, имѣла быть оставлена мною безъ отвѣта по соображеніямъ, указаннымъ выше. Въ настоящее время по неожиданному „приключаю“, давши этотъ отвѣтъ, я питаю не только надежду, но *и увѣренность*, что онъ точно также не нарушитъ нашихъ добрыхъ товарищескихъ отношеній, такъ какъ дѣло касается тоже не личности, а *принципа* и *фактовъ*. И, разумѣется, это не фраза. Уваженіе къ вашей личности я съ достаточною ясностію выразилъ, когда *первый въ Совѣтѣ* выдвинулъ вашу кандидатуру на должность инспектора Академіи и такъ горячо и убѣжденно мотивировалъ свое предложеніе, притомъ поступалъ такъ отнюдь не по солидарности нашихъ воззрѣній, а въ сознаніи *пользы* отъ сего и *для Академіи* и для *васъ лично* (понятное дѣло. не одной только матеріальной).

Прошу не гнѣваться и на то, что я, высоко цѣня васъ, какъ инспектора, далеко не такого мнѣнія о васъ, какъ редакторѣ нашего академическаго журнала. Разумѣется, въ данномъ случаѣ я не имѣю въ виду одно только помѣщеніе въ немъ нечистоплотной статьи проф. Титова, направленной противъ меня, но и

другое, притомъ, по моему и вообще консерваторовъ мнѣнію, болѣе серьезное.

Укажу на нѣкоторые факты.

1) Въ майской книжкѣ „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи“ за 1906 годъ помѣщено „Отдѣльное мнѣніе меньшинства членовъ 1 отд. Предсоборнаго Присутствія по вопросу о составѣ собора“.

Мнѣніе это, какъ ограничивающее власть епископовъ, отринуто было и „отдѣломъ“ Предсоборнаго Присутствія и самимъ Присутствіемъ. Оно могло собрать только шесть подписей.

Мнѣніе это (подобно другимъ) получило общую извѣстность: разошлось *въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ*, и разсматриваемое съ этой стороны представляетъ еще бо́льшій балластъ для нашего журнала, издающагося въ 200—300 экземпляровъ, чѣмъ нѣкоторыя статьи проф. Титова, перепечатываемыя въ немъ въ четвертый или пятый разъ [1]).

---

[1]) Имѣю въ виду *первую* диссертацію проф. Титова, т. е., его „Изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в.,—каковая диссертація, вышедшая въ свѣтъ (съ приложеніемъ документовъ) отдѣльною книгою *въ 1904 году*, одновременно съ симъ *напечатанная* въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, редактируемыхъ проф. Титовымъ, *вошедшая*—какъ мы видѣли—*цѣликомъ во вторую его диссертацію*, въ свою очередь по частямъ печатанную въ Церковно-приходской школѣ,—несмотря на такое широкое распространеніе, была *перепечатана* въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1905 годъ (см. №№ 3, 4, 6).

А если бы будущій біографъ проф. Голубева, основываясь на *напечатанныхъ* „Извлеченіяхъ изъ протоколовъ Кіев. дух. Академіи“, упрекнулъ сего профессора, какъ онъ, будучи предсѣдателемъ комиссіи по присужденію Макарьевской преміи за статьи, помѣщенныя въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи за 1905 г., *не досмотрѣлъ* указаннаго обстоятельства и *присудилъ*, между прочимъ, *премію и проф. Титову*,—то упрекъ этотъ будетъ *несправедливъ*. Ибо проф. Голубевъ, совмѣстно съ другими членами комиссіи, означенное обстоятельство *отмѣтилъ* и въ своемъ донесеніи. заявилъ, что комиссія рѣшеніе вопроса о награжденіи проф. Титова преміею за его статьи, помѣщенныя въ академическомъ журналѣ, предоставляетъ *усмотрѣнію* Совѣта, самъ же сдѣлать это *затрудняется*, такъ какъ статьи эти представляютъ *перепечатку и притомъ не единственную*. Но проф. Титовъ,

Съ какою цѣлью напечатано означенное мнѣніе?—Чтобы одинъ—два читателя, отъ вниманія которыхъ могло случайно

присутствовавшій на Совѣтѣ, счелъ означенныя *указаніе* и *мнѣніе* комиссіи гоненіемъ на него, проф. Титова (или—какъ онъ выразился—„травлею“ его), а преосв. ректоръ находилъ означенное *указаніе о перепечаткѣ, притомъ не единственной, недопустимымъ въ оффиціальномъ*, слѣдовательно, подлежащемъ опубликованію, *документѣ*, и поставилъ вопросъ объ изъятіи изъ обращенія означеннаго компрометирующаго указанія,—вслѣдствіе чего проф. Голубевъ обратился къ преосв. ректору съ такою рѣчью: „Итакъ, Ваше Преосвященство, вы *просите* меня выкинуть указаніе на перепечатку, какъ нѣчто компрометирующее нашъ академическій журналъ?“—На что преосв. ректоръ отвѣтилъ: „я васъ *просить не хочу*, я предлагаю вопросъ на обсужденіе Совѣта“.—„А если *не хотите просить меня*,—заявляетъ неугомонный проф. Голубевъ,—то *и я не хочу* дѣлать измѣненій въ донесеніи комиссіи, какъ вполнѣ соотвѣтствующемъ дѣйствительности“.—Но тогда другіе члены Совѣта обратились къ проф. Голубеву съ просьбою объ изъятіи,—на что въ концѣ концовъ онъ и согласился, заявивъ при этомъ слѣдующее: „хорошо, господа, изъятіе учиню. Вы просите меня о немъ, безъ сомнѣнія, въ виду неприглядности факта. Въ самомъ дѣлѣ, академическій журналъ нашъ не складочное же мѣсто для перепечатокъ, притомъ далеко не единственныхъ? Вы считаете это позорнымъ. Но сообразите, *кольми паче позорно, что перепечатки эти допускаются; кольми паче позорно, что виновникъ ихъ выпрашиваетъ себѣ за нихъ премію; кольми паче позорно наконецъ, что просьба его исполняется*“!

О проф. Голубевъ, проф. Голубевъ! Не *сказки-ли* вы уже сочиняете, какъ выражается о васъ проф. Титовъ?!

Нѣтъ, господа, не сказки я сочиняю, а передаю фактъ съ фотографическою точностію, во всей его *наготѣ*, даже безъ малюсенькаго *фиговаго листика*.

„У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья“...

Не знаю, почему пришли мнѣ на память приведенныя стихи Лермонтова, когда продолженіе ихъ—

„Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья“...

совершенно уже не приложимы къ проф. Титову?—

Но уже коль скоро по какой-то ассоціаціи идей пришли на память, то даю и имъ мѣсто въ своей статьѣ—книгѣ.

ускользнуть оно, могли его прочитать въ нашемъ журналѣ? Но въ такомъ случаѣ, чтобы эти читатели были въ курсѣ дѣла, отъ чего не помѣстить бы и ученый разборъ этого мнѣнія, сдѣланный *извѣстнымъ* канонистомъ И. С. Бердиковымъ?

Гдѣ искать отвѣта на эти вопросы, ясно, если припомнимъ сказанное нами объ *епископофобіи*. Но это—воззрѣнія *партіи*, а придавать партійный оттѣнокъ академическому журналу, едва-ли удобно.

2) Я сказалъ: отличительною (историческою) чертою нашей Академіи было, что она „православіе древнее и *самодержавіе русское блюла и хранила какъ святыню завѣтную и неприкосновенную*“.—Разумѣется, мнѣнія о самодержавіи могутъ быть различныя,—но имѣя въ виду сказанное о завѣтахъ нашей Академіи и принимая во вниманіе, что между членами академической корпораціи находятся лица, которыя эти завѣты хранятъ *свято*, зная, что въ православныхъ нашихъ храмахъ ежедневно возносятся моленія о Благочестивѣйшемъ, *Самодержавнѣйшемъ* Государѣ Императорѣ,—консерваторы находятъ по меньшей мѣрѣ неудобнымъ разноглагольствованія въ академическомъ журналѣ на тему, что „русское самодержавіе *давно уже закончило свою историческую роль*, обратившись въ послѣднее время въ такой *пережитокъ прошлаго*, который, при всемъ своемъ несоотвѣтствіи измѣнившимся условіямъ жизни и, можетъ быть, въ силу этого несоотвѣтствія, сдѣлался для Россіи *тормазомъ на пути политическаго роста и культурнаго творчества*“.

Подобныя разноглагольствованія допущены были вами, Владиміръ Петровичъ, въ академическомъ журналѣ *въ то время*, когда вы еще не состояли инспекторомъ Академіи. Интересно знать, такъ-ли поступили бы вы теперь, будучи *уже инспекторомъ*, въ особенности имѣя въ виду печальный инцидентъ во храмѣ Божіемъ 17 октября 1905 года?

3) Я сказалъ, что наша Академія отличалась всегда характеромъ *національно-русскимъ*. Поэтому умѣстны ли въ нашемъ академическомъ журналѣ тѣ достаточно явственныя диѳирамбы первой Государственной Думѣ, такъ печально себя

заявившей съ самого начала своей дѣятельности? Умѣстны-ли *наканунѣ роспуска* этой Думы, напр., такія сужденія: „курсъ („котораго съ настойчивостію держится думское большинство“) *настолько вѣренъ*, что если бы жизнь страны и *направилась по какому нибудь изъ двухъ первыхъ путей* (1-й путь—„министерство останется у дѣлъ, а Дума будетъ распущена“; 2-й путь—революціонная борьба и ея грозный призракъ дидактура), то, *описавъ кривую дугу*, она снова возвратилась бы въ то русло, *въ какое такъ настойчиво хочетъ направить его думское большинство*. Къ чему же обходныя движенія, сулящія намъ новыя потоки крови?! Довольно уже ея пролито! страна хочетъ мира, *и тяжкая отвѣтственность падетъ на тѣхъ, кто тормозитъ движеніе къ мирной развязкѣ*“!

Въ частности, умѣстны-ли въ нашемъ академическомъ журналѣ сомнительнаго свойства разсужденія „о политическихъ борцахъ за свободу“, прибѣгавшихъ для осуществленія своихъ цѣлей *„къ насилію вплоть до пролитія чужой крови“*,—разсужденія, болѣе умѣстныя въ устахъ адвоката, клонящіяся къ тому, чтобы *значительную часть* отвѣтственности съ лицъ, находящихся за злодѣянія въ тюрьмахъ, сложить *„на другія плечи“* и даже какъ бы идеализирующія сихъ лицъ. „Едва-ли кто станетъ отрицать,—читаемъ въ упомянутыхъ статьяхъ,—что среди лицъ, обвиненныхъ и обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, много такихъ, которыя, *не щадя своей собственной жизни, шли на борьбу съ тою неправдой нашей общественной жизни, которая ясно сознавалась не ими одними. Ихъ вина въ томъ, что они слишкомъ больно чувствовали эту неправду и, подъ вліяніемъ нестерпимой боли, вступили на безусловно ложный и прямо-таки ужасный путь кровавой борьбы*, ужасный потому, что, долго идучи по кровавому пути, человѣкъ въ концѣ концовъ привыкаетъ къ крови и, не щадя собственной жизни, *перестаетъ щадить и другія*. Все это такъ, *но почему же* другіе—и такихъ большинство—хотя и сознавали *неправду нашихъ соціально-экономическихъ отношеній*, молча продолжали вкушать хлѣбъ и пить вино въ кругу мирной домашней обстановки? *почему* молчали тѣ, на обязанности кото-

рыхъ лежитъ возвѣщать правду не только рабамъ, но и владыкамъ (разумѣемъ, прежде всего нашихъ пастырей и особенно архипастырей: кому много дано, съ того много и взыщется)? *почему* они не изыскивали мирныхъ путей къ уврачеванію нашихъ общественныхъ недуговъ? *почему* въ ихъ рѣчахъ слышилось больше гибкаго оппортунизма, порою барской раздражительности, нежели жгучей боли о неправдѣ жизни и мужественнаго призыва къ устроенію правды? почему"?!...

Разумѣется, стоя на этой точки зрѣнія и проникшись еще бо́льшею благосклонностію къ борцамъ за свободу, можно дойти и до преклоненія передъ ними, что мы воочію и видѣли въ газетахъ извѣстнаго направленія.

Столь снисходительный къ борцамъ за свободу авторъ разсматриваемыхъ статей не только не снисходителенъ къ людямъ противоположныхъ партій, гдѣ—разумѣется—тоже могутъ встрѣчаться люди очень дурные, но не находитъ и словъ порицанія имъ. Онъ не можетъ понять, какъ такія лица могли осмѣлиться называть первую Государственную Думу *крамольною*. Его возмущаютъ до глубины души народные листки враждебнаго освободительному движенія направленія. „Сила культурныхъ навыковъ—говоритъ онъ—лишаетъ насъ возможности приводить буквально тѣ безшабашныя выходки, которыя нашли себѣ мѣсто на страницахъ газеты (Вѣче); но мы не смѣемъ умолчать о той—какъ бы выразиться?—*гнусности*, которая украшаетъ собою 20-й № газеты, выпущенный въ Троицинъ день".—Оказывается, по словамъ автора статьи, что въ означенномъ № помѣщена картина, изображающая собою красную площадь въ Москвѣ, съ памятникомъ Минину и Пожарскому. Русскіе люди держатъ хоругвь съ изображеніемъ Государя и встрѣчаютъ съ хлѣбомъ солью, духовенствомъ во главѣ и т. д. толпу вооруженныхъ цѣпами, дубинами и проч. крестьянъ, при видѣ которыхъ „интилигенты" въ безпорядкѣ бѣгутъ. Вверху картины надпись въ стихахъ:

За Вѣру, за Славу, за Русь, за Царя,
Вставай-ка, народъ православный!
Любовью къ Царю беззавѣтной горя,

Вставай ты, могучій и славный!
Вставай, подымайся! Крамола не ждетъ;
Враги, что ни день, то лютѣе,
За вѣру, за правду смѣлѣе впередъ!
Съ молитвой впередъ поскорѣе!...

„Вотъ какія изданія,—восклицаетъ авторъ,—появляются у насъ на свѣтъ Божій!“... „Возмутительно“, что призывъ „къ вооруженной борьбѣ съ интеллигенціей“ „связывается съ именемъ русскаго народа и совершается—неужели искренно?!—подъ знаменемъ креста. Что это—отсутствіе религіознаго смысла или циническое поруганіе святыни? Поистинѣ, *гробъ отверстъ гортань ихъ*“. Если подобныя произведенія являются выраженіемъ воззрѣній и настроеній „Союза русскаго народа“, „то этому союзу можно пожелать только одного—*яко исчезаетъ дымъ—да исчезнетъ*. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

Пишущій эти строки врагъ всякаго насилія, *откуда-бы оно ни исходило*, и потому съ *одинаковымъ* порицаніемъ относится ко *всѣмъ* лицамъ (какой бы партіи они ни были), прибѣгающимъ къ насиліямъ, особенно кровавымъ.—Но авторъ упомянутыхъ статей, очевидно, держится по данному вопросу противоположнаго мнѣнія...

Не видна-ли во всемъ этомъ явная *тенденціозность*, явная *партійность?* Допустимы-ли такія статьи въ нашемъ академическомъ журналѣ?

Вы, Владиміръ Петровичъ, скажете, что далеко не такъ разсуждаютъ объ означенныхъ статьяхъ другіе члены академической корпораціи (причемъ сошлетесь, что эти статьи, какъ научно, съ *философской* и *христіанской* точекъ освѣщающія общественные вопросы, удостоены Макарьевской преміи, укажете и на авторитетное сужденіе по данному вопросу новоизбраннаго отца ректора). Разумѣется, все это такъ. Но вѣдь упорныхъ консерваторовъ вы не переубѣдите. Они все будутъ покачивать головами и говорить:

Друзья!
Нельзя-ль для этакихъ прогулокъ,
Подальше выбрать закоулокъ?!

Иные могутъ сказать, не имѣетъ-ли въ виду проф. Голубевъ причинить *нѣкое зло* автору означенныхъ статей. На сіе отвѣчаю: я скорѣе отсѣкъ бы себѣ руку, если бы думалъ, что слова мои могутъ принести *зло*, а *не добро*. Авторъ сихъ статей человѣкъ талантливый, *идейный*, болѣющій о неурядицахъ современной жизни и пишущій о нихъ, можно сказать, *кровью сердца*. Такіе люди за свою прямолинейность заслуживаютъ уваженія. Проф. Голубевъ желаетъ только указать, какъ различно понимаются *задачи и цѣли*, преслѣдуемыя нашими *духовно-учебными заведеніями*—и что въ этомъ виноваты, во первыхъ, неурядицы современной жизни, а во вторыхъ, *отсутствіе ясныхъ, точныхъ, опредѣленныхъ указаній по данному вопросу свыше*. Все прошлое должно быть предано прощенію и забвенію, уже потому, что (скажемъ словами автора статей) „*всѣ за всѣхъ виноваты*, а потому кто самъ безъ грѣха, пусть первымъ броситъ камень въ виноватыхъ“. Но пути, соотвѣтственные задачамъ Академіи, должны быть указаны *опредѣленно* и рукою *твердовластною*.

Тѣ жестокіе упреки, которые авторъ упомянутыхъ статей, преподноситъ нашимъ „архипастырямъ“, могутъ быть весьма значительно ими ослаблены заявленіемъ, что неурядицы современной жизни вызваны, такъ называемымъ, освободительнымъ движеніемъ. Послѣднее же есть дѣло не столько чадъ православной Церкви, овецъ ихъ стада, сколько лицъ, внѣ ограды сей Церкви стоящихъ. Но эти упреки, хотя бы и въ иной формѣ, могутъ быть не безъ основаній преподносимы имъ, коль скоро рѣчь коснется нашихъ духовно-учебныхъ заведеній,—а *почему*, это можно выразить словами того же автора: „и сбывалось надъ вами Евангельское слово: пока *вы спали, пришелъ врагъ и посѣялъ плевелы*“.

Я надѣюсь, что мои опять растянувшіяся рѣчи не пропадутъ даромъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что статьи въ нашемъ академическомъ журналѣ будутъ редактированы съ бо́льшею, нежели доселѣ, осторожностію.

Неправда-ли, Владиміръ Петровичъ? —

Два—три слова Высокопреосвященному Платону, бывшему ректору Кіевской Академіи. Вы, Ваше Высокопреосвященство, предъ отъѣздомъ изъ Кіева, просили, чтобы я, отвѣчая на статью проф. Титова, „не мѣшалъ сюда васъ“. Я, сколько было возможно, это сдѣлалъ (и вы это должны знать): бо́льшаго сдѣлать не могъ безъ нарушенія требованій высшей справедливости. *Plato amicus, sed magis amicus veritas.*

А теперь, будучи уже у самаго берега, обращаюсь съ маленькою *послѣднею* рѣчью къ виновнику настоящей, такъ много физически измучившей меня *статьи—книги.*

Напрасно вы, проф. Титовъ, думаете, что я питаю къ вамъ *злобу*, да еще *непримиримую.* Что я рѣшилъ *сторониться* отъ васъ—это правда, а почему—тоже объяснено. А начавши васъ сторониться, я совершенно *не интересовался* вашими дѣлами; посему всѣ ваши намеки, якобы я „видимо хотѣлъ убѣдить“ кого-то относительно васъ въ томъ-то, инсинуировалъ противъ васъ, и т. п., а также сопоставленіе моей статьи въ какую-то связь со слухами о вашемъ „новомъ назначеніи“, приплетеніе сюда какого-то „грязнаго бульварнаго листка“, гдѣ что-то говорилось о васъ на основаніи моихъ „Объяснительныхъ Параграфовъ“ и *ихъ словами*,—все это суть, поколику дѣло касается меня, плоды вашей фантазіи. Дня три спустя по прочтеніи вашей статьи, я позволилъ себѣ за довольно многолюднымъ обѣдомъ (12 іюля) въ честь отъѣзжающаго высокопреосвященнаго Платона обратиться съ такимъ вопросомъ къ митрополиту—Владыкѣ: „позвольте, Владыко, обратиться къ вамъ съ вопросомъ, отвѣтъ на который для меня имѣетъ большое значеніе: во время моихъ бесѣдъ съ вами не было-ли случая, что я о проф. Титовѣ да и вообще о комъ-либо изъ моихъ товарищей-сослуживцевъ дерзнулъ отозваться неуважительно, или *накинуть на кого-либо хоть маленькую тѣнь?* – и получилъ отъ митрополита-Владыки отвѣтъ: „*Никогда этого, Степанъ Тимоѳеевичъ, не было*“.—Правда, высокопреосвященный Платонъ тотчасъ же замѣтилъ: „да развѣ нашъ Владыка позволилъ-бы кому либо“...—и проч.,—на что ему проф. Голубевъ возразилъ, что онъ не интересуется тѣмъ, *что* позволяетъ и

чего не позволяетъ Владыка—митрополитъ, а для него, проф. Голубева, важно констатировать, *чего онъ самъ не позволяетъ*. А про себя сей профессоръ подумалъ: „да развѣ нашъ митрополитъ всевѣдущій? Вотъ, положимъ, является къ нему кто-либо изъ лицъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ академическими дѣлами, и говоритъ: у насъ есть прекрасный человѣкъ Ѳ. И. Титовъ и написалъ онъ наипрекраснѣйшее сочиненіе, которое представилъ на доктора, но проф. Голубевъ, по недоброжелательству къ сему ученому, задерживаетъ его диссертацію, видимо хочетъ ее не пропустить и т. п. Что можетъ на это отвѣтить митрополитъ?—Разумѣется, долженъ согласиться, что если дѣло обстоитъ такъ, какъ ему его докладываютъ, то проф. Голубевъ не правъ,—и произнести таковому его поступку слово осужденія“.—Думы же эти у проф. Голубева естественно могли возникнуть потому, что распространились въ маѣ 1905 г. слухи, будто Владыка—митрополитъ очень недоволенъ проф. Голубевымъ за некорректность его относительно диссертаціи проф. Титова, и друзья проф. Голубева настойчиво совѣтовали ему поѣхать къ митрополиту и объясниться съ нимъ, на что сей профессоръ обычно отвѣчалъ: „по слухамъ, что митрополитъ не доволенъ имъ, навязываться къ нему съ объясненіями, онъ считаетъ *ниже своего достоинства*. Если митрополитъ чѣмъ либо недоволенъ проф. Голубевымъ, то можетъ пригласить его къ себѣ для объясненій“. И думаю, что разсужденія мои были правильны, и думаю, что не вмѣшанъ ли былъ въ это дѣло ни въ чемъ неповинный митрополитъ по соображеніямъ характера дипломатическаго. При встрѣчѣ съ Владыкою я, доселѣ молчавшій о семъ, спрошу его.

Очень благодаренъ вамъ, проф. Титовъ, за упоминаніе о бульварномъ листкѣ. Это даетъ мнѣ возможность разрушить еще одну изъ легендъ, по крайней мѣрѣ, въ былое время окружавшихъ проф. Голубева. Въ былое время появлялось довольно много анонимныхъ корреспонденцій о нашихъ академическихъ дѣлахъ съ критикою преимущественно лицъ начальствующихъ. Кто былъ *авторомъ* сихъ корреспонденцій?—Бывшій ректоръ нашей Академіи преосв. Михаилъ, впослѣдствіи епископъ Курскій, такъ и

умеръ, полагая (а почему полагая?), что симъ авторомъ былъ никто другой, какъ проф. Голубевъ. „И что я этому человѣку сдѣлалъ?“— сѣтовалъ онъ, будучи уже на епархіи, предъ покойнымъ теперь П. А. Лишкаревымъ, безуспѣшно развѣубѣждавшимъ въ этомъ преосв. Михаила. А проф. Голубевъ въ теченіе всей своей жизни не написалъ ни съ подписью, ни анонимно безъ подписи, *ни ебиной, такъ-таки ни единой корреспонденціи,* о чемъ всеторжественно и заявляетъ. Къ такимъ пріемамъ онъ не прибѣгаетъ и не способенъ на нихъ; желая вступить съ кѣмъ либо въ турниръ онъ обычно говоритъ: *„хочу на вы ити“*,—и дѣло съ концемъ.

Но, кажется, я веду такія рѣчи съ проф. Титовымъ, которыя выше его пониманія. Но надѣюсь, для него понятно то, чѣмъ начата моя статья.

Она начата утвержденіями проф. Голубева, что

а) его „Объяснительные параграфы“ представляютъ ту или иную *дѣйствительную, а не фальшивую цѣнность,* ибо устанавливаютъ *вполнѣ вѣрный взглядъ на мнимыя открытія* проф. Титова и попутно *исправляютъ и другія вкравшіяся въ нашу библіографію ошибочныя мнѣнія.*

и б) что направленная противъ сихъ „Объяснительныхъ параграфовъ“ статья проф. Титова есть статья *въ научномъ отношеніи ничтожнѣйшая,* свидѣтельствующая *о незрѣлости критической мысли автора.*

Если сіи утвержденія суть утвержденія, *обнаруживающія грубое невѣжество* проф. Голубева, суть только *фразы буффонадныя, инсинуаціи, да еще гнусныя* и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ,—то сей проф. подлежитъ наказанію жестокому. Наказать проф. Голубева, не *словами* а *дѣломъ,* въ вашей, проф. Титовъ, власти. Попробуйте. Если вы сомнѣваетесь *въ авторитетѣ* указанныхъ для сей цѣли лицъ, проф. Голубевъ и въ данномъ случаѣ готовъ пойти на компромиссъ: можно обратиться къ средоточному кругу нашихъ ученыхъ труженниковъ—нашей Императорской Академіи Наукъ, пусть она сама изберетъ по трактуемому вопросу авторитетныхъ людей [1]).

[1]) Въ виду добраго дѣла: обезпечить полученіе образованія хотя бы немногимъ лицамъ,—едва-ли Академія Наукъ откажется отъ небольшихъ хлопотъ, вызываемыхъ настоящимъ предложеніемъ.

Сдѣлать такое предложеніе побуждаетъ *меня нравственный долгъ по отношенію къ вамъ*, проф. Титовъ. Но это—*единственный пунктъ*, на которомъ я могу *и обязанъ* войти съ вами въ соприкосновеніе. Относительно всего остального буду *проходитъ молча*, какія бы обвиненія вы на меня не возводили. Можете, ставши передъ своимъ Вельзевуломъ, колѣна предъ нимъ преклонше *и припадше*, усилить звуки своихъ іерихонскихъ трубъ,—не обращу ни малѣйшаго вниманія.

А за симъ прошу, проф. Титовъ, посторониться и дать дорогу профессору Голубеву: онъ идетъ въ типографію сдать послѣдній листъ своей рукописи,—идетъ *съ гордо поднятымъ челомъ*,—а съ какимъ челомъ вы, проф. Титовъ, *будете читать* мою статью—книгу?—

А впрочемъ, *какимъ обухомъ*... (хотѣлъ было я сказать давно приготовленную фразу, но—Богъ съ вами,—и такъ сказано, полагаю, достаточно для вашей памяти на многія лѣта).

Post scriptum.

Предъ самымъ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги, я прочиталъ корреспонденцію изъ Кіева, помѣщенную въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ отъ 27 сентября 1907 года, гдѣ идетъ рѣчь о выборахъ въ нашей Академіи новаго ректора, согласно „временнымъ правиламъ“.

Цѣль корреспонденціи—создать *извѣстное настроеніе* по данному вопросу. Авторъ, очевидно, опасается, что Св. Синодъ можетъ призадуматься надъ вопросомъ *о разрывѣ почти трехвѣковой традиціонной связи нашей Almae Matris съ Кіево-Братскимъ монастыремъ*, и поэтому старается выяснить возможность, даже необходимость этого разрыва на основаніи прошлаго самой Кіевской Академіи, ибо это прошлое, *исторія* самой Академіи, *„при правильномъ ея пониманіи,* учитъ не безплодному коснѣнію въ омертвѣвшихъ формахъ, а разумному видоизмѣненію этихъ формъ соотвѣтственно запросамъ времени“. А поэтому, если „находятся люди, которые въ мирной борьбѣ за примѣненіе выборнаго начала во внутренней жизни духовныхъ академій видятъ и попраніе традицій, и чуть-ли не ниспроверженіе основъ“,—то „чего больше въ этихъ взглядахъ—*историческаго-ли невѣжества или намѣреннаго непониманія—судить трудно*“.

Что касается до разрыва традиціонной связи Академіи съ монастыремъ, доселѣ объединявшихся подъ начальствомъ одного лица—ректора и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятеля-епископа,—то отъ этого разрыва произрастутъ плоды добрые. За послѣднее время

не было въ Кіевѣ ректора Академіи (онъ находился въ Петербургѣ); а за назначеніемъ его на новую должность и вовсе нѣтъ въ монастырѣ настоятеля,—и что-же? Отношенія академической корпораціи къ монастырю „не только не омрачились, но *вслѣдствіе отсутствія внѣшней власти, которая бы регулировала эти отношенія, получили характеръ нравственной красоты*“.

„Прошлое мало знать“,—поучаетъ корреспондентъ,—„*его надо умѣть понимать*“. Самъ же онъ съ этимъ „прошлымъ“, повидимому, знакомился исключительно по небольшой статьѣ проф. Н. М. Дроздова, помѣщенной въ мартовской книжкѣ „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи“ за 1906 годъ, подъ заглавіемъ: „Предположенія о преобразованіи духовныхъ Академій въ историческомъ освѣщеніи“,—статьѣ, имѣющей въ оглавленіи, между прочимъ, такія рубрики: „Выборы ректора изъ наличныхъ профессоровъ.—*Участіе студентовъ въ выборѣ ректора.*—Отношеніе Академіи къ Кіево-Братскому монастырю.—*Ходатайство Академіи о закрытіи Братскаго монастыря.—Свобода ученія.—Студенческія организаціи или корпораціи (конгрегаціи) и сходки.—Возстанія студентовъ противъ инспекціи и бойкотированіе профессоровъ*“.

Упомянутая корреспонденція, преслѣдующая указанную цѣль, имѣетъ одинъ чрезвычайно важный дефектъ: отсутствіе подъ нею *имени автора*. А знать это весьма не лишне, и вотъ почему.

Когда кіевскія газеты *черезчуръ освободительнаго* направленія весьма интересовались выборами ректора нашей Академіи, привѣтствовали послѣ сихъ выборовъ побѣду „профессоровъ прогрессистовъ“, оповѣщали о полученіи А. А. Глаголевымъ „частной телеграммы изъ Св. Синода объ утвержденіи его ректоромъ Академіи“, заявляли, что митрополитъ не принялъ прошенія отъ „Союза русскаго народа“ относительно сохраненія связи между Академіею и монастыремъ и т. п.,—все это, какъ помѣщаемое въ газетахъ извѣстнаго направленія, и учитывалось *соотвѣтствующимъ образомъ*.

Но что мы можемъ сказать о корреспондентѣ анонимѣ?

Скрывшись подъ забраломъ, онъ смѣло упрекаетъ другихъ въ *историческомъ невѣжествѣ* относительно прошлыхъ судебъ Кіевской Академіи. Но самъ, какъ мы замѣтили, освѣдомленъ объ этомъ прошломъ, повидимому, исключительно по упомянутой статьѣ проф. Дроздова,—статьѣ, начертанной рукою не спеціалиста, вызванной обстоятельствами случайными и кратко трактующей о матеріяхъ тоже, бо́льшею частію, случайныхъ.

Анонимный корреспондентъ поучаетъ, что прошлое надо умѣть понимать. Но до какой высоты достигла степень пониманія самого корреспондента относительно прошлаго нашихъ духовно-учебныхъ заведеній—судить трудно, ибо высота этого пониманія бываетъ различна: одни считаютъ это прошлое „бастиліею духа“, другіе видятъ недостатки сей „бастиліи“ въ томъ, что въ нее не допускались лица обоего пола, притомъ безъ различія вѣроисповѣданія и т. д. и т. д.

Sapienti sat.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.